This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

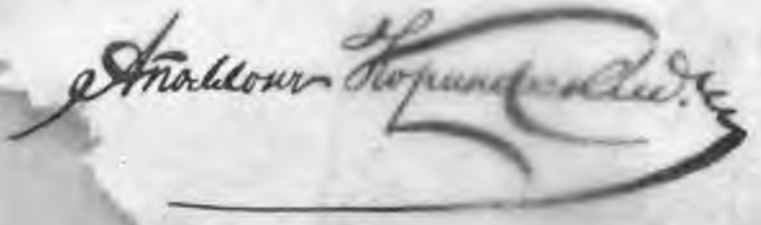
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

OC 84



Съ фотографіи Д. С. Здобнова.

Аполлонъ Коринфскій.

ВЪ ЛУЧАХЪ МЕЧТЫ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1898—1905 гг.

I. Въ лучахъ мечты.
II. Думы жизни.
III. На груди природы.
IV. Бывальщины.
V. Отголоски.
VI. Славянскіе напѣвы.
VII. Пѣсни Арменіи.
VIII. Изъ иностранныхъ поэтовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Посвящается

Маріаннѣ Іосифовнѣ

Коринфской.

Пусть возглашаетъ смерть завѣтамъ
Кичливой мысли нищета,—
Они горятъ безсмертья свѣтомъ—
Любовь, добро и красота...
Мечта—завѣтная мечта!
Не все погибло въ мірѣ этомъ,
Пока на свѣтѣ есть мечта...

Она блеснетъ, она освѣтитъ
Весь мракъ страстей, всю бездну тьмы
И о свободѣ вѣстью встрѣтитъ
Порабощенные умы...
Одной мечтою живы мы:
Она придетъ, она отвѣтитъ
На все, въ чемъ ждемъ отвѣта мы!..

Зови мечту, стремись за нею,—
Хотя-бъ подъ бременемъ креста!
Борись до гроба за идею,
Что всѣмъ доступна высота...
Пусть это, пусть одна мечта,—
И свѣтъ во тьмѣ горитъ яснѣе,
Пока на свѣтѣ есть мечта!..

I.

ВЪ ЛУЧАХЪ МЕЧТЫ.

* * *

Гости далекой, безвѣстной страны—
Грезы со мною, какъ въ годы былые,—
Свѣтятъ мнѣ въ сердце лучами весны,
Будятъ въ душѣ позабытые сны,
Сны мимолетные, сны молодые...

Новыя силы проснулись въ груди,
Новымъ огнемъ разгораются очи;
Слышу я голосъ:—„Иди-же, иди!
Небо зарею горитъ впереди!
Сгинетъ безмолвіе тягостной ночи!..“

Снова я, снова твержу наизусть
Дней позабытыхъ молитвы святыя...
Гаснетъ тоска, проясняется грусть,
Думы свѣтлѣютъ... О, пусть это, пусть
Сны мимолетные, сны молодые!..

* * *

Въ ея глазахъ заря блаженства свѣтитъ,—
Мадоннъ Италіи глубокіе глаза!
Какъ счастливъ тотъ, кому ихъ страсть отвѣтитъ,
О комъ въ разлуки часъ блеснетъ на нихъ слеза!..

Не мнѣ ихъ яркій блескъ, ихъ кроткое мерцанье;
Но какъ бы я желалъ—въ ихъ глубину смотря,
Молитвенно шептать: — „Да минетъ ихъ страданье!
О, пусть не гаснетъ ихъ прекрасная заря!“

* * *

Зари я ждалъ, зари—
Заря не выплывала;
Кругомъ—темнѣла ночь,
Темнѣла и молчала.

И призраки вились,
И тѣни шли волною,
И мракъ, зловѣщій мракъ,
Клубился надо мною...

Тянулись день за днемъ,
Чѣмъ дальше—тѣмъ мрачнѣе;
И даль, пѣмая даль,
Вставала все грознѣе.

Тоска мнѣ, какъ змѣя,
Всю душу обвивала;
Любви я ждалъ, любви,—
Любовь твоя молчала...

* * *

Какъ солнца лучъ, какъ блескъ разсвѣта
Въ угрюмый мракъ тюрьмы глухой,
Запалъ мнѣ въ сердце образъ твой
Мерцаньемъ чистаго привѣта.

Онъ озарилъ всю глубь души,
Всю бездну муки безысходной,
И поднялись волной свободной
Мечты, дремавшія въ тиши.

И что ни день, все легковѣрнѣй
Смотрю я въ мракъ житейскихъ тучъ...
Сіяй, мерцай, мой свѣтлый лучъ!
Не угасай, мой свѣтъ вечерній!..

На свѣтлый берегъ.

Я утопалъ средь бурныхъ волнъ;
Былъ безпощаденъ рокъ суровый,—
Но ты пришла .. Я снова полнъ
Надеждой, вѣрить въ жизнь готовой...
Плыви, плыви, мой утлый челнъ,
На свѣтлый берегъ жизни новой!..

О, пусть еще темно вокругъ
Отъ неразгаданныхъ сомнѣній,—
Не страшенъ мнѣ тоски недугъ,
Ни тяжкій гнетъ былыхъ мученій:
Вѣдь ты со мною, кроткій другъ!
Вѣдь я съ тобой, мой добрый геній!..

Свобода—пѣснямъ и мечтамъ,
Конецъ—томительной тревогѣ!
Вотъ-вотъ онъ виденъ—чудный храмъ
На рубежѣ земной дороги...
Туда, туда!.. Сіяютъ тамъ
Любви блаженные чертоги...

12 октября 1902 г.

* * *

Восторгъ безмолвія!..
О, сколько скрыто въ немъ
Признаній роковыхъ—таинственныхъ признаній,
Завѣтныхъ тайнъ души, загадочныхъ желаній,
Пылающихъ негаснущимъ огнемъ!

Къ чему слова въ блаженный этотъ часъ?!.
Безъ нихъ сердцамъ такъ близко, такъ понятно,
Что̀ шепчетъ страсть безумная невнятно,
Что насъ влечетъ, что вдохновляетъ насъ!..

Взглядъ, долгій взглядъ, исполненный томленья...
Предвѣдѣнье блаженства и тоски...
Порою—первное пожатіе руки...
Восторгъ безмолвія...
О, сколько упоенья!..

* * *

Твоя улыбка—лучъ весенній
На струйкахъ рѣзваго ручья;
Мелькнетъ, заблещетъ,—нѣтъ сомнѣній:
Она—моя, или ничья!

Твой голосъ—пѣсня птички скромной
Въ передразсвѣтной тишинѣ,—
Поетъ, звенитъ свирѣлью томной...
И эта пѣсня—обо мнѣ!

Когда грустна ты, молчалива
И безпокойно смотришь вдаль,—
Какъ передъ грозной бурей нива,
Мнѣ къ сердцу клонится печаль;

И я грущу, моя бѣдняжка!
Но эта грусть тиха, ясна:
Я жду—вотъ-вотъ зальется пташка,
И улыбнется мнѣ весна...

* * *

Мое небо—въ глубокой лазури очей,
Мои тучи—въ тоскующемъ сердцѣ моемъ,
Мое солнце—въ любви быстролетной твоей,
Мое счастье, послѣднее счастье, въ твоемъ.

О, пускай это небо глядитъ на меня,—
Пусть оно не темнѣетъ отъ сумрака тучъ!
Пусть горитъ, не сгораетъ, не гаситъ огня,
Мое солнце—любовь, твой живительный лучъ!..

* * *

Ты говоришь, что пѣснь моя грустна,
Что въ ней слышна мелодія страданья,—
Дитя надеждъ—рождается она
Въ часы тоски, въ минуты ожиданья!

Пусть въ ней звучитъ, пусть стонетъ въ ней печаль,
Пусть сердце въ ней порою плачетъ кровью,—
Отъ мрака лжи въ лазуревую даль
Влечетъ она—свѣтла живой любовью.

Я жду тебя... Я вѣрю—ты придешь...
И—въ тотъ-же мигъ воскреснетъ счастье наше,
И дней былыхъ отравленная ложь
Не прикоснется къ пиршественной чашѣ...

* * *

О, еслибъ свѣтъ очей любимыхъ,
Твоихъ мерцающихъ очей,
Не озарялъ моихъ путей,
Тобой невидимо хранимыхъ,—
Давно-бъ погибъ я для людей
По волѣ волнъ неукротимыхъ
Безумствомъ плещущихъ страстей!

Нахлынетъ валъ, взволнуетъ воды,
Запѣнитъ бурныхъ волнъ хребты,
И—топутъ вольныя мечты,
И я—лишь жалкій рабъ природы...
Но въ дымкѣ грёзъ мелькнула ты,
И—вновь плыву я въ край свободы
Къ святынямъ вѣчной Красоты!..

* * *

О, дитя! Не грусти, что порою
Труденъ путь нашъ—завѣтный нашъ путь,—
Дай мнѣ руку и дружной четою
Мы пройдемъ весь его какъ-нибудь!

Вѣдь не все-жъ надъ землею туманы,
Тучи небо темнятъ не всегда,—
И пловцамъ чрезъ моря-океаны
Путеводная свѣтитъ звѣзда!

Вѣрь мнѣ, другъ мой: когда бы ошибокъ
Не встрѣчалось вблизи и вдали,—
Мимолетнаго счастья улыбокъ
Оцѣнить бы и мы не могли!

Жизнь порой холодна и уныла,
Жизнь обманетъ жестоко порой,—
Но еще не угасли свѣтила,
Но любовь—не въ могилѣ сырой!

Пусть-же сердце тревогою бьется,
Пусть душа изнываетъ въ борьбѣ,—
Улыбнется еще, улыбнется
Счастье жизни и мнѣ, и тебѣ!..

* * *

Прости, за все прости! Не вспоминай былого!
Забвенье прошлому! Что было, то прошло...
Ты видишь? Посмотри! Не солнышко-ли снова
Надъ нами въ небесахъ такъ ласково взошло?..

Ты видишь? О, взгляни!—Тернистая дорога
Цвѣтами манитъ взоръ, вся розами цвѣтетъ...
Какъ много пышныхъ розъ! Какъ счастья въ жизни много!..
Пойдемъ къ нему со мной безтрепетно впередъ!

Пойдемъ къ нему смѣлѣй! Пусть думой не туманитъ
Тебя, мой милый другъ, напрасная печаль,—
И солнышко любви намъ снова въ сердце взглянетъ;
Недаромъ такъ свѣтла заманчивая даль!

Гдѣ солнце—тамъ любовь; гдѣ свѣтъ—тамъ возрожденье!
Все шире, все свѣтлѣй завѣтные пути...
Забвеніе—всему! Тревогамъ всѣмъ—забвенье!..
Прости, за все прости!..

* * *

Вся жизнь—мгновенье;
Мгновенье—вѣчно:
И вдохновенье,
И упоенье,
И возрожденье—
Все безконечно, все безконечно...

Любви объятья,
Пылъ наслажденья,
Вражды проклятья—
Готовъ отдать я
Всю безъ изъятья
Жизнь за мгновенье... Жизнь за мгновенье!..

* * *

Какъ безмолвенъ этотъ вечеръ,
Упоенный нѣгой лѣтней!
Съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мигомъ
Все онъ тише, все привѣтнѣй...

Пламя зорьки догорѣло
Надъ пустыннымъ перелѣскомъ;
Но еще мерцаетъ западъ
Переливнымъ алымъ блескомъ.

Словно врѣзалися въ небо
Сосенъ темныя вершины;
Задымилася росою
Глубь задумчивой долины.

Изъ-за лѣсу ночь выходитъ,
Ночь ведетъ толпы видѣній,
Убаюкивая думы
Въ колыбели настроеній.

Вся она полна истомы,
Вся призывомъ страсти дышетъ...
Сердце, бейся!.. Насъ разсудокъ
И не видитъ, и не слышитъ...

Изъ жизни мгновеній.

И ночь, и звѣзды, и цвѣты,
И шелестъ листьевъ еле внятный,—
Все обаянье красоты
Непостижимой, необъятной...

Въ такую ночь молчать нѣтъ силъ..
Въ такую ночь таить признанья?!
Нѣтъ, за невольниковъ молчанья
Весь Божій міръ заговорилъ!..

Приди! Откликнись!.. Гдѣ-же ты,
О, призракъ женственно-прекрасный?!
Я—твой, одной тебѣ подвластный!..
И ночь... И звѣзды... И цвѣты...

Альпійская роза.

I.

Чуткой обвѣяна грезой,
Въ легкомъ, какъ тѣнь, полуснѣ
Розой, альпійскою розой,
Ты представлялася мнѣ—
Той, о которой сплетались
Старой легенды слова
И по землѣ разлетались
Всюду, гдѣ ходитъ молва,
Всюду, гдѣ живы сказанья
Вѣщей, какъ сонъ, старины,
Гдѣ вѣковыя преданья
Чаръ сновидѣнья полны...

II.

Въ даль, уводящую взоры
Къ вѣчнымъ громадамъ снѣговъ—
Въ горы, въ альпійскія горы,
Въ царство нетающихъ льдовъ
Графская дочь проходила,
А за своей госпожой—
Полонъ отваги и пыла—
Слѣдовалъ пажъ молодой.
Труденъ былъ путь ихъ опасный,
Цѣль ихъ была не близка;
Сердце графини прекрасной
Злая щемила тоска...

Скалы тѣснилися къ скаламъ;
Словно прощаясь съ землей,
День голубымъ опахаломъ
Вѣялъ надъ бездной нѣмой...
Уже, все уже дорога;
Солнце печетъ горячо...
— „Пажъ, отдохнемъ здѣсь немного!
Путь нашъ далекъ такъ еще“...
Сѣла на камень графиня,
Сѣлъ возлѣ ногъ ея пажъ...
— „Вѣренъ-ли ты мнѣ донынѣ?
Все-ль за меня ты отдашь?!“—
Молвитъ красавица-дѣва;
Юноша млѣетъ-горитъ:
— „Видишь—внизу, тамъ, налѣво
Роза цвѣтетъ?..“,—говоритъ:
„Если ты любишь, сорви-же
Бѣлый мнѣ этотъ цвѣтокъ!..“
Съ камня на камень—все ниже
Горный стремится потокъ:
Въ темную бездну роняя
Дождикъ своихъ лепестковъ,
Виснетъ у самаго края
Кустъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ...
Страха напрасны угрозы:
Передъ влюбленнымъ пажомъ
Розы, альпійскія розы,
Яркимъ бѣлѣютъ вѣнкомъ...
Съ камня на камень ползетъ онъ
Къ безднѣ зіяющей, внизъ,—
Дѣвѣ цвѣтокъ принесетъ онъ...
—„Пажъ мой! Не надо!.. Вернись!..
„Милый, вернись-же!.. Твоя мнѣ
Жизнь дорога и любовь!“
Поздно: ужъ съ камней на камни
Алая брызнула кровь;

Ноги въ пролетъ соскользнули,
Оборвалася рука;
Крики, мольбы не вернули:
Бездна была глубока...
Что это? Розы бѣлѣли
Передъ графиней сейчасъ,—
Что-же онѣ покраснѣли?..
Нѣтъ, не обманъ это глазъ!
Вѣренъ былъ чистой любовью
Спутникъ своей госпожѣ,—
Розы окрасились кровью
Въ память о вѣрномъ пажѣ.
Годы прошли за годами,
Канули въ вѣчность вѣка,
До сихъ поръ рдѣетъ предъ нами
Кровь въ бѣлой чашѣ цвѣтка;
Нѣтъ бѣлыхъ розъ и донынѣ
Въ Альпахъ по склонамъ высотъ,—
Вѣчнымъ укоромъ графинѣ
Кровь эта ярко цвѣтетъ.
Путникъ, бродя беззаботно
Между отрогами горъ,
Внемлетъ преданьямъ охотно,—
Живы они до сихъ поръ:
Проводники посвящаютъ
Въ нихъ всѣхъ заѣзжихъ гостей...
Эти мѣста посѣщаютъ
Мало-ль графинь и пажей!
Только найдется едва-ли
Въ наши пролетные дни
Кто-бъ по любви и печали
Былъ ихъ героямъ сродни...
Стали графини привычнѣй
И легковѣрнѣй ко лжи;
Любятъ, конечно, практичнѣй
Дней прозаичныхъ пажи.

Этихъ паженей безъ изъятья
Къ цѣли ведетъ ближе страсть:
Если упасть—такъ въ объятья
Къ добрымъ графинямъ упасть!
Все измѣнилось... Дымъ прозы
Жизнь окружаетъ вполнѣ...
Бѣлыя-ль, красныя-ль розы
Будятъ мечты лишь во снѣ...
Сны воскрешаютъ преданья;
Тѣни далекой весны
Сердцу заводятъ сказанья;
Вторятъ имъ вѣщіе сны...

III.

Вотъ и сегодня приснилась
Мнѣ ты, голубка моя,
Властно душа запросилась
Къ свѣту, въ иные края...
Надъ разверзавшейся бездной
Узкой кремнистой тропой
Шелъ я въ ночи многозвѣздной—
Полонъ любви—за тобой...
Въ небѣ луна выплывала...
Видѣлъ я—роза цвѣтетъ
Подъ крутизною обвала
Каменныхъ горныхъ высотъ...
Сердца велѣнья могучи:
Внемля ему, какъ судьбѣ,
Смѣло я кинулся съ кручи,
Бѣлый цвѣтокъ мой, къ тебѣ!..
Чуткой обвѣяна грезой,
Въ легкомъ, какъ тѣнь, полуснѣ
Розой, альпійскою розой,
Ты представлялася мнѣ...

12 ноября 1902 г., Москва.

Напѣвъ любви.

Напѣвъ любви, напѣвъ прощальный,
Звенѣлъ и плакалъ за стѣной,—
Ему внималъ душой печальной,
Я слышалъ въ немъ призывъ родной.

Кто пѣлъ, кто плакалъ—я не знаю,
Но сердце пѣло вмѣстѣ съ нимъ,
Съ земли къ потеряпному раю
Летя надъ всѣмъ моимъ былымъ.

Отрясши прахъ тоски безплодной,
Живой мелодіей дыша,
Хоть мигъ одинъ была свободной
Порабощенная душа.

Умолкла пѣсня, стихли звуки,
Жизнь подхватила, какъ волна;
Но грудь моя блаженной муки
И вдохновенныхъ грезъ полна...

Путь безотрадный, путь печальный
Передо мною вновь лежитъ,
Но счастливъ я: напѣвъ прощальный,
Напѣвъ любви, во мнѣ звучитъ!..

С.-Петербургъ, 1903 г.

На разныхъ берегахъ.

I.

О, кто это призрачной тѣнью въ пустынной аллеѣ
Скитается ночью безлунною?
Чья пѣсня вдали прозвенѣла, звучитъ все грустнѣй и грустнѣе
Любовью—какъ жизнь—многострунною?!.

О, что-жъ это ярко въ мерцающемъ сумракѣ свѣтитъ
Слѣпому—какъ счастье—желанію?
О, радость! О, счастье... Я понялъ: любимое сердце отвѣтитъ,
Отвѣтитъ—страданьемъ страданію!..

II.

Какъ-будто изъ міра тѣней безпріютно блуждающихъ,
Какъ-будто отъ тысячи тысячъ сердецъ, безысходной печалью
сгорающихъ,
Твой голосъ ко мнѣ долеталъ.
Но зной этихъ глазъ, утомленныхъ блаженной истомою;
Но эти слова—съ ихъ плѣнительной ложью знакомою;
Но груди вздымавшейся трепетный валъ?
Въ нихъ—чудную сказку о жизни земной я читалъ!

То вся ты казалась преступной весталкою страстною,
Вся страстью дышала, но страстью—Божественно властною
Надъ волей жрецовъ Красоты...
То словно дыханье мороза надъ рѣчью безстрастною рѣяло,
И холодомъ сѣверной ночи на всѣхъ отъ тебя такъ и вѣяло,
Отъ каждаго слова, отъ каждой черты...
Загадка живая! Таинственный призракъ! Скажи мнѣ: кто ты?!..

III.

Сгорая пламенемъ любви нераздѣленной,
Томяся муками непонятой тоски,—
Какъ близки мы къ своей мечтѣ воспламененной,
Мечтѣ—Божественнымъ стремленіемъ рожденной!
Ахъ, какъ мы отъ нея безмѣрно далеки!..

IV.

О, еслибъ всѣ блаженные восторги,
Все пламя чувствъ, померкшее давно,
Весь зной любви съ безумствомъ юныхъ оргій
Вновь пережить мнѣ было суждено;

О, еслибъ жизнь я могъ начать сначала
И выйдти въ путь мудрѣйшимъ мудрецомъ,
И властная судьба мнѣ славу предвѣщала,
И всюду я успѣхъ встрѣчалъ къ лицу лицомъ;

Что насъ влечетъ, что будитъ въ насъ желанье...
О, еслибъ я владѣть могъ нераздѣльно всѣмъ,—
Я былъ-бы ко всему и холоденъ, и нѣмъ;
Я и тогда-бъ все отдалъ за сознанье,
Что ты могла дѣлить со мной свое страданье,
Не раздѣленное ни съ кѣмъ!..

С.-Петербургъ, 1898 г.

На раутѣ.

Розы, алыя розы, у ней на груди увядали;
Вся вакхической страстью сегодня дышала она...
Я смотрѣлъ ей въ глаза, и сквозь дымку холодной печали
Пробуждалась во мнѣ пережитыхъ мечтаній весна...
Говоръ пестрой толпы... Блескъ огней и роскошныхъ нарядовъ...
Мелодичные звуки романса и арфы серебряный звонъ...
Обнаженныя плечи... Игра брилліантовъ и взглядовъ...
Переполненный знатью любимой артистки салонъ...
Все казалося мнѣ только мертвою, грубою рамой
Къ той картинѣ живой, гдѣ сіяла ея красота,
Красота—отѣненная сердца таинственной драмой,
Красота—на землѣ воплощенная неба мечта...
Я смотрѣлъ на нее—какъ на тѣнь дорогую былого;
Я хотѣлъ, я безумно хотѣлъ, разомъ высказать ей
Все, о чемъ никогда никому не промолвилъ ни слова,
Что таилъ въ глубинѣ сокровенной печали своей...
Но летѣли часы въ перекрестномъ пустомъ разговорѣ—
О салонахъ другихъ, о спектакляхъ, концертахъ, балахъ...
Неужель не прочла ничего ты въ моемъ вопрошающемъ взорѣ,
Сфинксъ, плѣнительный сфинксъ, съ лучезарною страстью въ очахъ?!.

19 апрѣля 1899 г.

Лепестки.

I.

Цвѣла весна души, цвѣла и пѣла гимны
И блеску раннихъ зорь, и дѣвственнымъ мечтамъ...
Мечты, какъ были вы тогда гостепріимны!
Какъ близокъ сердцу былъ желаній свѣтлый храмъ!..

И въ чудномъ храмѣ томъ, вся—въ облакахъ куреній,
Вся—въ трепетныхъ лучахъ надежды молодой,
Сіяла въ эти дни негаснущей звѣздой
Ты, первая любовь, послѣдній добрый геній!

II.

Жизнь улыбалася мнѣ
Ясной улыбкой мечтанья блаженнаго;
Въ отзвукахъ сердца, какъ жизнь—вдохновеннаго,
Шелъ я навстрѣчу цвѣтущей веснѣ.

Грезы минувшихъ годовъ,
Вольныя думы и помыслы чистые—
Нѣжныя бѣлыя розы душистыя,
Розы навѣки увядшихъ садовъ...

Пусть не вернуть никогда
Вешнихъ, безоблачныхъ дней невозвратнаго,—
Память изъ мрака души необъятнаго
Свѣтитъ мерцаніемъ дня незакатнаго...
Все это было, все было тогда!..

III.

Былъ чудный вечеръ... Мы съ ней сидѣли...
У свѣтлыхъ грезъ былъ весь во власти я...
Сердца молились, сердца горѣли,
И звѣзды съ неба на насъ глядѣли
И тоже плакали отъ счастія...

Полуистома... Полузабвенье...
Любовь подкралася, нежданная...
Безумье страсти... Пылъ вдохновенья...
И досказалось въ одно мгновенье
Все, что скрывала жизнь туманная...

Погасли краски, утихли звуки;
Уста горятъ въ одномъ лобзаніи;
Въ одно объятье слилися руки...
О, сколько счастья; о, сколько муки
Въ одномъ, въ одномъ воспоминаніи!..

IV.

О, жизнь! О, молодость моя!
Во тьмѣ загадочныхъ блужданій
Теперь встрѣчаюсь съ вами я
Въ однихъ лучахъ воспоминаній.

И съ каждымъ годомъ все темнѣй,
И съ каждымъ годомъ все печальнѣй
Звѣзда моихъ угасшихъ дней
Горитъ надъ бездной страсти дальней.

И вотъ—въ пустынѣ бытія
Стою, какъ путникъ утомленный,
Взывая къ вамъ въ тоскѣ безсонной:
О, жизнь! О, молодость моя!..

V.

Они осыпались—живые лепестки
Моихъ никѣмъ не понятыхъ желаній,—
Имъ не расцвѣсть—цвѣтамъ больной тоски—
На пустыряхъ далекихъ упованій!

О, смерть всесильная! Приди и охрани
Меня навѣкъ отъ злого наважденья!..
Въ одной тебѣ—всѣ тайны возрожденья...
А счастье? А любовь?!. Осыпались они.

Мартъ—май 1900 г.

Память сердца.

„О, память сердца! Ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!..“

Пушкинъ.

I.

Я помню жгучій поцѣлуй—
Больной, порывистый и странный;
Онъ обѣщалъ мнѣ воскресить
Всѣ грезы страсти несказанной.

Въ немъ было все: и крикъ души,
Земнымъ волненьямъ непричастной,
И замирающихъ рѣчей
Смущенный шепотъ сладострастный.

Какъ только вспомню про него,—
Чего-то жду, томясь, ревнуя;
А сердце шепчетъ: „Ты сгоришь
Въ огнѣ такого поцѣлуя!“

II.

Я помню долгое пожатіе руки—
Сначала робкое, какъ первое признанье,
Потомъ холодное—какъ ледъ глухой тоски,
Потомъ безумное—какъ трепетъ обладанья...

Все непонятное я сердцемъ разгадалъ,
Все понялъ, все узналъ, все вспомнилъ я мгновенно,—
Какъ-будто предо мной въ тотъ мигъ покровъ упалъ
Со всѣхъ и со всего, что было сокровенно...

Но между нами вдругъ возникла тайна вновь,—
Въ ея глазахъ прочелъ я что-то мнѣ чужое...
А было, было что?—Не дружба, не любовь,
Но что-то высшее, но что-то роковое!..

III.

Я помню взглядъ, исполненный огня,
Горѣвшій жаждою, ничѣмъ не утолимой,—
Въ какой-то чудный міръ онъ призывалъ меня,
Мнѣ сердце зажигалъ —огнемъ своимъ палимый...

О, этотъ взглядъ—красноречивый взглядъ!
Какъ много онъ сказалъ безмолвіемъ участья!..
Онъ свѣтитъ въ глубь души, его лучи горятъ
Обѣтомъ новаго, неразрывнаго счастья...

Въ большую ночь тоски, скитаясь жизни тьмой,
Иду я путникомъ въ безрадостной пустынѣ...
О, пусть хоть тайный взглядъ далекой звѣзды
Мнѣ укажетъ путь къ затерянной святынѣ!

На рубежѣ.

Проходитъ годъ, тяжелый годъ,
Со всѣми бурями страданья...
Бѣгите прочь, воспоминанья,
За грань отхлынувшихъ невзгодъ!

Не страшенъ гулъ далекихъ бурь...
Забвенье—скорбнымъ днямъ сомнѣній!
Еще не умеръ жизни геній,
Еще свѣтла небесъ лазурь...

Дай руку мнѣ, склонись на грудь
Ко мнѣ довѣрчиво, какъ прежде;
Дай вѣрить мнѣ былой надеждѣ,—
И солнце нашъ освѣтитъ путь!..

Не вѣрь навѣтамъ клеветы!
Она—давно мнѣ жизнь туманитъ...
Знай—только сердце не обманетъ,
Не отцвѣтутъ его цвѣты!..

Бѣгите прочь, воспоминанья,
За грань отхлынувшихъ невзгодъ!
Проходитъ годъ, тяжелый годъ,
Со всѣми бурями страданья...

31 декабря 1904 г.

Весенняя запѣвка.

Первые проблески
Ранней весны
Всюду сегодня мнѣ,
Всюду видны...
Воздухъ—прозрачнѣе,
Трепетнѣй даль;
Въ сердцѣ—весенняя
Зрѣетъ печаль,—
Грусть объ утраченномъ
Счастьѣ быломъ
Въ душу усталую
Бьется крыломъ;
Взгляды мнѣ чудятся
Ясныхъ очей,
Слышатся отзвуки
Кроткихъ рѣчей:
Словно свѣтлѣется
Все, что темно,
Что недосказано
Было давно...
Очи, ушедшія
Въ мракъ гробовой,
Рѣчи, замолкшія
Въ мигъ роковой!

Словно вернулись вы
Къ жизни опять—
Чувства отжившія
Нѣжить-ласкать...
Ночь опускается,—
Звѣзды-огни
Сердцу безсонному
Шепчутъ: „Засни!
„Завтра пробудится
День голубой—
День примиренія
Съ нашей судьбой!“
Черныя думушки,
Сгиньте вы прочь
Въ эту весеннюю
Первую ночь!
Утра воскресшаго
Ласковый свѣтъ
Встрѣтитъ далекаго
Счастья привѣтъ;
Пусть онъ обманами
Тѣшитъ меня,—
Вѣрю я призракамъ
Вешняго дня!..

***

Игра улыбокъ и лучей...
Весна въ поляхъ, весна въ лѣсахъ
И въ душномъ городѣ весна,
И даже здѣсь—у насъ въ сердцахъ..

Дитя мое! Велѣньямъ всѣмъ
Живой весны покорна будь:
Смотри съ надеждою впередъ,
А о быломъ—забудь, забудь!..

Кто знаетъ—много-ль вёсенъ мы
Переживемъ еще съ тобой?
Зачѣмъ-же ясный вешній день
Мрачить холодною тоской!..

Какъ свѣтелъ онъ, какъ онъ лучистъ!
Какъ онъ влечетъ куда-то вдаль!..
Въ такіе дни, дитя мое,
Свѣтла и прошлая печаль...

5 апрѣля 1905 г.

---

* * *

Аккордъ послѣдній пѣсенъ юныхъ,
Завѣтныхъ пѣсенъ свѣтлыхъ дней,
Опять звучитъ на чуткихъ струнахъ
Души проснувшейся моей.

Опять звучитъ и будитъ снова
Похороненныя мечты,—
Онѣ цвѣтутъ надъ тьмой былого,
Какъ первыхъ ландышей цвѣты.

Мнѣ снова солнце жизни свѣтитъ,—
Я пережить готовъ все вновь,
Готовъ я вѣрить, что отвѣтитъ
Мнѣ на любовь мою любовь.

Все снова дорого и мило,
Страстей развѣялся туманъ;
Забылъ я все, чѣмъ жизнь томила,
Забылъ надеждъ былыхъ обманъ.

Затихла боль душевной муки,
Мнѣ снова свѣтелъ жизни май...
О, звуки сердца, счастья звуки!
Весны и молодости рай!..

29 апрѣля 1905 г.

* * *

Чья это пѣсня звенитъ за рѣкой,
Чей голосокъ молодой заливается?
Пѣсня плыветъ перекатной волной...
Чу, ей въ лѣсу соловей откликается!

Днемъ понапрасну жду пѣсни той я,
Давитъ-томитъ грусть-тоска безотчетная;
Спустится вечеръ—пѣвунья моя
Такъ и зальется, что пташка залетная...

Кто тамъ поетъ, для кого и зачѣмъ?—
Знать я не знаю, и что мнѣ до этого,
Если звучитъ эта пѣсня мнѣ всѣмъ,
Что только есть на душѣ недопѣтаго!..

Любо внимать этой пѣснѣ-волнѣ,—
Льется-звенитъ она, въ сердце мнѣ просится;
Чуть лишь заслышу—и кажется мнѣ:
Юность моя предо мною проносится...

Пѣсня завѣтная, радость моя!
Въ душу глядитъ мнѣ, съ мечтами сливается,
Будитъ въ зеленомъ лѣсу соловья,—
Сердце мое соловью откликается...

* * *

Въ дыханьи вечерняго вѣтра
Подъ зыбкою сѣнью вѣтвей
Донесся ко мнѣ томный шепотъ
Завѣтныхъ и милыхъ рѣчей...

Съ далекаго звѣзднаго неба,
Земною любовью дыша,
Смотрѣла звѣздою мнѣ въ сердце
Твоя молодая душа...

Взглянулъ я въ любимыя очи,—
Тревоги свои схоронилъ:
Я въ ихъ молчаливомъ признаньи
Мерцанье небесъ уловилъ...

Забылъ я и землю, и небо,
И звѣзды, и шелестъ вѣтвей...
Дитя мое! Все исчезаетъ
Предъ свѣтомъ улыбки твоей!..

1 августа 1905 г.
Стрѣльна.

Огонь Прометея.

Огонь Прометея
Похищенъ у неба
И свѣтитъ побѣдно
Надъ мракомъ Эреба:

Зажженъ и сіяетъ
Звѣздой путеводной
Изгнанникамъ рая
Въ пустынѣ безводной;

Въ сердцахъ пробуждаетъ
Онъ райскія пѣсни
И падшему властно
Вѣщаетъ: „Воскресни!“

Въ немъ—свѣточъ надежды
И факелъ забвенья,
И пламя молитвы,
И пылъ вдохновенья...

Гори—не сгорая,
Сіяй—не тускнѣя,
Любовь, о, священный
Огонь Прометея!..

II.

ДУМЫ ЖИЗНИ.

Въ мірѣ Красоты.

I.

Тёменъ этотъ міръ для всѣхъ непосвященныхъ
И для всѣхъ непризванныхъ въ него,—
Теменъ тьмою безднъ неперейденныхъ,
Необъятностью простора своего.

Все, предъ чѣмъ разсудокъ ихъ нѣмѣетъ,
Все—чего постичь имъ не дано,—
Имъ не свѣтитъ, ихъ сердецъ не грѣетъ,
Говоритъ туманно и темно...

Жутко имъ въ предѣлахъ безпредѣльныхъ;
Недоступенъ имъ таинственный чертогъ,
Гдѣ царитъ въ трехъ лицахъ нераздѣльныхъ
Чистоты невоплотимой Богъ!

Для рабовъ житейской мглы туманной
Нѣтъ путей въ свободный міръ мечты,—
Имъ онъ теменъ, свѣтомъ осіянный,
Міръ—согрѣтый солнцемъ Красоты!..

II.

И въ этотъ вѣкъ, безумный вѣкъ,
Живъ Красотою человѣкъ!..
Незримымъ пламенемъ объята—
Надъ дымнымъ сумракомъ страстей,
Надъ ночью темнаго разврата,—
Гдѣ погибаютъ безъ возврата,—
Какъ солнце, чуждое заката,
Она горитъ въ сердцахъ людей,
Въ сѣтяхъ вражды—любовью брата.

И въ этотъ вѣкъ, безумный вѣкъ,
Живъ Красотою человѣкъ!..
Она—вездѣ, во всей вселенной
Горитъ негаснущимъ огнемъ
Надъ мелкой прозой жизни плѣнной
И остается неизмѣнной,
И въ самомъ тлѣніи—нетлѣнной,
Всегда, повсюду и во всемъ
Неизъяснимо-сокровенной.

III.

Въ ней—все прекрасное, все чистое, святое;
Въ ней—вѣчная любовь; въ ней—правда жизни всей;
Въ ней—все цвѣтущее земли, все неземное;
Въ ней—примиреніе бушующихъ страстей.

Она, одна она, въ туманѣ жизни шумной
Таинственныхъ лучей сіяніемъ свѣтла;
И таетъ передъ ней въ тревогѣ многодумной
Безумства нашихъ дней безрадостная мгла.

Уходятъ въ небеса высотъ ея вершины,
Бездоннѣй безднъ морскихъ—живая глубина,
И шире всѣхъ степей широкія долины
Ея безбрежнаго, невѣдомаго дна.

Въ ней вдохновенныхъ думъ волшебное мерцанье;
Въ ней дѣвственныхъ надеждъ плѣнительные сны;
Въ ней—незакатное сіянье
Неотцвѣтающей весны!..

IV.

Привѣтъ—искателямъ, идущимъ
Путями, чуждыми для всѣхъ,
Подъ смѣхъ невѣждъ, подъ пошлый смѣхъ,
Къ мечтамъ, безсмертію присущимъ!

Привѣтъ—духовныхъ силъ вождямъ,
Ведущимъ мысленныя рати
Къ неизреченной благодати,
Недосягаемой страстямъ!

Привѣтъ—осмѣяннымъ пророкамъ
И всѣмъ непонятымъ толпой—
Къ землѣ прикованной, слѣпой,
Покорной мелочнымъ порокамъ!

Привѣтъ—рабовъ вражды врагамъ,—
Всѣмъ—бывшимъ, сущимъ и грядущимъ!—
Съ любовью къ Истинѣ идущимъ
Въ храмъ Красоты, въ предвѣчный храмъ!..

14 апрѣля 1899 г.
С.-Петербургъ.

* * *

Все въ жизни случайно,
Все въ жизни мгновенно;
Надъ тѣмъ, что нетлѣнно,
Царитъ неизмѣнно
Великая тайна.

О, тайнъ безконечность!
Твой путь—возрожденье
Надъ бездной паденья,
Гдѣ вѣчность—мгновенье,
Мгновеніе—вѣчность!..

***

Припомнимъ, товарищъ, забытыя встрѣчи,
Припомнимъ завѣтныя страстныя рѣчи,
Припомнимъ тѣ дни, когда жизнь улыбалась,
Когда все счастливой мечтою казалось...

О, жизнь прожитàл безъ думъ о развязкѣ!
О, старыя, лживыя, милыя сказки!..
Какъ много въ васъ было того, что не будетъ,
Чего даже смерть, даже смерть, не разбудитъ!..

Какъ жадно рвалася душа молодая
Куда-то, куда—не гадая, не зная...
И все миновало, и все скороталось;
И только забвенье, забвенье осталось...

Другу.

Пускай на лжи построенная ложь
Клеймитъ тебя суровымъ приговоромъ,
Взирай на жизнь спокойнымъ, свѣтлымъ взоромъ
И—въ сердцѣ свѣточъ Истины найдешь!

Была-бы только чистая мечта
Сродни твоей душѣ любвеобильной,—
При ней и злоба скажется безсильной,
Предъ ней утратитъ ядъ свой клевета!..

Сердцу.

Безпокойное сердце!
Что мнѣ дѣлать на свѣтѣ съ тобой?
Я тебя не пойму...
Ты къ разсудку пылаешь враждой,
Всюду ставишь преграды уму...
Безпокойное сердце!

Неуёмное сердце!
Чѣмъ унять мнѣ тебя? О, скажи!
Какъ тебя мнѣ понять?
Какъ во мракѣ томительной лжи
Мнѣ всю правду твою разгадать,
Неуемное сердце?!

Суевѣрное сердце!
Если вѣришь ты властной судьбѣ,
Такъ скажи мнѣ—когда,
О, когда-же, отвѣтивъ тебѣ,
Смолкнетъ жгучая страсть навсегда?
Суевѣрное сердце!..

Сердце, бѣдное сердце!
Ты измучено вѣчной борьбой?
Ты внимать начинаешь уму?
Что-жъ мнѣ дѣлать на свѣтѣ съ тобой?
Не пойму я тебя, не пойму...
Сердце! Бѣдное сердце!..

Въ безвѣстныхъ пространствахъ.

Въ пространствахъ безвѣстныхъ—
Пріюта не знающій—
Среди безтѣлесныхъ
Кометой блуждающій,—
Надъ жизненной бездной,
Пустыней безжизненной
Въ ночи полнозвѣздной
Мечтой укоризненной
Мой духъ изступленный,
Горя вожделѣніемъ,
Летитъ—вдохновленный
Безумнымъ мгновеніемъ...

Познать безконечность
Судьбою мнѣ задано,
И свѣтитъ мнѣ Вѣчность
Изъ тьмы неразгаданной,—
Горитъ сновидѣньемъ
Надъ мракомъ грядущаго,
Меня вдохновеньемъ
Къ забвенью зовущаго.
И вѣетъ мнѣ радость
Истомою вешнею,
Нездѣшняя сладость—
Надъ скорбью нездѣшнею...

* * *

Надъ мракомъ печали моей
Мерцаютъ лазурныя дали
Грядущихъ—невѣдомыхъ дней;
Мнѣ видится свѣтъ ихъ лучей
За дымкой печали...

Кто знаетъ,—быть можетъ, мечту
Обманетъ мое ожиданье,
И жизни былой нищету,
И будущихъ дней пустоту
Сравняетъ страданье...

Кто знаетъ!.. Но, если убить
Холоднымъ разсудкомъ всѣ грезы,
Но—если всю жизнь подчинить
Сознанью безрадостной прозы,—
Не стоитъ и жить!..

* * *

Вся наша жизнь—заглохшій старый садъ;
Запущены вѣтвистыя аллеи,
И хоры птицъ зарею не звенятъ,
И тьму ночей не будятъ пляской феи.

Подъ куполомъ нахмуренныхъ небесъ
Не чудится завѣтныхъ заклинаній,
Не грезится таинственныхъ чудесъ,
Не слышится ни клятвъ и ни признаній...

Молчаніе... Все пусто, все мертво;
И сердцу нѣтъ ни отклика, ни зова,—
Не встрѣтить здѣсь во мракѣ никого,
Не услыхать допѣтыхъ пѣсенъ снова...

Но почему-жъ покинуть этотъ садъ
Такъ тягостно душѣ воспламененной?
Ахъ, отчего стремительно назадъ
Спѣшишь сюда—минувшимъ вдохновленный?

Какъ-будто здѣсь—и только, только здѣсь,—
Чаруетъ мысль блаженными мечтами
Весь міръ чудесъ, міръ вдохновеній весь—
Съ его роскошными, нетлѣнными цвѣтами...

Я вѣрю—есть иной, прекрасный край;
Я знаю—есть совсѣмъ другія страны
За областью загадочной Нирваны...
Но шепчетъ жизнь: „Не вѣрь, не вѣрь... Не знай!.."

* * *

Проходитъ жизнь... Былыя раны
Болятъ—отравлены тоской...
Сомнѣнья, призраки, обманы--
Какъ поздней осени туманы,
Завечерѣли надъ душой.

Тоска... Тоска... И нѣтъ исхода
На затуманенномъ пути:
Мечты темнѣютъ годъ-отъ-года,
Все дальше блѣдная свобода,
И—больше некуда идти...

Но надъ пустыней замиранья
Всего, что было, что прошло,—
Озарены лучомъ страданья—
Горятъ огни воспоминанья,
Какъ прежде, ярко и тепло...

Какъ тихій свѣтъ звѣзды вечерней,
Во тьмѣ земного бытія,
Среди угрюмой чащи терній
Все лучезарнѣй, все безмѣрнѣй
Мерцаетъ молодость моя;

И все, что душу мнѣ живило,
Что звало мысль мою впередъ,
Что сердце пылкое любило,—
Мнѣ говоритъ: „Все то, что было,
Въ тебѣ вовѣки не умретъ!..“

Развратъ.

(Три сонета.)

I.

Въ вѣнцѣ изъ мишуры, весь въ блёсткахъ и цвѣтахъ,
Румянами прикрывъ глубокія морщины,
Тысячелѣтній сфинксъ, не знающій кончины,—
Онъ въ людяхъ сѣетъ грѣхъ, онъ усыпляетъ страхъ.

Влечетъ онъ молодость улыбкою змѣиной,
Онъ кровь холодную волнуетъ въ старикахъ,—
Ложь, вѣковую ложь, повитый тлѣньемъ прахъ
Скрывая подъ своей красивою личиной...

Вы, дѣвы юныя—цвѣты родныхъ полей,
Вы, юноши—чья мощь надеждами богата,
Вы, всѣ—кто не погибъ для жизни безъ возврата,
Бѣгите отъ него подъ сѣнь мечты своей!..
Готовъ онъ отравить, съ жестокостью кастрата,
Все то, что юно, дѣвственно и свято...

II.

Разсудокъ, совѣсть, долгъ, свободные порывы,
Довѣрчивыхъ сердецъ чистѣйшія мечты,
Молитвенный восторгъ предъ свѣтомъ Красоты,—
Все можетъ онъ затмить своей улыбкой лживой.

Погибъ—кто вѣру дастъ богатству нищеты
Его засѣянной травой позора нивы,
Кто кинется къ нему изъ омута тоскливой,
Томящей день-за-днемъ житейской суеты...

О, сколько, сколько ихъ—кто ввѣрился ему,
Въ объятіяхъ его искавъ себѣ забвенья,
Чью мысль окуталъ онъ въ губительную тьму,
Въ чье сердце влилъ онъ ядъ слѣпого вожделѣнья!..
И не избавить ихъ на свѣтѣ ничему
Отъ блѣдныхъ призраковъ больного наслажденья.

III.

Звѣрь, ненасытный звѣрь—сынъ Вѣчности суровой,—
Куда бы только онъ ни кинулъ жадный взглядъ,
Жертвъ новыхъ алчущій при каждой жертвѣ новой,—
Повсюду вслѣдъ за нимъ рѣкой струится ядъ.

Отравленъ воздухъ тамъ, гдѣ—всѣхъ губить готовый—
Проходитъ онъ, толпой приспѣшниковъ богатъ;
Больныхъ страстей кошмаръ куетъ свои оковы
Для всѣхъ пирующихъ въ стѣнахъ его палатъ...

И что ни шагъ—темнѣй его владѣній тьма,
И что ни день—душнѣй его рабамъ тюрьма...
О, будь-же проклятъ ты, исчадье злого вѣка,
Ты—растлѣвающій сердца въ огнѣ ума,
Ты—вольныхъ думъ палачъ, ты—чистыхъ грезъ чума,
Ты—въ человѣчествѣ убившій человѣка!..

* *
*

Пусть жизнь обманетъ,
Смерть все разсудитъ:
Что мысль туманитъ,
Что сердце будитъ...
Все то, что было,
Мечту плѣняетъ;
Что въ сердцѣ жило,
Все измѣняетъ...
Я тайной думой
Стремлюсь къ былому—
Хоть къ тьмѣ угрюмой,
Хоть къ роковому,—
Но только звало-бъ
И сердце снова—
Безъ слезъ, безъ жалобъ—
Живое слово;
Но только-бъ было
Душѣ отвѣтомъ
Все, что свѣтило
Тревожнымъ свѣтомъ
Больнымъ желаньямъ
Мятежной страсти,
Воспоминаньямъ,
Не знавшимъ власти
Ни мысли плѣнной,
Ни думы скрытой,
Ни вдохновенной
Мечты разбитой...
Пусть жизнь туманитъ
Все то, что будетъ:
Коль жизнь обманетъ,
Такъ смерть разсудитъ!..

Неродившимся.

Вы счастливы... Вы не знавали
Ни жажды счастья, ни печали;
Васъ не терзали никогда
Ни страсть, ни зависть, ни вражда!..

Не знали вы тоски желанья—
Въ борьбѣ невѣдѣнья и знанья!
У васъ—нѣтъ прошлаго вдали
На блѣдныхъ пажитяхъ земли!..

Внѣ бытія, въ краяхъ безвѣстныхъ
Тѣнями духовъ безтѣлесныхъ—
За клиромъ клиръ, за строемъ строи—
Витаетъ вашъ незримый рой...

Ни слезъ, ни крови не видали
Вы тамъ—въ своей прекрасной дали...
О, какъ несчастенъ—кто отъ васъ
Нисходитъ къ намъ въ недобрый часъ!..

Бездорожье.

Окружонъ безумной ложью—
Я иду по бездорожью;
Гдѣ ни взглянешь—всюду мгла;
Я живу одной мечтою,
Жизнь смѣется надо мною
Въ темномъ царствѣ лжи и зла...

Еслибъ кроткимъ, тихимъ свѣтомъ
Не свѣтила ты поэтамъ,
Чистыхъ думъ дитя и мать,—
О, мечта!—имъ въ непроглядной
Тьмѣ пустыни безотрадной
Нечѣмъ стало-бы дышать!

Недостижимое.

Покоя бы, только покоя,
Душѣ безпокойной моей!
И—былъ-бы я самымъ счастливымъ
Изъ счастья не знавшихъ людей...

О, еслибъ хоть страсть замолчала
Подъ грохотъ немолкнущихъ бурь,—
Сіяла-бы небомъ безбрежнымъ
Мечты вдохновенной лазурь;

Любовь бы, какъ ясное солнце,
Надъ этой лазурью взошла
И къ сердцу въ толпѣ безсердечной
Затерянный путь свой нашла;

Тогда бы и въ холодѣ жизни
Все вѣяло въ душу тепломъ...
Забвенья, о только-бъ забвенья
О всемъ незабвенномъ былomъ!..

***

Апрѣль тепломъ на сѣверъ дышетъ,
И таетъ снѣгъ, и даль ясна;
И чутокъ сонъ земли, и слышитъ
Она, что къ намъ идетъ весна.

Но отъ земли къ иной отчизнѣ
Стремится взоръ души моей:
Все дальше, дальше призракъ жизни,
А обликъ смерти—все роднѣй!..

* * *

Чуть только на солнцѣ подснѣжникъ проглянетъ,
И первая травка чуть пуститъ ростокъ,—
Несбыточнымъ грезамъ, какъ прежде, конца нѣтъ,
И въ сердце ворвется желаній потокъ.

Но стѣны такъ тѣсны, но крѣпки затворы,
Но жизни глухая тюрьма высока,—
И грустью невольной туманятся взоры
И мысль сторожитъ злой тюремщикъ—тоска...

А тѣни свободы, въ сіяньи денницы,
Крылатою стаей кружатъ надо мной...
О, вѣстники счастья! О, вольныя птицы!
Снесите привѣтъ всѣмъ, кто счастливъ весной!..

* *
*

Сердца безумнаго чуткія струны,
Струны—борьбою страстей заглушенныя!
Были недавно еще вы такъ юны,
Жизни минутнымъ сіяньемъ плѣненныя...

Розы мечтаній, поблекшія розы!
Вы отцвѣли на зарѣ утра яснаго—
Утра, встрѣчавшаго раннія грезы
Первымъ лобзаніемъ солнца прекраснаго...

Арфа замолкла, и пѣсни смолкаютъ—
Пѣсни, что юность надеждами нѣжили...
Жизнь, замирай,—всѣ мечты облетаютъ,
Розы твои словно въ сердцѣ и нѣ жили!

* * *

Охъ, когда-же ты, мое больное сердце,
Охъ, когда ты угомонъ себѣ возьмешь?!.
Все-то ноешь, все-то рвешься ты куда-то,
Все гнететъ тебя безумной жизни ложь...

Ты скажи-ка мнѣ, повѣдай, ретиво́е:
Какъ съ тобой—съ неугомоннымъ—совладать?
Научи, какъ мнѣ съ лихой судьбиной спорить,
Какъ твоихъ загадокъ смыслъ весь разгадать!..

Не томи-жъ меня, не мучь себя напрасно!..
Жду отвѣта... Пусть онъ будетъ роковой!..
Ты молчишь? Обоимъ, видно, намъ отвѣтитъ
Мать-Сыра-Земля подъ крышкой гробовой...

Стансы.

Мы всѣ—рабы страстей случайныхъ;
Всѣ мы, рабы своей судьбы,
Влачимъ ярмо сомнѣній тайныхъ
Въ чаду заботъ, въ пылу борьбы.

Рабы трусливые—какъ страстно
Мы рвемся въ даль, въ нѣмую даль;
Но шагъ одинъ, и—самовластно
Намъ заслоняетъ путь печаль.

И вотъ—въ тоскѣ неутолимой—
Не сознавая ничего,
Мы—жаждой счастія палимы—
Бѣжимъ позорно отъ него...

Три сердца.

I.

Это сердце для меня—страница
Старой книги, перечитанной не разъ!
Нѣтъ въ немъ страсти, много страстныхъ фразъ;
Не заря мила ему—зарница...

Не любить ему на свѣтѣ никого,
Хоть влюбляться суждено нерѣдко;
Золотомъ разубранная клѣтка
Цѣлый міръ замѣнитъ для него...

Для него довольство—счастьемъ будетъ,
Горемъ—мелкія царапины обидъ...
Коль заснетъ—всю жизнь оно проспитъ,—
Даже смерть, пожалуй, не разбудитъ!

II.

Когда оно стремилось вдаль,
Сгорая мукой ожиданья,—
О, какъ свѣтла была печаль
Его блаженнаго страданья!..

Когда оно, огню души
Свои сомнѣнья повѣряя,
Мнѣ открывалося въ тиши,
Мечтой любви благоухая,—

Я въ немъ безъ словъ читалъ тогда:—
„Пусть ложь все въ мірѣ затуманитъ,
Но это сердце—не обманетъ
И не измѣнитъ никогда!..“

III.

Лживое, страдающее, злое,—
Каждаго считаетъ за врага;
Для него ни честь не дорога,
Ни другимъ завѣтное-святое!

Смѣхъ его—больной, фальшивый смѣхъ;
Радости—исполнены тревоги;
Для него—всталъ поперекъ дороги
Брата, друга лучшаго успѣхъ...

Это сердце—изойдетъ слезами,
Если въ мірѣ станетъ меньше зла!
Зависть въ немъ гнѣздо себѣ свила
И глядитъ ревнивыми глазами...

Въ толпѣ.

Глуха, безчувственна, слѣпа—
Молчитъ шумливая толпа,
Когда предъ ней, среди руинъ
Былымъ завѣщанныхъ годинъ,
Несетъ огонь страстей живыхъ,
Повитый сѣнью чувствъ святыхъ,
Къ полямъ таинственныхъ долинъ
Могучей думы властелинъ.
Благоуханные цвѣты—
Чужды толпѣ его мечты,
Ей непонятенъ, ей далекъ
Симфоній сердца дивный токъ...
Что ей пѣвецъ, что ей гусляръ,
Когда фигляръ, одинъ фигляръ
Поддѣльнымъ крикомъ вызывалъ
Ея восторговъ бурный шквалъ!..
Толпа пойметъ, когда предъ ней
Начнетъ кривляться лицедѣй;
Она вздрогнетъ и тамъ, и тутъ,
Когда идей крикливыхъ шутъ,
Надѣвъ мишурный свой вѣнокъ,
Провозгласитъ, что онъ—пророкъ,
Что онъ—и свѣтъ, и соль земли...
Внемли-жъ, толпа, ему, внемли!..
Но только—помни, что готовъ
Для всѣхъ фигляровъ и шутовъ,
Для всѣхъ избранниковъ твоихъ
Покровъ забвенья думъ иныхъ,
Въ которыхъ памятью людей
Хранится міръ живыхъ идей,
Въ которыхъ брезжетъ вѣчный свѣтъ,
Которымъ въ жизни—смерти нѣтъ!..

Каменный городъ.

I.

Ночь хмуро плыветъ надъ столицей,
Стихаетъ полуночный гулъ;
Въ притоны свои блѣднолицый
Плетется безумный разгулъ.

Судьбою всѣхъ близкихъ играя,
Въ кошмарномъ своемъ полуснѣ
Отъ кущей семейнаго рая
Бредетъ онъ къ иной сторонѣ,—

Туда, гдѣ сгораетъ въ неволѣ
Голодный-холодный развратъ,
Питомецъ губительной доли,
Нужды и отчаянья братъ,—

Гдѣ страсти плодятъ преступленья,
Гдѣ тонетъ въ похмѣльѣ позоръ
И только—забвенья, забвенья
Не видятъ ни сердце, ни взоръ...

II.

Камень, камень—гдѣ ни взглянетъ
Утомленный жизнью взоръ:
Камни, камни; имъ конца нѣтъ;
Всюду—каменный узоръ...

Стѣны—слѣва, стѣны—справа;
Замеръ въ нихъ страстей вулканъ,
Каменѣетъ жизни лава;
Дремлетъ городъ-великанъ...

Люди—словно сонмы статуй;
Стынетъ въ каменной груди
Сердце—сонный ихъ вожатай,
Спитъ и бредитъ: „Не буди!..“

Эти каменныя рати-ль
Вызвалъ къ жизни ты, Творецъ?
Ты-ль безсмертный ихъ ваятель—
Этихъ каменныхъ сердецъ?!.

Старому другу.

Мой добрый другъ, мой старый другъ,
Съ тобою мы идемъ
Однимъ и тѣмъ-же роковымъ,
Загадочнымъ путемъ.

Нашъ теменъ путь, тернистый путь,
Но свѣтитъ намъ всегда
Надъ ночью нашихъ лучшихъ грезъ
Святой любви звѣзда.

Сквозь дымный мракъ намъ, какъ маякъ
Надъ бездною морской,
Она горитъ, она влечетъ
Въ прекрасный міръ иной.

Темна борьба, грозна нужда,
Но свѣтлыя мечты
Ведутъ впередъ и все впередъ—
Въ храмъ вѣчной Красоты.

Тамъ—правды свѣтъ, тамъ жизни цвѣтъ,
Тамъ—ясенъ кругозоръ,
Тамъ—Бога видитъ на землѣ
Нашъ просвѣтленный взоръ...

Куда бы насъ—въ недобрый часъ—
Ни бросила судьба,—
Съ тобою насъ не заклеймитъ
Никто клеймомъ раба.

Свободный міръ, прекрасный міръ
Рисуется очамъ;
Всегда открытъ для насъ съ тобой
Любви и правды храмъ...

Судьба грозитъ, судьба разитъ,—
Но нѣтъ, не властна тьма
Надъ вѣрой сердца въ торжество
Работниковъ ума!

Кто могъ познать, отчизна-мать,
Весь смыслъ твоихъ задачъ,—
Тому не страшенъ рокъ слѣпой—
Твой мечъ, судьба-палачъ...

Храня мечты, и я и ты
Въ борьбѣ закалены,—
Безсильны вѣру побороть
Угрюмой жизни сны...

Мы вѣримъ: ночь умчится прочь,
И утро дней иныхъ
Взойдетъ зарею новыхъ думъ—
Зарей надеждъ святыхъ...

Не одинокъ тотъ огонекъ,
Что свѣтитъ издали
Для лучшихъ чувствъ, для лучшихъ грезъ
Родной сердцамъ земли...

Пусть ночи тѣнь, туманитъ день,
Пусть даль сулитъ обманъ,—
Мы знаемъ, вѣримъ оба мы:
Развѣется туманъ...

Одинъ конецъ—въ огнѣ сердецъ
Мракъ думъ перегоритъ,—
Какъ новый день, и новый годъ
Намъ вѣчность озаритъ...

Мой старый другъ, мой вѣрный другъ,
Съ тобою мы идемъ
Однимъ и тѣмъ-же роковымъ,
Но свѣтлымъ намъ, путемъ...

Свѣтъ.

I.

Господь сказалъ: „Да будетъ свѣтъ!“
Семь тысячъ лѣтъ прошло... Но внемлю
Я и теперь лихой навѣтъ,
Что будто „тьма обыметъ землю“...

Дней современныхъ мудрецы—
Они во тьмѣ бредутъ донынѣ,
Какъ безъ вожатая слѣпцы,
Жить обреченные въ пустынѣ...

Въ пескахъ пустыннаго пути,
Обуреваемыхъ самумомъ,
Имъ новыхъ истинъ не найти
Въ отвѣтъ извѣрившимся думамъ.

День изо дня, изъ года въ годъ
Во тьмѣ невѣдѣнья блуждая,
Клонясь предъ вихрями невзгодъ,
Чего-то смутно ожидая,

Они бредутъ въ безвѣстный край
И—въ нескончаемой тревогѣ—
Лишь передъ смертью, невзначай,
Удастся вспомнить имъ о Богѣ...

Все тьма да тьма... Все „нѣтъ“ да „нѣтъ“...
О, злая мудрость отрицанья!..
А предъ мірами—тотъ-же свѣтъ
Горитъ съ годины мірозданья.

Лишь надъ духовной нищетой,
Ярмомъ безвѣрія томимой,
Не видѣнъ пламенникъ святой—
Огонь любви неугасимой!..

Да будетъ свѣтъ!.. Въ лучахъ зари
Взойди надъ сумрачной пустыней,
О, Свѣте Тихій! Озари
Глаза слѣпцовъ Твоей святыней!..

II.

Я вѣрю, вѣрю...
Сомнѣній нѣтъ:
Тьма мимолетна,
Предвѣченъ свѣтъ.
Пусть все охватитъ
Зловѣщій мракъ,—
Поторжествуетъ
Недолго врагъ...
Изъ темной бездны
Нѣмыхъ ночей
Въ живомъ сіяньи
Живыхъ лучей—
Предтеча славы—
Блеснетъ заря,
Земныя силы
Животворя;
За ней царь-Солнце
Взойдетъ на тронъ,
И—тьма исчезла,
Какъ смутный сонъ,—

Раскрывъ для жизни
Надежды сѣнь,
Сіяетъ новый
Могучій день;
Міръ пробудился,
Весь міръ воскресъ
Предъ обаяньемъ
Его чудесъ...
Питомецъ свѣта!
Живи, живи
Лучами вѣры,
Огнемъ любви!
Буди отвагу
Въ людскихъ сердцахъ,
Вѣнчай страданье!..
Все—тлѣнъ, все—прахъ;
Безсмертной мысли—
Одинъ завѣтъ:
Свѣтъ-побѣдитель,
Предвѣчный свѣтъ!..

III.

Все оживляешь ты,
Все обновляешь ты,
Все созидаешь ты,
Свѣтъ!..

Въ мракѣ скитанія,
Въ безднѣ страданія
Лучъ упованія—
Намъ твой привѣтъ.

Вѣстью небесною,
Смерти безвѣстною,
Искрой чудесною
Въ заревѣ лѣтъ

Въ душу открытую,
Злобой забытую,
Вѣрой повитую,
Шлешь ты обѣтъ...

Радость—пріявшему!
Слава—Создавшему,
Намъ показавшему
Вѣчный завѣтъ:

Всесозидающій,
Всеоживляющій,
Всеобновляющій
Свѣтъ!..

Въ путь-дорогу!..

Слышишь, сердце,—насъ зовутъ!
Что-же? Съ Богомъ! Въ путь-дорогу—
На скитанье, на тревогу,
На борьбу, на жизнь, на трудъ!..

Ты устало?.. Будь бодрѣй...
Вотъ онъ вьется—путь раздольный,
Путь широкій, путь привольный...
Полно, сердце! Въ путь скорѣй!..

И пошли мы съ нимъ, пошли,—
Всѣ надежды, всѣ желанья,
Всѣ завѣтныя мечтанья
Какъ святыню—берегли...

День за днемъ горѣлъ и гасъ,
Даль туманилась ночами;
Утромъ солнышко лучами
Снова въ путь манило насъ...

Что́ опасности пути,
Если въ сердцѣ—вѣры пламя
Въ то, что чистымъ жизни знамя
Богъ поможетъ донести!..

Ближе, ближе тотъ пріютъ,
Гдѣ насъ ждетъ успокоенье...
Позабудемъ утомленье...
Сердце, сердце! Насъ зовутъ!

Новый день.

Бьетъ полночь... Новый день насталъ,
Чуть старый съ плечъ свалилъ заботу...
Благослови дѣтей труда,
Господь, на повую работу!..

Кто утомился—отдохни,
Чтобъ утро встрѣтить въ новой силѣ,
А отдохнуть кому нельзя—
Къ тому покой придетъ въ могилѣ...

Усталый путникъ—я иду
Путемъ тернистымъ хмурой доли,
Но не кляну лихой судьбы
Въ тоскѣ безрадостной неволи.

Томится пылкая душа
Какой-то жаждой безысходной...
Еще-бы! Бѣдная была
Когда-то птицею свободной:

Куда ни вздумается ей—
Летѣть могла, оковъ не зная...
Ну, и взгрустнется иногда
По берегамъ родного края!..

Въ цѣпяхъ про волю вспоминать,
Ихъ звону скорбной пѣснью вторя,—
Неправда-ль—грустно?.. Нѣтъ больнѣй,
Нѣтъ тяжелѣй такого горя!..

А тутъ еще—на грѣхъ—плывутъ
Изъ мрака прошлаго видѣнья,
Зовутъ куда-то, манятъ вдаль—
Къ забытымъ грезамъ наслажденья...

Уйдите прочь!.. Ужъ полночь бьетъ,
Свѣвая жизни позолоту...
На новый день благослови,
Господь, на новую работу!..

* *
*

Я весь былъ страсть, весь—вдохновенье,—
Въ порывѣ творческой мечты
Искалъ борьбы, звалъ пѣснопѣнье
Къ предѣламъ вѣчной Красоты.

Прошли года,—погасли страсти,
Сталъ сердцу страшенъ жизни шумъ,
Покоя жаждетъ память думъ,
Отъ прошлаго отречься власти...

Но духъ мой мира не обрѣлъ,
Нѣтъ,—бьется онъ въ цѣпяхъ безсилья,
Какъ по землѣ влачащій крылья,
Смертельно раненый орелъ!..

* * *

Какъ тяжко мнѣ! О, какъ невыносимо
Идти, идти, не вѣдая куда...
И чувствовать, что жизнь проходитъ мимо,
Что все прошло, что все невозвратимо
Никѣмъ и никогда!..

Забвеніе, невѣдѣнье, молчанье...
А даль темна, а тьма растетъ вокругъ...
Ударь, гроза! Разбей всѣ упованья,
Сожги до-тла послѣднія мечтанья,—
Пусть хоть на мигъ все озарится вдругъ!..

Печаль.

Непостижимо роковая,
Какъ тайна вѣчности—нѣмая,
Во тьмѣ ночей и въ блескѣ дня
Печаль преслѣдуетъ меня.

Она—какъ женщина, ревнива,
Она—какъ вѣтеръ, прихотлива;
Какъ вѣрный другъ, какъ злѣйшій врагъ—
Она слѣдитъ мой каждый шагъ...

Въ чемъ отъ нея, гдѣ мнѣ забыться?
Куда отъ глазъ ея укрыться?
Ужель одинъ остался путь,
Одинъ исходъ—навѣкъ заснуть?!.

* * *

Весь храмъ сіялъ и пѣлъ и заливался звономъ ..
Убогой странницей вошла тоска моя
И встала въ уголкѣ, отъ всѣхъ себя тая,
Въ своемъ невѣріи увыло-похоронномъ.

А между тѣмъ и причтъ, и сладкогласный клиръ
Въ прозрачныхъ облакахъ кадильнаго тумана
Другъ-другу вторили такъ радостно —„Осанна!“,
Какъ-будто Царь царей опять вступалъ въ нашъ міръ...

Кончалась утреня... Съ поникшей головою
Я грустно шелъ домой... А въ трепетной груди
Росла волною пѣснь... И слышалъ я: „Гряди,
Гряди, о Тихій Свѣтъ, ко всѣмъ объятымъ тьмою!..“

Вдохновенье.

Какъ волнъ, далекихъ волнъ, прибой,
Я слышу грезы дуновенье,—
Стучится въ сердце вдохновенье
И шепчетъ: „Я опять съ тобой!“

Не воплощенье-ли святыни?
Не сонъ-ли это наяву?!.
Я жду, я жажду, я зову—
Какъ путникъ ждетъ ручья въ пустынѣ...

Мечта завѣтная моя!
Твоихъ-ли гимновъ слышу звуки?!.
Не знаю,—только счастливъ я
Предвѣдѣньемъ блаженной муки!..

И вотъ пришла она, пришла:
Вся—грусть, вся—нѣга, вся—томленье...
И льется въ міръ борьбы и зла
За нѣснопѣньемъ пѣснопѣнье...

* * *

За нѣсколько такихъ минутъ—
Такихъ святыхъ минутъ, какъ эта,
Готовъ влачить я безъ привѣта
Ярмо твое, постылый трудъ,
Не видѣть въ жизни ни просвѣта—
За нѣсколько такихъ минутъ!

Онѣ замѣнятъ все собой:
Богатство, радости свободы
И даже молодости годы
Съ ихъ упоительной борьбой...
Во мракѣ жизненной невзгоды
Онѣ замѣнятъ все собой!

О, только, только-бы мнѣ знать,
Что онъ придетъ—мигъ просвѣтлѣнья,—
Готовъ надъ бездною паденья
Я вѣчность цѣлую блуждать
И ждать минуты вдохновенья...
О, только, только-бы мнѣ знать!..

Дѣтскій міръ.

Дѣтскій міръ... Ни грозъ въ немъ, ни мятелей!..
Здѣсь—подъ солнцемъ чистой красоты,—
Какъ въ саду, не знающемъ тумановъ,
Расцвѣтаютъ дивные цвѣты.

Дѣтскій міръ...: Въ немъ—все чаруетъ взоры;
Все въ немъ грезъ, волшебныхъ грезъ, полно...
Прочь отсюда, лжи тлетворной слово,—
Для тебя здѣсь мѣста не дано!..

Дѣтскій міръ—очагъ любви и вѣры,
Въ немъ—огонь святыхъ надеждъ горитъ...
Горе тѣмъ, кто съ умысломъ постыднымъ
Этотъ свѣточъ жизни затемнитъ!..

Дѣтскій міръ—великій горнъ природы...
Въ немъ сердца куетъ за вѣкомъ вѣкъ;
Изъ него—на трудъ, на битву съ тьмою
Въ путь идетъ грядущій человѣкъ!..

Дѣтскій міръ... Какъ страстно эта нива
Пахарей и сѣятелей ждетъ!..
Сѣйте, други! Свѣтлой правды сѣмя
По веснѣ сторицею взойдетъ!..

* * *

Когда безпечный смѣхъ дѣтей
Передо мной звенитъ и таетъ,
Въ душѣ восторженной моей
Цвѣтокъ свободы расцвѣтаетъ.

Вся пережитая тоска
Отходитъ прочь въ мгновенья эти,—
И ноша жизни мнѣ легка,
И сердцемъ веселъ я, какъ дѣти.

Тогда—далекъ отъ думъ своихъ,
Тяжелыхъ, скучныхъ и унылыхъ—
Я счастливъ счастьемъ дней былыхъ,
Дней—мотыльковъ золотокрылыхъ.

Они умчались, эти дни,
Ихъ не вернуть изъ дальней дали;
Но эти дни, они одни,
Врачуютъ старыя печали...

Какъ вспомнишь ихъ,—вся даль свѣтла,
Воскреснетъ память сердца снова,
И все съ тобой, что жизнь дала
Тебѣ завѣтнаго, святого;

Весь возродишься, всей душой,—
И жизнь въ тревогѣ однозвучной,
Тебѣ не кажется больной,
Угрюмой нянькою докучной...

Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ.

(Изъ неоконченныхъ споровъ.)

„Мнѣ все равно“,—сказалъ мудрецъ-поэтъ,—
„Откуда будетъ свѣтъ, лишь былъ бы это свѣтъ!..“
Не все-ль равно и намъ: гдѣ Истина живая
Таилася отъ насъ, подъ спудомъ созрѣвая,
Чтобъ изъ зерна любви и мудрости потомъ
Расцвѣсть таинственнымъ, невянущимъ цвѣткомъ,—
Чтобъ въ душный сумракъ лжи пролить струею знанья
Святыя, чистыя свои благоуханья,
Ночь жизни озаривъ разсвѣтныхъ дней лучомъ...

О, братья! О, друзья!.. Не все-ли намъ равно,
На чемъ взошло любви нетлѣнное зерно!
Слабъ плотью человѣкъ,—хотя-бъ питалъ въ немъ геній
Могущественный духъ могучихъ вдохновеній,
Переживающихъ безсмертіемъ своимъ
Вѣка, бѣгущіе надъ жизнью—словно дымъ...
Въ художникѣ забывъ его грѣхопаденья,
Къ его стопамъ несутъ восторгъ свой поколѣнья
И преклоняются молитвенно предъ нимъ!

Зачѣмъ намъ знать—съ кого поэтъ живописалъ
Нетлѣнной чистоты нетлѣнный идеалъ,
Неугасимою лампадою горящій
Предъ ликомъ Красоты, весь міръ животворящей:
Въ одной изъ дѣвственницъ въ стѣнахъ монастыря
Нашелъ прообразъ онъ, мечту боготворя,
Въ притонѣ-ль нищетой рожденнаго разврата!..
Вѣдь мысль его чиста, его созданье свято...
Такъ пусть-же свѣтитъ имъ безсмертія заря!..

14 ноября 1898 г.

---

* * *

Не говори, что чашу испытаній
Успѣлъ допить ты всю уже до дна,—
Нежданныхъ бурь, невѣдомыхъ страданій
Она полнымъ-полна!..

Насталъ отливъ, отхлынули далёко
Громады волнъ шумливою гурьбой;
Но тамъ—вдали, за отмелью широкой,
Опять растетъ прибой...

Пусть даль ясна, пусть неба сводъ лазурный
Раскинулся надъ пристанью твоей,—
Не вѣрь затишью: море жизни бурной
Колышетъ сводъ зыбей...

Оно вздрогнётъ, оно вскипитъ валами,
Оно пойдетъ стѣною на тебя
И вмигъ разрушитъ все, что цѣлыми годами
Ты создавалъ, любя!..

Воронъ.

Въ сердце ко мнѣ залетѣлъ старый воронъ—
Черная птица, зловѣщая птица:
Каркаетъ онъ, накликаетъ мнѣ горе,
Чуть только даль зарумянитъ денница.

День ото дня становлюсь я угрюмѣй,
Думы томятъ меня цѣлыми днями:
Какъ бы мнѣ ворона выгнать изъ сердца,
Какъ бы его населить соловьями?!.

Полно, безумецъ, терзаться напрасно,—
Жить соловьямъ-ли на гнѣздахъ вороньихъ?!.
Жизни больной заунывныя пѣсни
Съ ворономъ вѣщимъ сроднились... Не тронь ихъ!

Смолкнетъ сама эта черная птица,—
Какъ только день незакатный проглянетъ,
Чуть только сердце, усталое сердце,
Биться въ груди навсегда перестанетъ!..

Надъ могилами друзей.

(Памяти Як. Е. Егорова, Н. А. Соловьева и А. А. Евреинова.)

Уходятъ лучшіе друзья
Подъ сѣнь могилъ... Зачѣмъ не я?
Зачѣмъ не я ушелъ опять?!
Усталъ я жить, усталъ я ждать!..

Безгласенъ, холоденъ и нѣмъ
Сталъ міръ души, ненужной тѣмъ,
Кто осужденъ со мной брести
На роковомъ моемъ пути...

Не жизнь, а жизни злые сны!..
Послѣдній лучъ былой весны
Блеснулъ и въ сумракѣ исчезъ...
Не приподнять съ очей завѣсъ!

Все больше ихъ и все темнѣй;
Все дальше свѣтъ померкшихъ дней...
А такъ усталъ я, такъ усталъ,
Что сердцу вѣрить пересталъ.

И только жду—вотъ-вотъ придетъ,
Вотъ скажетъ смерть: „Насталъ чередъ,—
Ты звалъ, ты ждалъ, иди за мной
Въ край всѣмъ и каждому родной!“

25 февраля 1902 г.

Въ безсонную ночь.

I.

Отвѣта не даетъ нѣмая эта ночь
Вопросамъ думъ воспламененныхъ;
Она молчитъ... Уйдите прочь,
Созданья призраковъ безсонныхъ!

Тьма одиночества... О, нѣтъ, мнѣ не страшна
Ея мучительная сила,—
Вся жизнь моя темнымъ-темна,
Какъ мертвецу—его могила...

Проснется утромъ день,—и въ немъ я не найду
Давно желаннаго отвѣта,—
Хотя опять, въ своемъ бреду,
Взываютъ думы: „Свѣта! Свѣта!..“

Безмолвенъ шумный день, безмолвствуетъ и ночь—
Подруга призраковъ безсонныхъ...
Такъ прочь-же, думы сердца! Прочь,
Мечты надеждъ похороненныхъ!..

II.

Стучитъ, опять стучитъ; настойчивѣй, звончѣй...
О, сердце, замолчи: никто не отзовется...
Ты голосъ слышало? Но ты не знаешь—чей!
Въ тебѣ, въ самомъ тебѣ, онъ раздается
Все громче, все звончѣй...

Безумное! Кого, чего еще ты ждешь?
Понять не хочешь ты своей отжившей роли...
Ну, жди, не понимай! Быть можетъ, эта ложь
Тебя заспуть заставитъ поневолѣ,
Пока ты воли ждешь...

Зови и жизнь, зови! Стучи, опять стучи!
Пускай ты голосовъ отзывныхъ не дождешься,
Пусть не заронитъ жизнь въ тебя свои лучи,—
Зато—скорѣй во тьмѣ ты разобьешься!
Стучи, сильнѣй стучи!..

III.

Нѣтъ, не дождаться мнѣ утра!..
А, впрочемъ, до него мнѣ что-же?!.
Придетъ, начнетъ одно и то-же
Твердить: „Пора, дружокъ, пора!..“

Какъ-будто я и самъ не знаю,
Что всѣмъ началамъ есть конецъ,
Что лишь безумецъ да глупецъ
Спѣшатъ къ потерянному раю...

Ни новыхъ дѣлъ, ни новыхъ словъ..
Стара вся жизнь, стара, какъ сказка
О томъ, что смерть—одна развязка
Всѣхъ обманувшихъ сердце сновъ...

1 марта 1902 г.

* * *

Безкровной жертвою на алтарѣ страстей,
Рѣками свѣжей крови обагренномъ,
Лежитъ моя мечта... Довольно рѣять ей—
Никѣмъ непонятой—въ безумьи изступленномъ!..

Во имя призрачныхъ загадокъ бытія,
Молоху нашихъ смутныхъ дней бездушныхъ
Она принесена тобой, любовь моя,
Изъ міра скучнаго счастливцевъ равнодушныхъ...

Ни жрицъ и ни жрецовъ... Безмолвствуетъ Молохъ...
Ужели онъ усталъ быть кровожаднымъ?!.
Куда-же мнѣ идти? Въ чей храмъ, въ какой чертогъ?
Гдѣ палачей найти мечтаньямъ безотраднымъ?!.

Изъ «Книги жизни».

I.

Жизнь вечерѣетъ,—и день ото дня
Радость все дальше бѣжитъ отъ меня;
Думы, тяжелыя думы, гнетутъ,
Горекъ, постылъ мнѣ завѣтный мой трудъ.

Свѣта не вижу я въ солнечный день,
Даль заслоняетъ мнѣ черная тѣнь,
Словно пожарища грознаго дымъ,
Тѣнь пережитаго сердцемъ больнымъ.

Солнце— въ туманѣ... Въ безумномъ бреду
Самъ не пойму я, куда я иду,—
Къ свѣту-ли ясному, къ вѣчной-ли тьмѣ:
Смерть, только смерть, у меня на умѣ...

Сердце, заснувшее сердце! Проснись!..
Мысль! Улетимъ въ заповѣдную высь—
Въ царство блаженное жизни иной;
Дальше, о дальше, отъ смуты земной!..

II.

Плачетъ небо, льются слезы,
Слезы льются за окномъ;
Грусть-тоска сжимаетъ сердце,
Словно цѣпь лежитъ на немъ.

Что томитъ его—не знаю,—
Только понялъ я, что нѣтъ
Мнѣ возврата въ даль былую,
Гдѣ мерцалъ надежды свѣтъ,

Гдѣ все пѣло, ликовало,
Все будило мысль мою—
Въ очарованномъ мечтою,
Заповѣданномъ краю...

Жизнь, прощай! Простите, думы
Обо всѣхъ и обо всемъ!..
Плачетъ небо, сердце плачетъ...
Полно, глупое! О чемъ?!.

Жизнь пройдетъ—какъ все проходитъ...
Чу, и дождь совсѣмъ затихъ!
Что намъ плакать!.. Всходитъ солнце;
Не для насъ, такъ для другихъ!..

* * *

Въ привѣтномъ сіяньи вечернихъ огней
Надъ шумомъ столицы угрюмой
Сливается кто-то мерцаньемъ очей
Съ моей безпокойною думой.

Какъ въ волнахъ тумана, вдали предо мной
Колеблется призракъ неясный—
Невѣдомый призракъ, но сердцу родной,
Таинственный призракъ прекрасный.

Томится душа, изнывая въ цѣпяхъ
Зловѣщей тоски одинокой,
И сердце сжимаетъ мучительный страхъ
Предъ тайной, какъ бездна—глубокой.

Порой на мгновеніе вспыхнетъ въ груди
Священный восторгъ вдохновенья;
Но мигъ пролетѣлъ, и—опять впереди
Тревога, тоска и сомнѣнья.

А призракъ прекрасный—все дальше, блѣднѣй...
И шепчетъ разсудокъ угрюмый:
„Напрасно ты рвешься къ сіянью огней
Своей безпокойною думой!..

„Ночь властно погаситъ всѣ эти огни,
Горящіе лаской привѣта...
Не вѣрь имъ! Обманутъ надежды они,—
Ночь сердца не знаетъ разсвѣта!..“

Роковая битва.

Я на поле жизни—боецъ молодой—
Шелъ поступью смѣлой, закованный въ латы;
Стоялъ на распутьи предъ грозной судьбой
И вызовъ бросалъ: „Выходи, супостаты!

„Гей, темныя рати!.. Я жду васъ давно,
Помѣряться силушкой любо мнѣ съ вами,—
Побѣду извѣдать-ли мнѣ суждено,
Погибнуть въ честномъ-ли бою со врагами...

„Мой мечъ закаленный—святая любовь,
Мой щитъ—вѣра сердца; мнѣ латы ковала
Не мачиха-злоба, не зависть-свекровь,
А матушка-удаль—въ огнѣ идеала“...

И бой закипѣлъ... Поработалъ мой мечъ
Во всю богатырскую вольную волю,—
Не мало и съ вражьихъ скатилося плечъ
Головъ по широкому бранному полю...

Но больше, все больше сходилося ихъ—
Враговъ-супостатовъ; несмѣтная сила
Вздымалась предъ зорькой мечтаній моихъ
И—свѣтъ, бѣлый свѣтъ, отъ меня заслонила...

Изрублены латы, отброшенъ мой щитъ;
Кончается битва—идетъ безконечность,
И въ сердце, въ разбитое сердце, глядитъ
Изъ праха мгновеній встающая Вѣчность...

Темнѣетъ...

Да, что ни день,
Темнѣе тѣнь
Надъ проблесками счастья:
Моя судьба
Давно—раба
Слѣпого самовластья.

Былые дни...
Да гдѣ-жъ они?
Гдѣ радость вдохновенья?
Мечтаній свѣтъ?!.
Ихъ нѣтъ какъ нѣтъ;
Могила ихъ—забвенье!

Опущенъ стягъ,
Погасъ очагъ;
Какъ безпріютный странникъ,
Среди руинъ
Стою одинъ—
Мечты своей изгнанникъ...

На сердцѣ—тьма;
Себѣ сама
Подводитъ жизнь итоги;
Подъ звонъ цѣпей
Былыхъ страстей
Едва плетутся ноги...

Куда идешь?—
Самъ не поймешь...
Да и идешь-ли, полно,—
Когда встаютъ
И тамъ, и тутъ
Судьбы зловѣщей волны...

Прибой шумитъ,—
Хоръ эвменидъ
Поетъ мнѣ гимнъ прощальный—
Свой гимнъ всему,
Чѣмъ жизнь сквозь тьму
Казалась идеальной.

И цѣль близка,—
Хоть маяка
Не видно надъ пучиной:
На копья скалъ
Несетъ злой шквалъ
Меня съ моей кручиной.

На всемъ пути
Мнѣ не найти
Родного сердцу взора;
Со всѣмъ былымъ,
Съ пережитымъ
Я кончу скоро, скоро...

И вамъ, всѣмъ вамъ—
Друзьямъ, врагамъ—
„Прости“ я посылаю,
Лишь одному,
Лишь самому
Себѣ я не прощаю!..

* * *

Ночь спустилась съ высотъ,
Ночь прильнула къ землѣ—
Тайны жизни несетъ,
Утопая во мглѣ.

Ни просвѣта кругомъ
Надъ тернистой тропой;
Я—одинъ подъ шатромъ
Этой ночи слѣпой...

Не видать—что вдали,
Не понять—что окрестъ,
Гнетъ меня до земли
Тяжкій жизненный крестъ...

Я иду... А куда—
Самъ не знаю—идти...
Гдѣ-жъ ты, счастья звѣзда?
Укажи мнѣ пути!..

Во тьмѣ.

Все тьма да тьма... А жизнь больная
Мнѣ о разсвѣтѣ говоритъ...
Слѣпая, блѣдная, глухая —
Она все солнца ждетъ, сгорая;
А солнце, солнце—не горитъ!

Нѣтъ жизней двухъ, какъ нѣтъ двухъ истинъ,—
Но вѣдь не всё жъ на свѣтѣ ночь...
Зажгися, день! Приди помочь!
Мракъ мнѣ давно сталъ ненавистенъ...
О, ночь! О, жизнь! Уйдите прочь!..

Taedium vitae.

Ахъ, какъ бы я хотѣлъ сейчасъ уйти туда,
Откуда нѣтъ въ нашъ темный міръ возврата,
Гдѣ нѣтъ ни мукъ безплоднаго труда,
Ни яркихъ грезъ, ни блѣднаго разврата!..

О, какъ хотѣлъ-бы я, небытіе познавъ,
О времени забыть, внѣ жизни очутиться
И—мракъ своей души грядущему предавъ —
Со свѣтомъ Вѣчности нераздѣлимо слиться!..

О, какъ бы я хотѣлъ порвать своихъ цѣпей
Когда-то мной-самимъ накованныя звенья,
О, какъ хотѣлъ-бы я... Но нѣтъ и нѣтъ забвенья,
Но шепчетъ злая жизнь:
— „Живи, живи, пигмей!..“

***

Нѣтъ! Не уйти мнѣ отъ себя:
Былая жизнь передо мною,
Все заслоняя, все губя,
Встаетъ тюремною стѣною.

Угрюмый узникъ хмурыхъ дней,
Влачась въ цѣпяхъ воспоминанья,
Напрасно жду я отъ людей,
Какъ прокаженный—состраданья.

Для всѣхъ душа моя темна,
Какъ лучъ, въ гробу похороненный;
Запѣненъ памятью безсонной
Мой кубокъ, выпитый до дна...

Стремлюсь къ потерянному раю,
Подъемлю скорбный взоръ къ звѣздамъ,—
Но въ письменахъ небесъ читаю:
„Мнѣ отомщенье—Азъ воздамъ!..“

* * *

Напрасны жалобныя пени
На жизнь угрюмую свою:
Въ пей все—былого счастья тѣни,
Все—переходныя ступени,
Все—путь къ иному бытію...

Темнѣетъ день, съ зарею томной
Погасъ мечтательный закатъ,
Ночь вѣетъ тайною нескромной;
Но тамъ—за гранью жизни темной—
Лучи разсвѣтные дрожатъ...

Они блеснутъ, они освѣтятъ
Всю бездну тьмы, весь мракъ страстей;
Они зарю надежды встрѣтятъ,
Мгновеньямъ Вѣчности отвѣтятъ...
Ни тайнъ не будетъ, ни ночей!..

Духи трясинъ.

(Изъ кошмаровъ жизни.)

Вотъ они идутъ рядами
Молчаливыми лугами,
Въ бѣлыхъ саванахъ толпятся, заступаютъ всѣ пути.
На просторъ зеленорунный
Свѣтъ струится блѣднолунный;
Чуетъ сердце, что отсюда никуда мнѣ не уйти!..

По болотнымъ топкимъ ходамъ
Закружились хороводомъ;
Все бѣлѣе, все тѣснѣе заколдованный ихъ кругъ,—
Вьются, медленно качаясь,
Шагъ за шагомъ подвигаясь,
Протянувъ ко мнѣ отвсюду милліоны цѣпкихъ рукъ...

Имъ смѣшны мои страданья,
Имъ не страшны заклинанья...
Это—духи правды горя, духи лжи усладъ земныхъ;
Это—тѣ, что, зломъ объяты,
Въ полумглу убогой хаты.
Къ бѣднякамъ, несутъ заразу всѣхъ болѣзней городскихъ...

Тамъ проклятьемъ ихъ встрѣчали,
Гдѣ—убѣжище печали,
Гдѣ—пріютъ бродягъ бездомныхъ, гдѣ—послѣдній кровъ
блудницъ.
Это—слуги темной силы,
Что въ объятія могилы
Сводитъ жертвъ нужды всесильной черезъ шаткій мостъ
больницъ...

Это—тѣ, въ чьей грозной власти
Отравлять безумьемъ страсти,
Разбивать всѣ грезы жизни, всѣ завѣтныя мечты;
Это—тѣ, кто затемняетъ
Все, чѣмъ счастье міръ плѣняетъ,
Все, что свѣтитъ намъ надъ бездной повседневной суеты...

Вотъ они... Кольцо—тѣснѣе!..
По землѣ ползутъ, какъ змѣи,—
Выше, выше выростаютъ надъ трясинами болотъ...
Заслоняетъ свѣтъ небесный
Этотъ влажный, безтѣлесный,
Этотъ въ саваны одѣтый, этотъ зыбкій хороводъ...

Расплылись... Клубами вьются...
Вотъ—сейчасъ въ меня вопьются
Милліономъ рукъ холодныхъ... Что-жъ, идите!.. Все равно...
Пусть ударъ послѣдній грянетъ,
Пусть конецъ всему настанетъ!
У меня безъ васъ все въ жизни жизнью отнято давно!..

Изъ дневника.

Ужасный сонъ, безумный сонъ...
И вотъ—настало пробужденье;
Но все со мной, со мною онъ—
Кошмаръ, не вѣрящій въ забвенье!

Въ его цѣпяхъ томится духъ,
Едва трепещутъ мысли крылья,
Безвѣстнымъ звукамъ внемлетъ слухъ
Подъ гнетомъ властнаго безсилья...

Не разобрать—гдѣ сонъ, гдѣ явь,
Гдѣ жизнь, гдѣ тѣнь видѣнья злого...
Избавь, о Господи, избавь
Меня отъ призраковъ былого!..

* * *

Рукой Божественной зажженныя лампады,
Горите надъ землей вы ярко въ тьмѣ ночей...
О, звѣзды кроткія, пролейте лучъ отрады
Въ холодный мракъ души—невольницы страстей!

Мнѣ душенъ этотъ мракъ мной созданной темницы,
Безумствъ жестокій плѣнъ—что день—тяжелѣ мнѣ;
И страстно я хочу свободнымъ быть, какъ птицы,
Поющія свой гимнъ красавицѣ-веснѣ.

Хочу я вѣрить въ жизнь, надѣяться хочу я
На то, что въ ней не все погибло для меня,
Хочу я жизнь любить, надъ смертью торжествуя,
Изъ тьмы моихъ ночей идти къ сіянью дня!..

Есть въ мірѣ чудеса... О, пусть одно свершится
Надъ сумракомъ души, надъ жизнью всей моей,—
Пусть хоть на мигъ одинъ въ ней лучъ вашъ загорится,
О, звѣзды кроткія, о спутницы ночей!..

На пути.

О, сердце, пойдемъ
Въ станъ вѣчно страдающихъ,
Отрады не знающихъ,—
О, сердце, пойдемъ
Съ печалью вдвоемъ!
Какъ на̀ поле битвы,
Какъ въ храмъ для молитвы,
О, сердце, пойдемъ!..

О, сердце, пойдемъ
По жизни извилинамъ
Ко всѣмъ обезсиленнымъ!
О, сердце, пойдемъ
Тернистымъ путемъ,—
Гдѣ нѣтъ обороны,
Гдѣ слышатся стоны,—
О, сердце, пойдемъ!..

О, сердце, пойдемъ
Стезями угрюмыми
Къ озлобленнымъ думами!
О, сердце, пойдемъ
Во мракѣ глухомъ,
Гдѣ—ядъ изступленья,
Гдѣ—власть преступленья,—
О, сердце, пойдемъ!..

О, сердце, пойдемъ
Во тьму безпросвѣтную,
Въ борьбу беззавѣтную,—
О, сердце, пойдемъ
Съ печалью вдвоемъ!
Какъ въ храмъ для молитвы,
Какъ на поле битвы,
О, сердце, пойдемъ!.

Исповѣдь.

(Баллада.)

1.

Буря шумѣла... И гнѣвенъ, и золъ—
Въ сумракѣ ночи я мстителемъ шелъ...
Ангелъ Господень мнѣ всталъ на пути,
Ангелъ-хранитель сказалъ мнѣ: „Прости!..“

2.

Буря стихала; туманы ползли
Къ лону страданій безумной земли...
Вторило ангелу сердце мое:
Шелъ я, прощалъ я всѣмъ сердцемъ ее...

3.

Утро бѣлѣло; румянилась даль...
Ластилась къ сердцу истомой печаль...
Шелъ я, любовь со мной объ-руку шла;
Злоба и гнѣвъ догорѣли до-тла...

4.

Вспыхнула зорька... Взглянулъ вмѣстѣ съ ней
Я въ свѣтлый теремъ подруги моей...
Спитъ ненаглядная... Утренній сонъ,—
Какъ безмятеженъ, какъ сладостенъ онъ!..

5.

Вся—словно ангелъ небесный чиста,
Лжи не промолвятъ такія уста...
Ложь—обвиняла въ измѣнѣ ее,
Лгало ревнивое сердце мое!..

6.

И. предъ ея изголовьемъ склонясь,
Ей, какъ святынѣ, безмолвно молясь.
Вдругъ я услышалъ: въ объятіяхъ сна.
Имя е г о прошептала она...

7.

Вскипулся гнѣвъ мой, какъ раненый звѣрь...
Нѣтъ ни любви, ни прощенья теперь!
Поздно... Возставъ между мною и ей,
Демонъ отмщенья сказалъ мнѣ: „Убей!"

8.

...Тихо такъ было... Но, гнѣвенъ и золъ,
Съ бурей въ груди я бѣжалъ, а не шелъ...
Слышалъ я —вторило сердце судьбѣ:
„Ты не простилъ... Нѣтъ прощенья тебѣ!.."

Жизнь и смерть.

Я видѣлъ жизнь: она была
Полна слѣпого самовластья,
Она томила жаждой счастья,
Терзала, мучила и жгла.

Она дарила иногда,
Въ туманѣ сумрачной невзгоды,
Мгновенья призрачной свободы
Рабамъ безплоднаго труда.

Она звала въ неравный бой
Съ обуревающею тьмою
И въ тотъ-же мигъ передъ судьбою
Клонилась гордой головой.

Кичась былыхъ побѣдъ вѣнцомъ,
Ведя слѣпцовъ по бездорожью,
Она гасила искру Божью,
Въ душѣ зажженную Творцомъ.

Безумье съ мудростью сродпивъ,
Порокъ—съ духовной чистотою,
Она смѣялась надъ мечтою,
Въ себѣ мечты похоронивъ.

Добро и зло, и мракъ, и свѣтъ—
Въ ней все сливалось, утопая...
И тщетно я, любя, страдая,
Взывалъ къ ней: „Жизнь! Дай мнѣ отвѣтъ!..“

Я видѣлъ смерть: она была
Полна святого всепрощенья,
Когда изъ горняго селенья
Въ пріютъ страданія вошла.

Она съ отрадой неземной
Склонилась кротко къ изголовью
И съ материнскою любовью
Смирила вопль души больной.

Она послала тихій сонъ
Тому, въ комъ гасла жизни сила,
Крыломъ незримымъ осѣнила
Послѣднихъ мукъ послѣдній стонъ...

Страданья кончились навѣкъ,
И съ рубежа пути земного
Улыбкой дѣтства золотого
Ей улыбнулся человѣкъ,—

Какъ-будто въ тотъ прощальный мигъ
Не умеръ онъ—дитя невзгоды,
А къ лону матери-природы
Всѣмъ существомъ своимъ приникъ...

И понялъ я, что смерти нѣтъ,
Что наша жизнь—лишь путь тернистый
Въ тотъ міръ безсмертья, міръ лучистый,
Гдѣ брежжетъ свѣтъ, предвѣчный свѣтъ!..

26 апрѣля 1905 г.

* * *

Есть свѣтлыя сердца,—въ глухой и душной мглѣ,
Какъ звѣзды въ небесахъ, горятъ они надъ міромъ,
Безвольно топущимъ въ побѣдоносномъ злѣ,
Позорно внемлющимъ безумія кумирамъ.

Въ унылomъ сумракѣ—страстей своихъ рабы,—
Предъ храмомъ Истины въ пустынѣ лжи блуждая,
Несемъ безропотно мы крестъ своей судьбы,
Во всемъ извѣрившись, себя не понимая...

Гнететъ слѣпая ночь, несносенъ тяжкій мракъ,
Не видно намъ огней лучистыхъ возрожденья;
Намъ каждый новый день—жестокій новый врагъ,
Не внемлющій мольбамъ больного изступленья...

А между тѣмъ—заря иного бытія
Близка намъ, всѣмъ близка... Вотъ-вотъ она предъ нами
Готова каждый мигъ прорѣзать тучъ края
И жизнь земли зажечь небесными огнями!..

Забыли мы о томъ, что въ тьмѣ страстей больныхъ
Не гаснетъ блескъ ея надъ міромъ омраченнымъ,
Что свѣтлыя сердца горятъ для всѣхъ живыхъ,
Что жизнью никогда не быть имъ побѣжденнымъ!..

Per aspera ad astra!..

(Посвящ. А. А. Измайлову.)

Изъ тьмы безумствъ, изъ мрака злобы
Меня зоветъ, меня влечетъ
Тотъ міръ иной, тотъ міръ лазурный,
Гдѣ жизнь мечты моей цвѣтетъ.

Вокругъ меня—стѣна тумана,
Клубится онъ, ползетъ, какъ дымъ,—
Но вѣрю я, что солнце жизни
Лучами искрится за нимъ.

Порой слѣпецъ, порой провидецъ—
Я весь подъ властью тайныхъ чаръ;
Не побѣдитъ меня—я знаю!—
Страстей мятущихся угаръ...

Пусть клевета шипитъ за мною,
Пусть ложь клеймитъ, пусть давитъ мгла,—
О, только-бъ сердце было чисто,
Лишь ты, мечта, была-бъ свѣтла!..

III.

НА ГРУДИ ПРИРОДЫ.

Вечера и ночи.

I.

О, эти чудо-вечера
И тьмы не знающія ночи!
Зари полу́ночной игра
И блѣдныхъ звѣздъ живыя очи!..

Когда надъ темною Невой
Горитъ ихъ свѣтъ неугасимый
И—скрытъ ревнивою листвой—
Поетъ весны пѣвецъ любимый,—

Тогда, гоня тоску мою,
Иныя въ сердце сходятъ пѣсни
И—словно вторя соловью—
Звенятъ: „Воскресни! О, воскресни!..

„Предъ этой дивной красотой,
Такого полной упоенья,
Должны смолкать—въ борьбѣ съ мечтой—
Разсудка позднія сомнѣнья!..

„Пора понять тебѣ, пора,
Что жизнь—чѣмъ дальше, тѣмъ короче,—
Что не вернутся эти ночи
И эти чудо-вечера!..“

II.

Въ тиши весеннихъ вечеровъ,
Когда горятъ зарею дали,
Смолкаютъ въ сердцѣ голоса
Обуревающей печали.

На смѣну имъ идетъ волна
Созвучій радости забытой,
Давно замолкнувшей, давно
И безвозвратно пережитой.

Волна идетъ, волна растетъ,
Изъ береговъ на волю рвется;
А сердце ждетъ: вотъ-вотъ она
Съ волною встрѣчною сольется!..

Вѣдь въ сердцѣ чьемъ-нибудь еще
Сомнѣнья тоже замолчали,
И рвется чувство на просторъ—
Къ лучамъ зари, къ лазурной дали...

III.

Когда, блестя послѣдними огнями,
Льетъ тихій свѣтъ вечерняя заря
Надъ ближними и дальними полями,
Свой поцѣлуй прощальный имъ даря,—

Звенитъ ручей мелодіей печальной,
Въ лугахъ дымится бѣлая роса,
И медленно съ землей многострадальной
Сливаются въ объятьяхъ небеса,—

Въ тотъ кроткій часъ, въ тотъ часъ благословенный
Дневныхъ тревогъ послѣдній гаснетъ слѣдъ,
Трепещетъ сердце пѣснью вдохновенной,
Душа полна огнемъ минувшихъ лѣтъ;

И хочется мнѣ съ жизнью примириться,
Какъ-будто въ ней въ ея глухой ночи—
Опять горятъ желаньемъ возродиться
Моей зари угасшіе лучи...

IV.

Солнце закатилось; за опушкой лѣса
Вспыхивая, млѣетъ пламя зорьки алой:
Догораетъ вечеръ; сѣрая завѣса
Съ неба опустилась надъ землей усталой...

Наплываетъ съ рѣчки свѣжая прохлада,
Съ поля потянуло запахомъ медвянымъ;
Съ пастбища прогнали по дорогѣ стадо;
Поползли туманы по лѣснымъ полянамъ...

Затихаютъ звуки; слышенъ шорохъ каждый,
Каждый шелестъ внятенъ... Сердце замираетъ—
Полно сладкой грустью, полно страстной жаждой,
Словно ждетъ чего-то, а чего—не знаетъ...

V.

Застыла деревьевъ куртина
Въ сіяньи вечерней зари,
Какъ-будто сказало ей небо,
Какъ-будто сказало: „Замри!“

Смолкаютъ вечерніе звуки,
Все тише, все дальше они,—
Какъ-будто землѣ утомленной
Сказалъ тихій вечеръ: „Засни!“

И въ сердцѣ стихаетъ тревога,
И дышетъ свободнѣе грудь,
Какъ-будто промолвилъ мнѣ кто-то,
Какъ-будто шепнулъ кто: „Забудь!..“

VI.

Заря надъ лѣсомъ догораетъ,
Послѣдній отблескъ золотой
Еще трепещетъ и мерцаетъ
Сквозь вѣтви заросли густой.

То голубой, то блѣдносиній—
Мѣняетъ краски небосклонъ,
„Прекрасной матерью-пустыней“
Склонился лѣсъ со всѣхъ сторонъ.

Иду безлюдною дорогой,
Все глубже даль, все тише близь;
Простился день съ былой тревогой,
Порывы вѣтра унялись,—

Какъ-будто онъ не смѣетъ даже
Смутить природы всей покой
И всталъ молитвенно на стражѣ
Передъ вечерней тишиной...

VII.

На призывную трель соловьиную
Я заглохшей тропою иду;
Полный мѣсяцъ стоитъ надъ низиною,
Отражаясь въ зеркальномъ пруду...

Дремлетъ паркъ, дремлютъ ирисы блѣдные,
Тростники нижутъ жемчугъ росы;
Ходятъ шаткія тѣни безслѣдныя
Подъ намётомъ зеленой красы...

Что за тѣни? Зачѣмъ здѣсь скитаются—
Возлѣ мертвенно дремлющихъ водъ?..
Вотъ—сошлись, вотъ—другъ съ другомъ сплетаются,
Словно водятъ онѣ хороводъ...

Трель—звончѣе, гремитъ переливами,
Затерялась въ затишьи вѣтвей
И опять раскатилась надъ ивами...
Пой, волшебникъ! Греми, соловей!..

Это—ты разбудилъ изумрудное
Царство спящихъ красавицъ-дріадъ...
Что за пѣснь! Что за поченька чудная!
Что за дивный кругомъ ароматъ!..

VIII.

Не успѣли цвѣты досказать
Вѣтерку свои сказки вечернія, -
Какъ сошла на цвѣтникъ тишина,
Съ каждымъ мигомъ струясь равномѣрнѣе...

Замеръ вѣтеръ, какъ воръ притаясь
Въ тайникѣ между темными лозами,
И зарѣяли жаркіе сны
Надъ влюбленными въ солнышко розами...

Ночь, красавица лѣтняя ночь,
Окружонная призраковъ свитою,
Торопливо дорогой пошла,
Легкой дымкой тумана повитою...

А навстрѣчу ей зорька плыла,
По-надъ далью играла всполохами,—
И ночному затишью земля
Отвѣчала чуть слышными вздохами...

Таялъ сумракъ и таяла тишь,
Тѣни ночи бѣжали—смущенныя;
Предразсвѣтный дышалъ вѣтерокъ,
Пробуждая цвѣты полусонные...

Голоса весны.

I.

Тѣни лазурныя
Новой весны
Вѣютъ мнѣ сказками
Дней старины,—
Тѣшатъ, какъ гуслями
Древнихъ бояръ
Въ гридницахъ тѣшивалъ
Вѣщій гусляръ.
Много мнѣ чудится
Памятныхъ словъ,
Видится много мнѣ
Сбывшихся сновъ...
Чу, раскрасавица
Лада идетъ,
Солнышку-вёдрышку
Славу поетъ...
Съ первой запѣвкою
Дѣвы чудесъ
Вмигъ пробуждается
Дремлющій лѣсъ—
Лѣсъ, зачарованный
Лютой зимой,
Лелю кудрявому
Ставшій тюрьмой...

Дѣва-красавица!
Гдѣ-же твой Лель?
Не забаюкала-ль
На́-смерть мятель
Бога-царевича
Сладкіе сны---
Сны вдохновителя
Лады-Весны?!.

II.

Припо́днялъ темныя рѣсницы,
Взялъ сладкозвучную свирѣль,—
Стоитъ, дивится юный Лель
На трепетъ ласковой денницы.

Царевичъ смотритъ: нѣтъ слѣда
Сугробовъ снѣжныхъ... Что за чудо!
На вѣки вѣчные отсюда
Ужъ не ушла-ль зима куда?..

Каймитъ поляну частоколомъ
Все тотъ-же боръ, дремучій боръ,—
Но струнъ свободныхъ переборъ
Трепещетъ въ шорохѣ веселомъ...

И впрямь—ушла... Чу, слышенъ вздохъ
Сырой земли... То—вздохъ весенній...
Не звонъ несется изъ селеній—
Ручьи подснѣжный бьютъ всполохъ...

„А что-же нѣтъ моей услады,
Что нѣтъ измѣнницы со мной?!"
И—звуки грянули волной,—
Свирѣль поетъ въ честь дѣвы-Лады:

„Ой, Лада, гдѣ ты?..“ А красотка—
Бокъ-о́-бокъ съ Лелемъ:—„Здѣсь, съ тобой!“
И взоръ, какъ небо, голубой
Мерцаетъ ласково и кротко...

—„Царевичъ милый, не ревнуй!“—
Она протягиваетъ руки;
И—погасилъ тоску разлуки
Боговъ счастливый поцѣлуй...

Послѣдній снѣгъ слезился, тая,
И счастью радостной четы
Цвѣты, все новые цвѣты,
Улыбки слали, расцвѣтая...

И шелъ съ красой-подругой Лель
Въ вѣнкахъ изъ алой медуницы—
Туда, куда летѣли птицы,
Заслыша жаворонка трель...

А тамъ—все пѣло, ликовало
Среди полей, среди луговъ,—
Какъ-будто холода снѣговъ
На свѣтѣ вовсе не бывало...

Изъ «Пѣсенъ о веснѣ».

I.

Когда въ поляхъ шумятъ ручьи,
Журча волной, рожденной снѣгомъ
И соревнуютъ рѣзвымъ бѣгомъ
Ихъ однодневныя струи;

Когда окутанъ темный лѣсъ
Прозрачной дымкою зеленой,
И льется золото съ небесъ
На грудь природы обновленной;

Когда весенній гомонъ птицъ
Встрѣчаетъ утра пробужденье,—
Полету мысли нѣтъ границъ
И рветъ оковы вдохновенье...

Изъ мрачной бездны лжи и зла
Оно летитъ въ просторъ безбрежный,
Въ просторъ лазурно-безмятежный...
О, Боже мой, какъ жизнь свѣтла!..

II.

Зазвенѣли весеннія пѣсни,
Вешній шумъ раздался по лѣсамъ,
Первый дождь пролился надъ полями,
Проглянули цвѣты по лугамъ.

Жаркой лаской весенняго солнца
Заалѣли—горятъ небеса,
Заглядѣлась въ рѣчные затоны
Береговъ молодая краса.

Распушилась кудрявая верба,
Зеленѣется гибкій тальникъ,
Вьются бабочекъ пестрыя стаи,
Лебединый послышался крикъ...

Жизнь ростетъ, жизнь истомою дышетъ,
Жизнь весеннею нѣгой влечетъ,
Воскресаютъ мечты, воскресаютъ.
Сердце—пѣснями счастья цвѣтетъ!..

III.

Расцвѣтаютъ перелѣски голубыя,
Пѣсня жаворонка на полѣ слышна,
Шумно льются воды снѣговыя:
Рано въ путь свой вышла красная весна.

Муравою пріодѣлися поляны,
Медуницей блѣдноалою цвѣтутъ,
Журавлей—гостей пролетныхъ—караваны
Вѣсти свѣтлыя изъ-за моря несутъ.

Съ каждымъ утромъ все привѣтнѣй солнце блещетъ,
Что ни день—слышнѣе каждый вздохъ земли;
Сердце внемлетъ, сердце радостью трепещетъ...
Ужъ не крылья-ли у сердца отросли?!.

IV.

Въ каждомъ шорохѣ весеннемъ,
Въ каждомъ всплескѣ волнъ рѣчныхъ,
Въ каждомъ шелестѣ зеленомъ—
Слышу отзвукъ грезъ былыхъ.

Каждый лучъ, горящій въ небѣ,
Отраженный на землѣ,
Разгоняетъ злыя думы
И морщины на челѣ.

Птичій щебетъ, говоръ лѣса,
Запахъ первенцевъ-цвѣтовъ—
Свѣтлый міръ мечтаній юныхъ
Воскресить во мнѣ готовъ.

Пробуждаются желанья,
Вотъ они—за рядомъ рядъ...
Сердце—пѣсни вдохновляетъ,
Пѣсни—сердцу говорятъ...

Сѣверный май..

I.

Еще не зеленѣли въ паркѣ
Ни кудри липъ. ни пышный кленъ;
Еще и солнце лишь украдкой
Всплывало здѣсь на небосклонъ.

Еще среди угрюмыхъ сосенъ,
Тѣснѣй сбѣжавшихся въ кружокъ,
Напоминалъ веснѣ про зиму
Лѣниво тающій снѣжокъ.

Еще почти не слышно было
Шумливыхъ споровъ птичьихъ стай,
Еще дышалъ осенней стужей
Нашъ блѣдный май, скупой нашъ май.

Я шелъ... И шла ко мнѣ навстрѣчу
Невнятныхъ шороховъ молва...
Я шелъ, я слышалъ чей-то шепотъ:
„Весна идетъ! Весна жива!..“

Не мнѣ-ль, не мнѣ-ли улыбалась
Она—то травкой молодой,
То блѣдноалой медуницей,
То перелѣской голубой?!.

II.

Вчера весь старый садъ сверкалъ лишь наготой;
Ночь, только ночь, прошла и утро заблистало,—
Проснулось солнышко, умылося росой
И въ молодой листвѣ лучомъ затрепетало...

Въ свѣтлозеленый свой одѣлися нарядъ
Березки бѣлыя у сѣраго забора
И шелестомъ своимъ какъ-будто говорятъ,
Что возродится все въ родной природѣ скоро...

Какъ свѣжъ ихъ ароматъ, какъ дѣвственны онѣ,
Съ какою любовью льнетъ къ нимъ вѣтерокъ залетный!
Какъ веселъ лепетъ ихъ о солнцѣ, о веснѣ,
Богъ вѣдаетъ о чемъ—ихъ лепетъ беззаботный!..

Сегодня каждая изъ нихъ совсѣмъ не та,
Какой еще вчера на Божій міръ глядѣла...
Вѣдь даже лиственницъ столѣтняя чета—
И та, взглянувъ на нихъ, совсѣмъ помолодѣла!..

III.

Надо мной—навѣсъ зеленый,
Густолиственная сѣнь...
Лаской солнца утомленный —
Вечерѣетъ знойный день.

Застилаетъ небо дымкой,
Сѣнь черемухъ — все темнѣй, —
Словно шапкой-невидимкой
Кто покрылъ насъ вмѣстѣ съ ней!

Звуки таютъ, утопая
Въ голубой прозрачной мглѣ;
Первый теплый вечеръ мая
Тихо клонится къ землѣ...

Ночь зоветъ онъ,—ночь не слышитъ,
Ночь проходитъ стороной,
Ночь блѣднѣетъ, ночь чуть дышетъ,
Упиваясь тишиной...

Лѣсной, 1899 г.

Въ деревнѣ.

I.

Луга вдоль берега рѣки;
Куда ни взглянешь—незабудки,
Голубоглазыя малютки...
Надъ ними вьются мотыльки...

Цвѣты осыпали долину,
Надъ ней цвѣтовъ крылатыхъ рой:
И небо яркой бирюзой
Вѣнчаетъ дивную картину...

Цвѣтокъ-гигантъ,—лазурь свою
Ты распростерло надъ землею!
Весь очарованный тобою,
Въ цвѣточномъ царствѣ я стою.

И въ душу сходитъ вдохновенье,
Какъ на просторъ полей роса...
Весной рожденная краса
Растетъ, растетъ—что ни мгновенье...

II.

Голосъ иволги звончѣе
Съ каждымъ утромъ у окна,
Что ни день — дороднѣй, краше
Смотритъ красная весна.

Нарядилась, какъ невѣста —
Въ подвѣнечный свой уборъ;
Мечетъ искры и улыбки
Молодой царевны взоръ...

Глянетъ въ поле — сила зрѣетъ,
Плещетъ удаль черезъ край:
Въ сердце глянетъ — въ темномъ сердцѣ
Зацвѣтетъ-заблещетъ май!..

III.

Всѣ яблони въ цвѣту, всѣ—бѣлыя стоятъ;
Чуть розовѣются шатры цвѣтовъ живые,
Покрыли всю листву гирлянды восковыя,
Навстрѣчу мнѣ струя тончайшій ароматъ.

Гляжу не нагляжусь... Вокругъ—все счастьемъ дышетъ;
Весь воздухъ нѣгою весенней напоенъ;
И даже сердце здѣсь какъ-будто снова слышитъ
Безпечной радости призывный перезвонъ...

О, солнце яркое! О, небо голубое!
О, юность! О, мечты!.. Какъ свѣтелъ вашъ закатъ!..
Засни, моя печаль, забудь про все былое:
Всѣ яблони въ цвѣту, всѣ — бѣлыя стоятъ...

С. Макѣево, Рязанской губ.,
май 1903 г.

Бѣлыя ночи.

I.

Прозрачною окутанная дымкой,
Истомная — какъ страсть осеннихъ лѣтъ,
Она къ землѣ склонилась невидимкой
И шепчетъ ей неслыханный привѣтъ.

Безплотный сонмъ невиданныхъ видѣній
Она ведетъ невѣдомымъ путемъ.
Храня восторгъ нездѣшнихъ наслажденій
Грядущему, рожденному въ быломъ.

Ночь явныхъ сновъ, ночь грезъ неугасимыхъ,
Вся—воплощенный миѳъ, вся—тайна, вся—упрекъ;
Ночь жажды бытія страстей неутолимыхъ,
На непонятное непонятый намекъ!..

II.

Недосказанныхъ признаній,
Недослушанныхъ рѣчей
Много, много проплываетъ
Въ бѣломъ сумракѣ ночей.

Наплываютъ, обступили, —
Сердцемъ сердцу говорятъ,
Дышатъ грустью неуёмной,
Страстной жалобой звучатъ.

Пусть — обманъ всѣ эти рѣчи,
Пусть признанья эти — ложь:
Имъ внимая, замирая,
Къ возрожденію идешь;

И—въ отвѣтъ на милый голосъ—
Грусть завѣтную тая,
Имъ пѣвучими струнами
Вторитъ молодость моя...

III.

Въ такую ночь слышнѣй деревьевъ лепетъ
И зеленѣй зеленый ихъ нарядъ;
Въ такую ночь—отзывнѣй сердца трепетъ
На каждый окликъ и на каждый взглядъ.

Спитъ все вокругъ... Но страсть не спитъ, не дремлетъ,
Она спѣшитъ на чей-то властный зовъ;
Безмолвствуетъ, но внемлетъ, чутко внемлетъ,—
Какъ-будто сердце въ каждый мигъ пріемлетъ
Всѣ радости, всѣ таинства міровъ...

IV.

Голубѣетъ, разгорается огнями
Блѣдный призракъ темени ночной,
Окружонный бѣлыми тѣнями,
Сотканными сѣверной весной.

Замолкаетъ рокотъ пѣсни соловьиной,
По травѣ—что змѣи поползли:
Словно дымъ курится надъ долиной,
Словно дымъ пожарища земли.

Знаетъ ночь, что солнце встанетъ скоро,—
Что пойдетъ поднѣбесьемъ свѣтить,
Что зажжется день отъ солнечнаго взора;
Знаетъ—да не хочетъ уходить...

V.

Подъ таинственною сѣнью бѣлыхъ сѣверныхъ ночей
Вмѣсто звѣздъ горятъ и свѣтятъ сонмы трепетныхъ очей...

Безконечной, безымянной вереницей предо мной,
Колыхаяся, проходитъ блѣдныхъ тѣней блѣдный строй:

Сотни призраковъ печальныхъ, сотни мантій и вѣнцовъ
Неоплаканныхъ, забытыхъ чувствъ и мыслей — мертвецовъ...

Идутъ призраки, проходятъ, исчезаютъ въ царствѣ сна...
Сколько горя въ этихъ взглядахъ, какъ темна ихъ глубина!

Я смотрю, ловлю всѣ взгляды, всѣ безмолвныя мольбы;
И влечетъ меня раздумье въ глубь загадочной судьбы...

Память рѣчь свою заводитъ — укоризненную рѣчь
О былыхъ, завѣтныхъ тайнахъ встрѣчъ былыхъ, завѣтныхъ
встрѣчъ.

Какъ живая — предо мною невозвратная пора:
Зори юности погасшей, лучезарныхъ чувствъ игра;

Первый цвѣтъ любви поблекшей, пылкой страсти первый цвѣтъ,
Первый громъ грозы житейской, первыхъ думъ живой разсвѣтъ...

Помню жаркія объятья, помню каждый томный взглядъ,
Холодѣющихъ лобзаній ядъ живой — смертельный ядъ...

Нѣтъ имъ смерти, нѣтъ забвенья... Нѣтъ, себѣ я самъ солгу,
Если вѣру дамъ разсудку, что забыть о нихъ могу!

Въ нихъ—вся жизнь моя былая съ тихимъ трепетомъ лучей
Смотритъ въ душу, свѣтитъ въ сердце свѣтомъ сѣверныхъ ночей...

VI.

Въ эти ночи, ночи бѣлыя,
Бродятъ по̀ свѣту несмѣлыя
Тѣни мыслей затаенныя,
Жизнью темною рожденныя, —
Бродятъ, по̀ людямъ скитаются,
Въ обликъ чувства превращаются.

Надъ больными, надъ усталыми
Ночи вѣютъ опахалами,
Колыбель страстей качаючи,
Сны безсоннымъ навѣваючи;
И смолкаетъ — утомленная —
Страсть, дитя неугомонное...

Безъ борьбы и безо времени
Сгинетъ призракъ темной темени, —
Слышны рѣчи несказанныя,
Несказанныя — желанныя;
Таютъ зори переливныя,
Чуетъ сердце дива дивныя...

Зоревыя, разъистомныя,
Чудо-ночи безпотемныя!
Вы—загадки, міру заданной,
Смыслъ, вѣками не разгаданный;
Вы — отвѣтъ сомнѣнья вѣчнаго
Ясной правдѣ Безконечнаго!..

Іюнь—іюль 1899 г., Лѣсной.

Въ дорогѣ.

I.

Вѣтеръ въ вагонъ залеталъ легкой волною своей;
Вѣтеръ въ окно доносилъ всѣ ароматы полей,—
Въ ясномъ сіяніи дня
Онъ собиралъ для меня
Звуки шумливыхъ лѣсовъ, краски безмолвныхъ степей.

Ширились думы мои; прочь отъ страданій земли
Рвались онѣ,—словно крылья у трепетныхъ думъ отросли;
Сердце хотѣло расцвѣсть,
Въ душу стучалася вѣсть—
Близкая вѣсть обо всемъ, что такъ долго таилось вдали...

Яркая смѣна картинъ... Куполъ бездонныхъ небесъ...
Царство природы живой, полное вѣщихъ чудесъ,
Полное тайнъ вѣковыхъ,
Духу народа родныхъ...
Здравствуй, приволье степей! Здравствуй, задумчивый лѣсъ!..

II.

Свѣтлѣетъ тихая поляна
Среди потемныхъ стѣнъ лѣсныхъ,
Какъ въ безднѣ моря-океана
Цвѣтущій островъ странъ чужихъ.

Пестрѣя розсыпью цвѣточной,
Волнами зыблется трава;
По ней въ далекій путь заочный
Бѣжитъ зловѣщая молва —

Молва о томъ, что въ тишь лѣсную
Шумъ блѣдной жизни городской
Несетъ тревогу роковую
Съ ея недремлющей тоской.

Нежданной вѣсти отголоскамъ
Русалки внемлятъ изъ кустовъ, —
Конца нѣтъ шорохамъ и всплескамъ
Въ сѣни зеленыхъ теремовъ...

III.

Раздолье степи неоглядной
Лѣсистыхъ пажитей просторъ!
Картины ваши ловитъ жадно
Отъ нихъ совсѣмъ отвыкшій взоръ...

О, Боже мой! Еще давно-ли
Я былъ прикованъ безъ цѣпей
Ярмомъ томительной неволи
Къ тюрьмѣ безвыходной своей?!.

Какъ рвался я къ широкимъ нивамъ,
Къ степямъ привольнымъ и къ лѣсамъ!..
И вотъ—въ спокойствіи счастливомъ
Я пріобщился ихъ красамъ...

Пусть мимолетно это счастье;
Пусть мимоходомъ я въ раю
Своей мечты; пусть мракъ ненастья
Опять темнитъ судьбу мою,—
Но въ этотъ мигъ одну лишь власть я,
Лишь власть природы, признаю!..

Рязань—Сапожокъ, май 1901 г.

Въ глуши.

„И все поля, кругомъ поля...“
А. Н. Майковъ.

I.

Затонула телѣжка во ржи;
Сизой пылью дорога дымится,
Рожь—стѣной отъ межи до межи
По обоимъ бокамъ колосится.
Ѣдетъ встрѣчный мужикъ... Не видать
Ни его, ни телѣги: ныряетъ
Во́ ржахъ только дуга... Благодать
Православнымъ Господь посылаетъ!
Силу тратилъ не даромъ свою
Вѣковѣчный работникъ отчизны,—
Хватитъ чѣмъ прокормить и семью
И пирушки всѣ справить, и тризны...
— „Что, ямщикъ! Урожай-то каковъ?“
— „Ничего, господинъ! Слава Богу!..
Н-но, касатки!..“
Съ обоихъ боковъ
Сторожатъ ржи степную дорогу.
И невольно теряется взоръ
Въ этой шири полей хлѣбородныхъ;
А просторъ, безпредѣльный просторъ,
Проситъ пѣсенъ живыхъ и свободныхъ...

II.

Деревенька показалась.
Промелькнула стороной
И безслѣдно затерялась
Гдѣ-то тамъ—въ дали степной:

Снова вьется путь-проселокъ,
Снова — рожь и снова — пыль;
Душенъ знойный день и дологъ,
Какъ степей родимыхъ быль.

Снова—сѣрый рядъ избушекъ;
Сельской церкви мѣдный крестъ —
Якорь бѣдныхъ деревушекъ
И маякъ окольныхъ мѣстъ...

Далекóнько до закату...
Стой, ямщикъ! Куда-нибудь
Подверни; въ любую хату
Пустятъ насъ поотдохнуть!

Вотъ—привалъ... Все—въ лучшемъ видѣ:
Хлѣбъ да соль, радушный людъ;
Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ,
Люди добрые живутъ...

Голосъ горькихъ думъ—все тише:
И, въ укоръ тоскѣ страстей,
Подъ соломенною крышей
Сердце бьется веселѣй...

III.

Степной уѣздный городокъ,
Путемъ желѣзнымъ обойденный,
На перепутьи трехъ дорогъ
Вдали отъ жизни современной...

Поля, широкія поля,
Кольцомъ отвсюду охватили...
Онъ—твой, кормилица-земля,
И въ колыбели, и въ могилѣ!..

Съ десятокъ каменныхъ домовъ,
И то—казенныхъ больше зданій;
Соломой крытыхъ теремовъ
Здѣсь столько-жъ, сколько и преданій...

Лужайки круглыхъ площадей,
Рядъ пыльныхъ улицъ немощеныхъ;
Заборы, скрывшіе людей
Въ тѣни садовъ темнозеленыхъ...

Надъ сѣрымъ городомъ-селомъ
Бѣлѣютъ Божьихъ храмовъ башни;
Есть церковь „Пятницы", крыломъ
Своихъ молитвъ хранящей пашни;

Базаръ съ толпою мужиковъ;
Одежда—древнихъ храмовъ старѣй...
Такою-жъ, больше трехъ вѣковъ,
Русь видѣлъ нѣмецъ Олеарій;

Здѣсь старина—со всѣхъ сторонъ...
Вѣка минуютъ тамъ безслѣдно,
Гдѣ—тишь да гладь, гдѣ мирный сонъ
Надъ жизнью царствуетъ побѣдно.

IV.

По рязанскимъ пустошамъ,
Стороной безлѣсною,
Дума пробирается
Странницей безвѣстною.

На путяхъ нехоженныхъ
Отъ судьбы-свекровушки
Горемычной некуда
Приклонить головушки;

Нѣтъ нигдѣ пристанища
Средь простора ровнаго,
Нѣтъ у бездомовницы
Друга-брата кровнаго...

Ой ты, дума-думушка!
Не пора-ль тебѣ домой?
Заблудиться долго-ли
На тропѣ невѣдомой!..

Рязанск. губ., май 1901 г.

Изъ «Лѣсенъ о сѣверномъ лѣсѣ».

I.

Распахнулась-развернулась
Неба вольная краса;
Разступаются широко
Заповѣдные лѣса...

Сосны, ели; снова сосны;
Гладь лѣсныхъ озеръ вдали...
Много есть еще простора
По лицу родной земли!..

Ѣдешь, ѣдешь,—попадется
Деревенька невзначай...
Край раздольный, край забытый,
Обойденный жизнью край!..

Горы, долы и поляны...
Зеленѣющей стѣной
Огражденъ я отъ лихого
Глаза жизни городской...

Вѣтромъ сѣвера обвѣянъ
Озаренный солнцемъ путь;
Жадно пьетъ смолистый воздухъ
Истомившаяся грудь...

Глубже дали, ярче краски:
И—куда ни кинешь взоръ—
Лѣса темныя вершины
Окаймляютъ кругозоръ...

Вотъ сюда-бы, въ глубь затишья,
Въ этотъ Божій садъ, уйти
Навсегда, ото всего-бы
И всему сказавъ „прости!“

Здѣсь, въ скиту нерукотворномъ,
Позабыть-бы дальній шумъ,
Отдохнуть-бы мнѣ навѣки
Отъ своихъ безсонныхъ думъ!..

II.

Вдыхая вѣянье свободы,
Наединѣ съ собой— въ лѣсу
На древній жертвенникъ природы
Я пѣсни новыя несу.

Внимая этимъ соснамъ старымъ
Подъ кровомъ дальней высоты,
Я отдаюсь незримымъ чарамъ
Неизъяснимой красоты;

Я—весь восторгъ, я весь—моленье...
Ужъ не проснулся-ли во мнѣ
Мой пращуръ-жрецъ, богамъ служенье
Свершавшій здѣсь по старинѣ?..

Да, самъ я—жрецъ, отъ шумной битвы
Ушедшій въ этотъ тихій храмъ,
Гдѣ въ каждомъ шорохѣ—молитвы,
Гдѣ самый воздухъ—ѳиміамъ...

III.

Чей-то голосъ призывный мнѣ слышится,
Что-то манитъ все дальше—туда,
Гдѣ навѣсъ темнокудрый колышется;
Мнѣ легко, мнѣ привольно такъ дышется—
Какъ нигдѣ, какъ ни съ кѣмъ никогда...

Вотъ онъ—чарами сновъ весь окованный,
Вотъ онъ—вѣщій лѣсной уголокъ,
Тайной думой вѣковъ заколдованный...
Я стою, я смотрю—очарованный;
Ни тоски на душѣ, ни тревогъ...

Вонъ—подъ кручей, за сѣтью зеленою,
Голубѣетъ воды полоса:
Плещетъ рѣчка волною студеною,
Тихимъ шелестомъ травъ упоенною;
Все слышнѣй, все звончѣй голоса...

Не призывъ-ли русалочій слышится? —
Все зовутъ, все манятъ, все туда,
Гдѣ лознякъ надъ водою колышется...
Не пойду: здѣсь отрадно такъ дышется—
Какъ нигдѣ, какъ ни съ кѣмъ никогда!..

IV.

Глубже, все глубже трущоба дремучая;
Тише, все тише шаги осторожные...
Хвоей засыпана понизь ползучая,
Золотомъ рдѣютъ пески подорожные...

Царство покоя, пустыня зеленая,
Храмъ необъятный, алтарь вдохновенія...
Чуется вѣчность, мгновеньемъ рожденная:
Внемлятся вѣчныя жизни мгновенія...

V.

Стѣна-стѣной
Сыръ-боръ стоитъ,
Надъ головой —
Зеленый щитъ;
Не устарѣлъ
Лѣсъ-великанъ, —
Весь полонъ стрѣлъ
Его колчанъ;
Онъ—смолью латъ
Вооруженъ,
Въ немъ вѣщій кладъ
Похороненъ.
Пусть будитъ громъ
Всю даль, всю ширь,—
Не бьетъ челомъ
Дѣдъ-богатырь...
Всегда суровъ,
Всегда угрюмъ—
Среди громовъ,
Подъ бури шумъ;
Неустрашимъ
Огнемъ небесъ,
Несокрушимъ
Дремучій лѣсъ...
Предъ нимъ года,
Вѣка неслись,—
Взиралъ всегда
Онъ въ ту-же высь,
Куда смотрѣлъ,
Когда былъ юнъ,
Когда гремѣлъ
Надъ нимъ Перунъ...

VI.

Таинственный, торжественный, протяжный—
Онъ по вершинамъ сосенъ пробѣжалъ,
На мигъ замолкъ надъ тихою поляной
И вновь запѣлъ угрюмый свой хоралъ...

О, шумъ лѣсной! Твоихъ аккордовъ волны
Какой маэстро вызвать къ жизни могъ?
Слилася въ нихъ гармонія покоя
Со всѣми диссонансами тревогъ...

Въ нихъ слышенъ мнѣ и мощный голосъ гнѣва,
И кроткихъ жалобъ затаенный стонъ,
И взрывы чувствъ, и скорбныя молитвы,
Набатъ страстей и арфы сердца звонъ...

Идетъ волна, сошлась съ другой волною:
Мотивъ растетъ, вздымается, какъ валъ:
Весь лѣсъ шумитъ, весь лѣсъ гудитъ и стонетъ,
Весь лѣсъ поетъ торжественный хоралъ ..

VII.

Я въ лѣсъ вошелъ,—сѣдыя сосны
Мнѣ за поклономъ шлютъ поклонъ,
Смолой и сыростью грибно́ю
Весь знойный воздухъ напоенъ.

Иду стопою осторожной,
Кругомъ—ни звука, ни души;
Благоговѣйное молчанье —
Въ благоухающей тиши...

Чуть видно небо сквозь просвѣты
Другъ съ другомъ сплетшихся вѣтвей,—
Но такъ близка его святыня
Душѣ, отрясшей прахъ страстей!..

Какъ-будто здѣсь ей шепчетъ кто-то
Молитвъ забытыя слова,
Какъ-будто шествуетъ незримо
Бокъ-о́-бокъ съ ней тѣнь Божества;

И все наносное, земное,
Что сердце мучило и жгло,
Смутясь молитвеннымъ покоемъ,
Въ нѣмомъ безсильи отошло...

Отрадно все мнѣ, все мнѣ мило,
Все будитъ свѣтлыя мечты —
И эта тишь, и эти своды,
И эти поздніе цвѣты,

И солнца лучъ, скользнувшій робко
Межъ вѣтокъ сосенъ вѣковыхъ,
И ягодъ яркіе рубины
На блѣдныхъ кочкахъ моховыхъ...

VIII.

Смолкаютъ шумы
Дневной тревоги:
Со мной въ дорогѣ —
Былыя думы:

Не отставая,
Бѣгутъ бокъ-о-бокъ;
Ихъ лепетъ робокъ,
Какъ молвь лѣсная...

Нашъ путь затерянъ
Въ дали далёкой,
Мой одинокій
Духъ суевѣренъ;

Но сердцемъ внемлю
Я тайнамъ вѣчнымъ —
Снамъ безконечнымъ,
Объявшимъ землю.

А тайнъ такъ много
И всѣ такъ властны,
И всѣ—безстрастны,
Какъ голосъ Бога...

Внимайте, думы,
Ихъ откровенью!
Подъ тихой сѣнью
Смолкаютъ шумы...

Облачко

Въ глубинѣ лазури нѣжной —
Словно лебедь бѣлоснѣжный —
Млѣетъ облачко вдали,
Въ золотыхъ волнахъ купаясь,
Ласкѣ солнца улыбаясь
Надъ туманами земли.

Все плыветъ, плыветъ, все млѣетъ:
То блѣднѣетъ, то алѣетъ —
Словно розы лепестокъ...
Таетъ, тонетъ; вотъ блеснуло,
Вотъ безслѣдно потонуло—
Тамъ, гдѣ рдѣется востокъ...

Жизнь! Въ тебѣ, по волѣ Бога,
Счастья-радости такъ много!
Божій міръ широкъ, великъ...
Въ немъ для всѣхъ найдется радость,
Въ ней—для всѣхъ таится сладость,—
Лишь съумѣй поймать свой мигъ!

Стóитъ жить, въ борьбѣ мужая,
Силой силу побѣждая...
Сила—дивный даръ небесъ;
Сила—мать успокоенья,
А покой—отецъ забвенья;
Міръ забвенья—край чудесъ!..

Цѣль богатства—созиданье...
Что за счастье: обладанье
Всѣмъ, что твой ласкаетъ взглядъ!
Но въ сознаньи, что ты властенъ
Тѣхъ счастливить, кто несчастенъ,
Счастья больше во сто кратъ!

Ты, любовь, цвѣтъ жизни нашей...
Ты пришла—и радость краше,
Ты пришла—и скорбь легка!
Слава, ты—вѣнецъ нетлѣнный
Надъ волненьемъ жизни бренной,
Предъ тобой—ничто вѣка!..

Вотъ онъ, вотъ—предѣлъ желаній
Въ мірѣ счастья и страданій,
Въ мірѣ муки и борьбы,
Сѣнь потерянаго рая...
Вотъ за что — и умирая
Любятъ жизнь ея рабы!

Но все это совершенство
Я бы отдалъ за блаженство
Оторваться отъ земли
И, забывъ земныя бури,
Плыть и млѣть въ волнахъ лазури
И растаять—тамъ, вдали...

***

Въ моемъ саду и въ знойный день
Прохлада зыблется волнами
Въ томъ уголкѣ, любимомъ снами,
Гдѣ вѣчно тишь, гдѣ вѣчно тѣнь, —
Тамъ, гдѣ лиловая сирень
Сплелась душистыми вѣтвями
Въ зеленолиственную сѣнь...

Оттуда въ сумерки порой,
Мерцанью бѣлой ночи рады,
Зеленокудрыя дріады
Выходятъ тѣшиться игрой
На ближній лугъ... Къ нимъ сильфовъ рой
Летитъ, въ предчувствіи отрады
Священныхъ тайнъ любви живой...

Смотрю на нихъ, любуюсь ими,
Гостями тѣхъ блаженныхъ странъ,
Что омываетъ океанъ,
Забытый муками земными...
Сошелъ-бы къ нимъ, рѣзвился-бъ съ ними,
Боюсь — исчезнутъ, какъ туманъ,
Смутясь тревогами моими...

Зачѣмъ смущать мнѣ ихъ лобзанья,
Когда—вся нѣга, вся привѣтъ—
Плыветъ, струя нездѣшній свѣтъ,
Восторговъ ночь, ночь обаянья,
Когда заря очарованья
Спѣшитъ зарѣ страстей вослѣдъ —
Зарѣ безумнаго желанья!..

О, если-бъ смолкли навсегда
Въ объятьяхъ ласковой природы
Мои немолчныя невзгоды,
Исчезли — словно тучъ гряда
Надъ полемъ мирнаго труда!
Храмъ чистыхъ грезъ, очагъ свободы,
Когда-жъ найду я васъ, когда?!.

* * *

Зеленыя косы свои распустивъ,
Склонились къ окошку березы,
О чемъ-то со мною съ утра загрустивъ:
Съ вѣтвей ихъ печальныхъ на ближній обрывъ
Жемчужныя катятся слезы...
О чемъ эта грусть у красавицъ? О чемъ?!.
О томъ-ли, что неба лазури
Не видно за тучами? Или о томъ,
Что имъ, какъ и мнѣ, жить пришлось день за днемъ,
Клонясь подъ дыханіемъ бури?!.
Стоитъ-же вотъ рядомъ съ кудрявыми кленъ —
Вѣтвей не склонилъ, не повѣсилъ;
Дождь льется и льется... Но что ему онъ,
Когда, горделиво смотрясь въ небосклонъ,
Все также онъ счастливъ и веселъ!..
Вотъ, слышу я, съ кѣмъ-то онъ рѣчи ведетъ
Своею узорной листвою:
„И дождь перестанетъ, и вѣтеръ заснетъ,
И солнце, лучистое солнце, взойдетъ
Въ родныхъ небесахъ надо мною!..
„О чемъ тосковать мнѣ, о чемъ мнѣ грустить?
Я радостью горе вѣнчаю;
Придется не мало мнѣ бурь пережить
И вновь я съумѣю о нихъ позабыть,
Чуть солнечный лучъ повстрѣчаю!“
Но плачутъ, все плачутъ—съ утра загрустивъ,
Склоняясь къ окошку березы,
Зеленыя косы свои распустивъ...
Мнѣ близокъ, мнѣ дорогъ ихъ скорби порывъ...
Катитесь, жемчужныя слезы!..

* * *

Сгущались сумерки... Сходила тишина
На землю съ высоты небесъ воспламененныхъ;
Въ открытое окно струилася волна
Дыханія цвѣтовъ, росою опьяненныхъ.

Чуть вѣялъ вѣтерокъ; кому-то всторонѣ
Вершины тополей задумчиво кивали;
А вечеръ замиралъ въ дремотномъ полуснѣ,
И звуки таяли, и краски погасали...

Все ароматнѣе шептались цвѣтники,
Все невозвратнѣе казалась жизнь мгновеній,
И шла вакханка-ночь, роняя лепестки
Изъ пышнаго вѣнка безумныхъ наслажденій
На блѣдное чело развѣнчанной тоски,
На сны былыхъ надеждъ, на грезы вдохновеній...

Голубые глаза.

Чуть дождь пересталъ, чуть замолкла
Дышавшая смертью гроза,—
Глядятся въ лазурь, улыбаясь,
Цвѣтовъ голубые глаза.

Давно-ли, склоняя головки,
Они укрывались въ травѣ?
Давно-ли въ испугѣ внимали
Небеснаго гнѣва молвѣ?..

Полъ-неба пылало пожаромъ,
Сгущалась зловѣщая тьма;
Казалось, при каждомъ ударѣ
Земля разверзалась сама...

Сходилися черныя тучи,
Какъ воинствъ несмѣтныхъ ряды,—
Другъ съ другомъ сшибалися въ схваткѣ
И гибли въ разгарѣ вражды...

Не ливень лилъ, цѣлыя рѣки
На землю струились изъ нихъ,—
Какъ-будто залить все хотѣли
Волнами потоковъ своихъ...

Но вдругъ — во мгновеніе ока
И ливень затихъ, и гроза,—
И солнце улыбкой встрѣчаютъ
Цвѣтовъ голубые глаза...

И въ сердцѣ у насъ—какъ въ природѣ —
Есть ливни, есть грозы свои,
Надъ нимъ тѣ-же тучи проходятъ
И молній змѣятся струи...

Въ немъ также пылаетъ порою
Губительной страсти пожаръ;
Въ испугѣ оно замираетъ,
Заслышавъ громовый ударъ...

И кажется сердцу невольно,
Что больше спасенія нѣтъ,
Что жизнь омрачилась навѣки,
Что гаснетъ послѣдній въ немъ свѣтъ;

Что больше бороться нѣтъ силы
Съ возставшей на счастье враждой,
Что мигъ, только мигъ—и безслѣдно
Погибнетъ оно подъ грозой...

Но чуть стихнетъ ливень печали,
Чуть смолкнетъ страданій гроза, —
Улыбку шлютъ небу мечтаній
Надеждъ голубые глаза!..

Малютка.

Какъ цвѣтокъ на песчаной равнинѣ,
Такъ ты въ жизни моей расцвѣла:
Какъ подъ кровлей убогою пташка —
Такъ ты гнѣздышко въ сердцѣ свила.

Утромъ солнце въ окно мнѣ заглянетъ,
Жду я скоро-ли встанетъ она,
Скоро-ль милая эта малютка
Распростится съ видѣньями сна;

Скоро-ль выбѣжитъ въ садъ, на лужайку,
Гдѣ средь пестрыхъ цвѣтовъ полевыхъ
Одного не хватаетъ цвѣточка,
Что для сердца милѣй всѣхъ другихъ...

Вотъ и встала, бѣжитъ баловница,
Принялась лепетать-щебетать,
Рѣзвой пташкой, веселою пташкой
Отъ цвѣточка къ цвѣточку порхать.

Голосокъ раздается нѣвучій,
Дѣтскій смѣхъ-колокольчикъ звенитъ;
Чуть заслышу—воскресшее сердце
Чистой радостью счастья дрожитъ...

Расцвѣтай, мой цвѣтокъ; нѣжься, птичка,
Подъ живыми лучами любви!
Вѣрь, покуда я живъ, не увидятъ
Горя милые глазки твои!..

9 іюня 1904 г.

Въ затишьи.

I.

Въ объятьяхъ мира и свободы
Живу—съ мечтами заодно;
Здѣсь человѣкъ въ кругу природы
Неисключимое звено!

Онъ съ ней однимъ дыханьемъ дышетъ,
Свои печали ей несетъ,
Въ ея громахъ гнѣвъ Божій слышитъ,
Въ ея лучахъ восторги пьетъ.

Поля, долины и озера,
Холмы, зеленые лѣса...
О, сколько чувствамъ здѣсь простора
Какъ близки сердцу небеса!..

II.

Есть у меня въ саду завѣтный уголокъ,
Откуда—чудный видъ всегда передо мною
На пестрые луга, лежащіе у ногъ,
На сельскія поля, бѣгущія горою...

Люблю я тамъ сидѣть, когда горитъ закатъ,
Люблю—въ полдневный зной, обвѣянный истомой;
Тамъ всѣ сомнѣнія, тревоги всѣ молчатъ,
И кажется вся жизнь грядущая знакомой.

Нисходитъ въ душу мнѣ такая тишина,
Такъ я далекъ тогда отъ всѣхъ своихъ волненій,
Какъ-будто въ міръ иной незримый добрый геній
Навѣкъ меня унесъ на легкихъ крыльяхъ сна...

III.

Я слышу жаворонка трели,
Мнѣ внятенъ вѣтра дальній шумъ,
Призывъ пастушеской свирѣли;
Ихъ нѣтъ какъ нѣтъ—мятежныхъ думъ!

Слѣжу за тучкою пролетной,
Смиряю сердцемъ гордый умъ,
Отрады полонъ безотчетной;
Ихъ нѣтъ какъ нѣтъ—унылыхъ думъ!

Лазурь небесъ зоветъ куда-то
Идти безъ цѣли, наобумъ...
Просторъ широкъ, жизнь такъ богата;
Ихъ нѣтъ какъ нѣтъ—безумныхъ думъ!..

IV.

Изсиня-черныя тучи нависли
Надъ полосою зари золотой;
Въ душу мнѣ крадутся смутныя мысли,
Давятъ мнѣ сердце своей темнотой;

Ниже, все ниже висятъ надъ полями
Мрачныя вѣстницы хмураго дня...
Зоренька ясная, вспыхни огнями,
Въ жизни надежду зажги у меня!..

Вѣтеръ повѣялъ, и туча за тучей
Медленно поплыли... Сгинулъ ихъ слѣдъ...
Хлынуло пламя волною могучей;
Солнце восходитъ... Да здравствуетъ свѣтъ!..

Іюнь 1904 г., Парголово.

Цвѣты.

I.

Всѣхъ раньше расцвѣли по цвѣтникамъ тюльпаны,
Всѣхъ раньше и отцвѣсть зато имъ суждено;
Всѣхъ ярче, всѣхъ пышнѣй нарядъ ихъ, всѣхъ роскошнѣй,
Но аромата имъ весною не дано.

Они чарують взоръ, но душу не ласкають,
Но сердце не влекутъ къ другимъ цвѣтамъ живымъ.
Что въ насъ-самихъ цвѣтутъ въ дни юности завѣтной,
Что вѣютъ въ нашу жизнь дыханьемъ молодымъ.

Милѣй вы для меня, душистые левкои,
Благоуханные и въ скромности своей!..
Такъ—гордой красоты, сіяющей надменно,
Краса живой души дороже и вѣрнѣй...

II.

Вѣнчики на̀ ночь цвѣты закрываютъ
Такъ-же, какъ люди смыкаютъ глаза:
Утромъ проснутся—на вѣнчикѣ каждомъ
Блещетъ кристальной росинкой слеза.

Долго понять я не могъ, что̀ за горе
Этой слезинкой туманитъ имъ взоръ;
Встрѣтилъ я солнца восходъ вмѣстѣ съ ними —
Стало понятно мнѣ это съ тѣхъ поръ...

Такъ-же, какъ мы, они плачутъ отъ счастья;
Радость, какъ людямъ, и имъ шлетъ привѣтъ:
Послѣ ночного тумана и мрака
Вдвое дороже имъ солнечный свѣтъ!..

III.

Колокольчики. ромашка.
Глазки синихъ васильковъ.
Златоцвѣтъ. горошекъ. кашка.—
Море цѣлое цвѣтовъ...

Ихъ зеленый фонъ роскошенъ...
За плетнемъ стоятъ стога...
Мой лужокъ не будетъ скошенъ.
Какъ сосѣдніе луга:

Дорога мнѣ радость-воля
Каждой травки и цвѣтка,
Вѣдь и такъ скромна ихъ доля.
Жизнь ихъ слишкомъ коротка!

Пусть растутъ, благоухая:
Пусть во всей красѣ цвѣтутъ.
Пусть. зерно свое роняя.
Жизнь другимъ цвѣтамъ даютъ!..

Подо мной и подъ цвѣтами —
Тотъ-же темный дольній прахъ:
Вѣдь одно и то-жъ надъ нами.
Свѣтитъ солнце въ небесахъ...

IV.

Вся луговина пестрѣетъ цвѣтами:
Синіе, бѣлые, красные—въ рамѣ
Зелени яркой,—не воздухъ, а медъ!
Такъ и жужжитъ вся окрестность пчелами,
Такъ и гудитъ золотыми шмелями;
Клеверъ цвѣтетъ...

О, еслибъ сердце въ свой вѣкъ соловьиный
Было счастливой такою долиной,
Такъ расцвѣтало-бы вновь, что ни годъ!
Въ жизни своей одиноко-пустынной
Разъ только, мигъ невозвратный единый
Сердце цвѣтетъ!..

* * *

Отъ рѣчки вѣяло прохладой.
На солнцѣ искрилась роса.
Дышали утренней отрадой.
Лаская землю, небеса...

За опыленною дорогой
Темнозеленою стѣной
Стоялъ—охваченный тревогой—
Лѣсъ, какъ гигантъ сторожевой...

Изъ-подъ его кудрявыхъ сѣней
Къ намъ несся щебетъ птичьихъ стай, —
Какъ-будто утру вдохновеній
Онъ говорилъ: „Не улетай!

„Не уходи!.. Тобой согрѣта
Природы чуткая душа;
Въ тебѣ—источникъ вѣчный свѣта,
Съ тобою жизнь такъ хороша!“

Внималъ я, вторилъ я, моленья
Я слалъ, не вѣдая, кому:
И словно геній возрожденья
Несъ всѣ восторги упоенья
Больному сердцу моему...

Въ паркѣ.

Шумятъ, зашептались клены —
Вѣтвь съ вѣтвью, листъ каждый съ листомъ...
О чемъ этотъ шепотъ зеленый,
И грустный, и нѣжный? О чемъ?!.

Надъ ними раскинулся ярко
Небесный шатеръ голубой,
Въ аллеѣ тѣнистаго парка
Царитъ нерушимый покой:

Льетъ солнце лучи золотые,
Чуть дышетъ въ кустахъ вѣтерокъ:
Имъ стелетъ ковры расписные
Трава молодая у ногъ;

Незримой волной благодатной
Струится прохлада на нихъ,
И весь уголокъ ароматный
Въ полдневной истомѣ затихъ...

Лишь клены одни не смолкаютъ,
Все шепотъ ихъ нѣжный грустнѣй:
До новой весны,—они знаютъ,
Вчера замолчалъ соловей!..

Водяныя лиліи.

Сторожатъ гиганты-ели
Заводь соннаго пруда.
Блещетъ искрами подъ солнцемъ
Бирюзовая вода.

Окаймивъ зеленый берегъ,
Чутко дремлютъ камыши:
Ароматъ чуть слышный льется
Въ очарованной тиши.

Съ горъ въ глубокую долину,
Умѣряя лѣтній зной,
Дышетъ вольная прохлада
Освѣжительной волной.

Еле внятно долетаетъ
Голосъ шороховъ лѣсныхъ
Въ это царство кроткихъ эльфовъ,
Царство лиліи водяныхъ...

Сотни чашечекъ раскрылись,
Отражаются въ водахъ:
Блѣднорозовый оттѣнокъ
Легъ на бѣлыхъ лепесткахъ.

Разметавъ по глади зыбкой
Красноватые листы,
Пьютъ лучи небесъ лазурныхъ
Бѣлоснѣжные цвѣты:

Корни ихъ гнѣздятся въ тинѣ,
Тина ростъ даетъ стеблямъ,
Только вѣнчики ихъ рвутся
Въ высь, къ далекимъ небесамъ. —

Словно солнца лучъ дороже
Даже влаги водъ родныхъ
Для сердечекъ золотистыхъ
Бѣлыхъ лилій водяныхъ...

Жизнь моя! Вѣдь ты порою -
Тотъ-же тихій, сонный прудъ:
Каждый вздохъ твой, каждый трепетъ
Злыя тѣни стерегутъ.

Чутко дремлютъ, окаймляя
Берегъ твой, мои мечты:
Но отъ нихъ—что день, то дальше
Міръ предвѣчной Красоты.

Гдѣ ни ступишь всюду тина,
Корни жизни тонутъ въ ней:
Только сердце рвется къ небу
Отъ низинъ больныхъ страстей.

Сердце жаждетъ свѣта, воли,
Солнца радостей иныхъ:
Сердцу тѣсно царство эльфовъ,
Царство лилій водяныхъ!..

* * *

Лѣтній полдень... Вѣтерка дыханье
Освѣжаетъ ароматный зной;
Цвѣтники струятъ благоуханье,
Шепотъ листьевъ льется надъ мной...

Сквозь просвѣтъ вѣтвей узорнолистыхъ
Голубыя видны небеса,
Вся въ лучахъ лазурно-серебристыхъ
Облачковъ воздушная краса...

На скамьѣ подъ кленами сижу я,
Всею грудью чистый воздухъ пью,
Далеко мечтой своей кочуя,
Вспоминая молодость свою.

Надо мною облачкомъ жемчужнымъ
Промелькнуло утро бытія,
Полдень мой сгорѣлъ подъ солнцемъ южнымъ,
Рано встрѣтилъ вечеръ сердца я:

Тѣни жизни идутъ отовсюда,
Наплываетъ душный мракъ ночной...
Боже мой! Откуда-же, откуда
Этотъ шепотъ страсти надо мной?!.

Неужель одно воспоминанье
Вызывать способно вновь и вновь
Пережитыхъ чувствъ благоуханье,
Воскрешать и юность, и любовь?!.

Подъ лучами солнца.

I.

Небеса расцвѣтились узоромъ
Серебристыхъ сквозныхъ облачковъ;
Не охватишь равнину и взоромъ,
Не сочтешь островерхихъ стоговъ...

Справа—лѣсъ зачернѣлся каймою,
Слѣва озера синяя гладь,
Куполъ церкви блеститъ надъ горою,
Панорамѣ конца не видать:

Цѣпь холмовъ голубыхъ надъ лугами,
Деревеньки вблизи и вдали
И поля съ золотыми хлѣбами,
И лучи отъ небесъ до земли...

Гдѣ ни взглянешь—все новыя краски,
Все растетъ, все растетъ кругозоръ
Яркихъ вымысловъ солнечной сказки,
Мнѣ разсказанной высями горъ...

II.

Зеленый островъ предо мною
Всплываетъ грузно надъ водой,
Окутанъ, словно пеленою,
Лучами зорьки молодой.

Три взмаха веселъ и покорно
Причалилъ къ берегу челнокъ:
Иду впередъ дорожкой торной...
Что за прелестный уголокъ!

Березы, сосны, ели, вязы
Семьею дружной разрослись:
Росинокъ искристыхъ алмазы
На яркой поросли зажглись.

Болотный ирисъ и гвоздика,
Душистый аиръ, звѣробой,
Ромашка, лютикъ, навилика
И колокольчикъ голубой...

Такого пестраго узора
И не придумать никогда,
Какъ-будто вся цвѣтная флора
Сошлась съ окрестныхъ мѣстъ сюда.

Чтобъ, вмѣстѣ съ солнечнымъ восходомъ
Воспринимая благодать,
Омывшимъ островъ тихимъ водамъ
Благословенье посылать...

III.

Старыхъ елей зеленые своды...
Голубѣютъ спокойныя воды
Сквозь просвѣты косматыхъ вѣтвей:
Дремлетъ озеро, взоры лаская:
Лѣсъ молчитъ, ласки солнца встрѣчая
Вѣковой тишиною своей...

Воздухъ дышетъ полуденнымъ зноемъ,
Вѣетъ даль благодатнымъ покоемъ;
Вѣтерокъ по кустамъ пропорхнетъ
И опять притаится крылатый,
Словно лѣсъ, тайной думой объятый.
Вспомня давнія бури, вздохнетъ...

Я -одинъ, я далёкъ отъ волненій,
Отъ терзающихъ душу сомнѣній,
Отъ борьбы, отъ безумья страстей:
Дремлютъ думы въ объятьяхъ природы,
Внемлетъ сердце дыханью свободы
Надъ пустыней печали моей...

IV.

Опускаясь къ полю, солнце
Сыплетъ золото лучей
Въ изумрудную долину,
На серебряный ручей.

Отъ стоговъ длиннѣе тѣни,
Все туманнѣй неба даль:
Какъ въ природѣ, такъ и въ сердцѣ
Бродитъ смутная печаль...

Лѣтній вечеръ, тихій вечеръ,
Вечеръ блѣдно-голубой,
Опоясанный съ заката
Лентой зорьки огневой:

Что онъ грустенъ, что задумчивъ,
Что темнитъ его красы?
Почему онъ надъ лугами
Плачетъ жемчугомъ росы?!.

Неужели онъ не знаетъ,
Что и эта ночь пройдетъ,
Что наутро снова зорька
Солнце въ небо поведетъ;

Что опять, лучей лобзаньемъ
Грусть-истому утоля,
Расцвѣтетъ улыбкой счастья
Пробужденная земля?!.

Зорька-зоряница.

Пробудилось, встрепенулось,
Прошумѣло въ перелѣскѣ, —
Утро ясное проснулось,
Зорька пышетъ въ полномъ блескѣ.

Словно красная дѣвица
Подъ прозрачною фатою —
Млѣетъ Зорька-зоряница,
Умывается росою:

Кудри въ косы ей сплетаетъ
Вѣтерокъ благоуханный,
Ходитъ слѣдомъ, напѣваетъ:
„Скоро, скоро другъ желанный,

„Скоро встанетъ витязь-Солнце,
Въ путь-дорожку снарядится,
Изъ косящата оконца
На тебя не наглядится!“...

Слышитъ Зорька — застыдилась,
Разгорѣлась цвѣтомъ алымъ
И отъ Солнышка укрылась
За холмистымъ переваломъ..

Встало Солнце -и слѣда нѣтъ
Отъ красавицы-дѣвицы;
Никогда здѣсь не застанетъ
Витязь Зорьки-зоряницы...

Какъ вчера, за ней въ-догонку
Онъ пойдетъ, красой сверкая,
Всю родимую сторонку
Знойнымъ взглядомъ озаряя:

Цѣлый день пройдетъ въ погонѣ,
Зорька Солнцу улыбнется,
Солнце съ ней на небосклонѣ,
На закатѣ, обоймется:

Вечеръ счастье ихъ разбудитъ,
Сваха-Ночь осыплетъ хмѣлемъ,
До утра спать сладко будетъ
Зорька-Лада съ Солнцемъ-Лелемъ!..

17 іюня 1905 г., Стрѣльна.

Надъ озеромъ.

Сбѣгаетъ къ озеру тропинка
По обѣ стороны стоятъ
На стражѣ сосны вѣковыя
Рядами стройныхъ колоннадъ.

Спокойно озеро синѣетъ
Тамъ, глубоко внизу, вдали:
Къ волнамъ его гиганты лѣса
Семьею дружной подошли.

Глядятся въ ласковыя воды,
Привѣтъ отъ нихъ передаютъ
Другъ черезъ друга вверхъ, туда -гдѣ
Ихъ сестры гордыя растутъ.

Не шелохнутся ихъ вершины,
Надъ ними—ясная лазурь:
Такая тишь, какъ-будто вѣчно
Здѣсь не бывало грозъ и бурь..

Нѣтъ, имъ и бури не опасны,—
Что имъ дыханье непогодъ,
Когда вѣка заворожили
Ихъ ото всѣхъ земныхъ невзгодъ!

Они стоятъ сплошнымъ оплотомъ,
Сплетясь корнями межъ собой—
Готовы выдержать отважно
Какой-угодно грозный бой:

Лишь не пришла-бы съ топорами
Сюда пигмеевъ хищныхъ рать...
Но и тогда гиганты смогутъ —
Какъ жили — дружно умирать!..

Парголово, 1904 г.

Закатъ.

Томною грустью природы
Вѣетъ багряный закатъ,
Съ берега въ тихія воды
Горныя сосны глядятъ.

День отходящій былъ ясенъ,
Полонъ лучей и тепла:
Вечеръ такъ чудно-прекрасенъ.
Озера гладь такъ свѣтла.

Все, что отъ взора таилось,
Словно въ чарующемъ снѣ,
Тѣнью живой отразилось
Въ синей его глубинѣ.

Все всколыхнулося снова
Въ сердцѣ могучей волной...
Милыя тѣни былого,
Здѣсь вы? Опять вы со мной?!.

Встрѣчи, завѣтныя встрѣчи!..
Память бьетъ въ душу крыломъ:
Слышу я пылкія рѣчи
О невозвратномъ былomъ...

Сладостный мигъ вдохновенья:
Воля проснулась въ груди...
Прочь, роковыя сомнѣнья.—
Путь мой широкъ впереди!..

Время—разстаться мнѣ съ думой,
Думой промчавшихся дней,
Скорбной, больной и угрюмой,
Съ думой безсонной моей!..

Если разсвѣтъ былъ неясенъ,
День мой туманила мгла, —
Можетъ быть вечеръ прекрасенъ,
Даль въ небѣ звѣзды зажгла...

Пусть — какъ въ глубокія воды—
Въ жизнь взоры смерти глядятъ,
Мигъ вожделѣнной свободы
И догорай, мой закатъ!..

Зимнею ночью.

I.

Заря горитъ и медлитъ погасать,
Горитъ заря и млѣетъ надъ снѣгами;
А ночь ведетъ неслышными шагами
Своихъ тѣней безчисленную рать.

За тѣнью — тѣнь, ихъ полчища безмѣрны...
Лишь мигъ одинъ, вождя одинъ лишь знакъ,
И все кругомъ охватитъ мощный мракъ —
Таинственный, безмолвный, суевѣрный...

Погибнетъ день подъ бременемъ оковъ,
Наложенныхъ незримыми врагами;
Затерянный надъ бѣлыми снѣгами —
Погибнетъ день, дитя былыхъ вѣковъ...

II.

Мгла кругомъ... Ночная мгла
На сугробы налегла,
Придавила грудь земли,
Набѣжала издали...

Мгла кругомъ... Но вотъ—зажглись,
Расцвѣтили неба высь,
Шлютъ на землю тихій свѣтъ
Сонмы звѣздъ среди планетъ...

Мгла кругомъ—сейчасъ была...
Гдѣ-же, гдѣ-же эта мгла?..
Чернымъ ворономъ взвилась,
Въ снѣжномъ вихрѣ унеслась

III.

Свѣтлы, какъ днемъ, полу́ночныя дали:
Луна плыветъ, блистал серебромъ...
Снѣга игрой алмазовъ засверкали...
Свѣтло, свѣтло — какъ днемъ...

А сколько звѣздъ!.. Одна—передъ одною.
Всѣ льютъ лучи, плетя узорный мостъ
Въ ночной тиши надъ снѣжной пелепою...
Какъ много яркихъ звѣздъ!..

Святыхъ небесъ недремлющія очи!
Свидѣтели невѣдомыхъ чудесъ!
Взгляните въ глубь моей беззвѣздной почи,
Не видящей небесъ!..

IV.

Померкли звѣзды —
Какъ грезъ обманъ:
Снѣга окуталъ
Сѣдой туманъ...

Темна, какъ бездна,
Ночная сѣнь:
Но близокъ, близокъ
Грядущій день...

Чу, сердце шепчетъ,
Мечтой горя:
„Проснется утро,
Взойдетъ заря!“...

Въ снѣгахъ.

I.

Бѣлое поле—предъ нами,
Каждой снѣжинкой сверкаетъ;
Солнце горитъ надъ снѣгами.
Солнце лучами играетъ.

Поѣздъ несется, какъ птица;
Думой смѣняется дума;
Дальше, все дальше столица,
Полная вѣчнаго шума.

Лѣсъ промелькнулъ темносиней,
Темнозеленой стѣною:
Весь разукрашенный въ иней--
Мостъ прогремѣлъ надъ рѣкою.

Въ рыхломъ снѣгу утопая,
Дремлютъ убогія хаты,
Осыпью снѣжной сверкая —
Пахарей русскихъ палаты...

Церковь, рядъ мельницъ-вѣтрянокъ,
Вьется дымокъ изъ овина...
Бѣдный, глухой полустанокъ,
Сердцу родная картина!..

Снова по бѣлому полю
Мчимся среди чернобылья...
Эхъ, кабы сердцу да волю!
Эхъ, кабы пѣснѣ да крылья!..

II.

Обступили меня отовсюду
Сосны старыя, стройныя ели;
Ихъ зеленыя, пышныя кудри
Подъ дыханьемъ зимы побѣлѣли...

Помню—здѣсь я бродилъ прошлымъ лѣтомъ,
Слушалъ ихъ многошумныя рѣчи;
Призамолкли гиганты лѣсные,—
Давитъ снѣгъ ихъ могучія плечи...

Гдѣ ни ступишь - кругомъ запустѣнье,
Гдѣ ни глянешь—вездѣ предъ глазами
Поднимаются, идутъ сугробы,
Вдаль бѣгутъ снѣговыми холмами...

Дышетъ смертью сонъ лѣса угрюмый,
Вѣетъ грустью нѣмая картина:
Больно видѣть въ холодныхъ оковахъ,
Въ леденящихъ цѣпяхъ исполина!..

Но молчитъ онъ—судьбы своевластной
Роковому велѣнью покорный:
Знаетъ старый, что въ темныя дебри
Глянетъ солнышка лучъ животворный,—

Что опять, предъ весенней порою,
Онъ расправитъ могучія плечи,
Отряхнетъ подневольную ношу,
Заведетъ многошумныя рѣчи...

III.

Березки, вѣтви опустивъ,
Какъ обезсиленныя руки,
Сошлись въ кружокъ, тая порывъ
Застывшихъ слезъ безумной муки...

Какъ на позоръ, обнажены
Онѣ въ лѣсу зеленохвойномъ, —
Ихъ обманули жизни сны
Теплomъ весны и лѣтомъ знойнымъ:

Они о томъ шептали имъ,
Что жизнь полна тепла и свѣта
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ лучахъ заката и разсвѣта,—

Что вѣчно будутъ соловьи
Слетаться къ нимъ въ тиши полночной.
Кантаты дивныя свои
Имъ распѣвать въ свой часъ урочный...

И что-же?.. Осень подошла,
Въ багрянецъ пышный ихъ одѣла,
Потомъ--нарядъ весь сорвала,—
До ихъ позора нѣтъ ей дѣла!..

Снѣгъ выпалъ... Вьюги, холода...
Не грѣетъ солнце, а смѣется,
Какъ-будто шепчетъ: „Никогда
Весна къ вамъ больше не вернется!..“

IV.

Въ бѣлыхъ, тяжелыхъ плащахъ
Старыя ели зеленыя
Дремлютъ, въ сыпучихъ снѣгахъ
Пѣснями вьюгъ усыпленныя...

Тихъ и спокоенъ ихъ сонъ,—
Что имъ до зимняго холода,
Хмурится пусть небосклонъ,
Сердце у старыхъ не молодо!..

Вѣтеръ на лѣсъ налетитъ,
Вдоволь натѣшась долинами,—
Вся ихъ семья зашумитъ,
Словно спросонья, вершинами:

Шумъ—еле внятный, глухой...
Точно ворчатъ недовольныя:
„Ну, проходи стороной!
Прочь, сорванцы своевольные!..

„Что намъ за дѣло до васъ!..“
— „Вѣсть про весну дать вамъ велѣно!..“
— „Ждали ее мы не разъ,—
Молодо было и зелено...

„Намъ и зима хороша;
Тѣшиться намъ-ли обманами!..“
Тише, все тише шурша,
Дремлютъ онѣ надъ полянами...

V.

Плыветъ мелодически-стройный
Шумъ лѣса, вершины гудятъ;
Въ снѣгу утопая, деревья
Хранятъ свой зеленый нарядъ.
Все сосны да ели... Тропинку
Чуть видно въ сугробахъ... Иду
И въ чащу лѣсную съ собою
Завѣтныя думы веду...
Когда-то ихъ всѣ повѣрялъ я
Зеленой пустынѣ лѣсовъ,
Когда-то—въ отвѣтъ этимъ думамъ—
Я слышалъ призывъ голосовъ:
Куда они звали—не помню,
Но только глубóко въ груди
Храню я завѣтное слово,
Ихъ вѣщее слово: „Иди!“
И шелъ я, впередъ я стремился,
Конца я не видѣлъ пути;
Вдругъ слышу облыжныя рѣчи,
Что—„некуда больше идти!“
Какъ некуда?!. Міръ необъятенъ,
Міръ тайнъ неизвѣданныхъ полнъ,
Навстрѣчу онѣ выплываютъ
Надъ гребнями жизненныхъ волнъ:
Что шагъ—то и новая тайна
Открыта пытливымъ очамъ,
Открыта пытливому сердцу...
Не вѣрю я трусамъ-лжецамъ!
Природа—мое откровенье,
Усталъ,—къ ней на грудь припади,
И снова услышишь ты слово,
Завѣтное слово: „Иди!“

VI.

Вечеръ туманится, лѣсъ замолкаетъ,
Гаснутъ зарею алѣвшія дали;
Въ сердцѣ вечернюю пѣсню заводитъ
Голосъ давно пережитой печали...

Снѣгомъ одѣтое, бѣлое поле
Кроется темени сѣрою дымкой,
Тѣни ночныя бѣгутъ отовсюду,
Крадется призракъ тоски невидимкой...

Мнится — вотъ-вотъ онъ охватитъ мнѣ душу,
Сердца коснется рукою холодной,
Мнится—померкнетъ, какъ небо, какъ поле,
Жизнь моя вмѣстѣ съ мечтою свободной...

Ночь подступила—и вспыхнули звѣзды,
Мѣсяцъ всплываетъ-горитъ надъ снѣгами,
Сыплетъ алмазы по бѣлой равнинѣ,
Въ сердце мнѣ свѣтитъ живыми лучами...

Звѣзды, далекія, ясныя звѣзды!
Мѣсяцъ-волшебникъ, стражъ ночи лучистый!
Съ вами воскресли мечты золотыя,
Грезы прекрасныя юности чистой...

Если вы свѣтите въ сумракѣ ночи,
Если горите надъ зимнею мглою,—
Вѣрю я въ близость зари лучезарной,
Вѣетъ мнѣ въ душу грядущей весною...

VII.

Двѣ старыхъ могучихъ сосны
Надъ самою горною кручей
Стоятъ—отъ вершинъ до корней
Одѣты парчою сыпучей...

Къ нимъ грозная буря летитъ
И вьется, и воетъ, и стонетъ,
Зловѣщія пѣсни поетъ,
Другъ къ другу вершинами клонитъ:

„Сломлю васъ! Подъ кручу свалю!
Засыплю васъ въ снѣжной могилѣ!..
Довольно, довольно вамъ жить,
Свой вѣкъ вы давно пережили!..“

Вершинами глухо шумя,
Скрипя вѣковыми стволами,
Стоятъ, все стоятъ двѣ сосны,
Двѣ старыхъ сосны, надъ снѣгами:

Не страшенъ имъ бури налетъ,
Не страшны имъ злые навѣты,—
Незыблемой вѣрой въ себя,
Сто лѣтъ онѣ дружбой согрѣты:

Свилися ихъ корни давно,
Стволы ихъ прижались другъ къ другу,
Сплетаясь вѣтвями, онѣ
Поддаться не могутъ испугу...

И—голосу бури въ отвѣтъ —
Шумятъ ихъ вершины: „Попробуй—
Свали насъ, сломи! Намъ смѣшна
Со всею своею ты злобой!..

„Мы съ юности вмѣстѣ росли.
Мы крѣпли вдвоемъ и мужали;
Подъ старость теперь разлучить
Тебѣ насъ удастся едвали!..

„Безстрашно смотрѣли въ глаза
Мы всѣмъ роковымъ ураганамъ...
Сломи, если сможешь!.. Вдвоемъ—
И самая смерть не страшна намъ!.."

VIII.

Все сравнялось—и пригорки,
И ложбины, близь и даль;
Надо всей равниной бѣлой
Рѣетъ кроткая печаль...

Бѣлокрылой сѣрой птицей
Припадаючи къ снѣгамъ,
Гостья вольныхъ думъ мелькаетъ,
Давъ просторъ моимъ мечтамъ...

Взоръ прикованъ къ бездорожью
Спящихъ зимнимъ сномъ полей,
Сердце-жъ пьетъ благоуханья
Молодыхъ весеннихъ дней...

Слышенъ сердцу шепотъ листьевъ,
Шорохъ травъ и щебетъ птицъ,
Передъ нимъ—блескъ солнца знойный,
Трепетъ ласковыхъ зарницъ...

Пѣсни сердца огневыя,
Розы юныхъ чувствъ моихъ,
Красотѣ живые гимны...
Гдѣ они?!. Нѣтъ больше ихъ!

Заслонили тѣни жизни
Все давно... Ушло все вдаль.
Мнѣ осталась отъ былого
Только кроткая печаль...

Февраль 1905 г.

Весенніе напѣвы.

I.

Грачевникъ ожилъ,—воротились
На гнѣзда старыя грачи:
Все мягче воздухъ, все теплѣе
Небесъ весенніе лучи...

Повѣетъ вѣтромъ,—въ немъ мнѣ слышенъ
Не заунывной вьюги стонъ,
А первыхъ травъ привѣтный шорохъ
И первыхъ пѣсенъ перезвонъ.

И мнится мнѣ: иду лугами,
Иду и жадной грудью пью
Весеннихъ первыхъ ароматовъ
Благоуханную струю...

И мнится мнѣ, что надо мною
Чуть видной точкой въ вышинѣ
Трепещетъ жаворонокъ звонкій
И сыплетъ трели въ сердце мнѣ..

II.

Что ни день—то чаще стало солнце
И въ мое заглядывать оконце,
Каждый лучъ вѣсть новую ко мнѣ
О родной приноситъ о веснѣ...

Душный городъ какъ онъ сталъ мнѣ тѣсенъ:
Ни цвѣтовъ въ немъ нѣтъ, ни птичьихъ пѣсенъ,
Ни ручьи въ немъ звонко не журчатъ —
Въ этомъ царствѣ каменныхъ громадъ...

Не унять мнѣ сердца жгучей боли,
Не прогнать тоски по вольной волѣ,
Съ каждымъ днемъ она все горячѣй,
Съ каждымъ взглядомъ солнечныхъ лучей!

Здѣсь вся жизнь окутана туманомъ,
А теперь по всѣмъ лѣснымъ полянамъ,
По лугамъ, пригоркамъ — тамъ и тутъ,
Боже мой!—подснѣжники цвѣтутъ!..

III.

Снѣгъ таетъ. спѣгъ бѣжитъ ручьями.
Журчатъ. звенятъ. поютъ ручьи:
Сверкаютъ-искрятся на солнцѣ
Весной рожденныя струи...

Бѣгите, быстрыя. спѣшите
Отъ царства холода и сна
Туда, гдѣ—путь торя цвѣтами —
Свободно шествуетъ весна!

Туда. гдѣ нѣтъ ни гордыхъ зданій.
Ни мрачныхъ тюремъ. ни больницъ.
Гдѣ нѣтъ сердецъ окаменѣлыхъ,
Ни омраченныхъ жизнью лицъ!

Въ поля широкія, въ долины —
Къ другимъ проснувшимся ручьямъ.
Къ другимъ струямъ. весной рожденнымъ
Къ свободѣ, къ солнцу и къ цвѣтамъ!..

IV.

Весна разбудила въ лѣсу
Замолкшія съ осени пѣсни:
Чу, птицы поютъ и звенятъ:
„Воскресни, природа, воскресни!“

Весна разбудила въ поляхъ
Подъ снѣгомъ дремавшіе всходы. —
Пробилися къ солнцу ростки.
Забывъ подземельные ходы...

Весна разбудила въ рѣкѣ
Въ цѣпяхъ леденѣвшія волны,
И плещутъ онѣ, и шумятъ —
Весеннею радостью полны...

О, еслибъ въ душѣ у меня
Она разбудила сознанье,
Что въ жизни есть свѣтъ и тепло,
Что счастье — не только мечтанье!..

V.

Глубже небо и шире просторъ.
Разступается даль голубая. —
Тонетъ въ ней очарованный взоръ,
Ласки солнца улыбкой встрѣчая...

Море красокъ и море тоновъ.
Море новыхъ живыхъ впечатлѣній. —
И опять я отдаться готовъ
Лучезарнымъ волнамъ вдохновеній...

Вотъ плывутъ эти волны ко мнѣ,
Наплываютъ, подходятъ валами. —
Внемлетъ сердце воскресшей веснѣ
И счастливыми плачетъ слезами...

Сколько счастья несешь ты, весна!
Что за радость сліянье съ природой!..
Жизнь легка, жизнь свѣтла, жизнь полна
Непокорной невзгодамъ свободой...

VI.

Солнце весеннее, яркое солнце!..
Таетъ безсилья холоднаго ледъ;
Сердце, неволю забывшее сердце,
Гимнъ пробужденной свободѣ поетъ...

Что ему — этому чуткому сердцу—
Цѣпи угрюмыхъ сомнѣній теперь,
Если ему́ все, куда взоръ ни бросишь,
Шепчетъ: „Люби и надѣйся, и вѣрь!“

Если теперь оно—плѣнникъ недавній
Слышитъ, что крылья растутъ у него:
Голосъ тревоги унылой замолкнулъ...
Вольному-ль сердцу бояться чего?!.

Солнце весеннее въ немъ разбудило
Всѣ молодыя мечтанья опять:
Сердце свободно... И этой свободы
Сумраку жизни, — о, нѣтъ! — не отнять!..

Апрѣль, 1905 г.

Усталому сердцу.

I.

Яснаго неба шатеръ голубой,
Солнца лучи надъ цвѣтами душистыми...
Были мы, сердце, когда-то съ тобой
Благоуханными, ясными, чистыми!..

Такъ-же сіяли мы, такъ-же пѣли,
Такъ-же призывамъ весны откликалися.
Такъ-же, отъ мрака печалей вдали,
Каждой улыбкѣ судьбы улыбалися...

Видѣли свѣтъ мы во всемъ и всегда.
Горе встрѣчая-ль, о счастьи мечтая-ли;
Тучи неслись къ намъ—и тѣ безъ слѣда
Всѣ облачками жемчужными таяли...

Пусть отцвѣла, отсіяла весна,
Пусть промелькнула, какъ сонъ, какъ видѣніе,—
Намъ не забыть лучезарнаго сна,
Нѣтъ ему, нѣтъ и не будетъ забвенія!..

Жизнь вечеретъ, клонясь предъ судьбой,
Тянется путь нашъ тропами тернистыми,—
Все-же я вижу въ дали голубой
Счастья лучи надъ мечтами душистыми...

II.

Сердце мое! Иль веснѣ ты не радо?!.
Слышишь—любимыя пѣсни твои
Въ кущахъ зеленыхъ тѣнистаго сада
Снова, какъ прежде, поютъ соловьи...

Сердце мое! Не для насъ-ли съ тобою,
Вновь распускаясь, пестрѣютъ цвѣты.
Дышетъ весной, ароматной весною,
Міръ необъятный живой красоты?!.

Сердце мое! Позабудемъ печали!
Майское солнце намъ шлетъ свой привѣтъ...
Вспомнимъ, какъ съ нимъ мы когда-то встрѣчали
Нашихъ весеннихъ мечтаній расцвѣтъ...

Сердце мое! Ты молчишь, не внимая
Ни соловьямъ, ни лучамъ, ни цвѣтамъ...
Можетъ быть, новаго свѣтлаго мая
Встрѣтить съ тобой не придется ужъ намъ!..

Сердце мое! Пробуждайся, воскресни!..
Время-ль таить намъ порывы свои?!.
Пѣсни завѣтныя, счастія пѣсни,
Въ кущахъ зеленыхъ поютъ соловьи!.

Изъ лѣтнихъ мотивовъ.

I.

Просторъ напоенъ ароматомъ;
Вечерняя нѣга и тишь;
Надъ рѣчкой, прощаясь съ закатомъ,
Склонился зеленый камышъ,—

Склонился и замеръ, и дремлетъ;
Затихла рѣчная волна
И каждому шороху внемлетъ—
Загадочной думы полна...

Душа окрылилась мечтою,
Горитъ вдохновеніемъ взоръ;
Слились нераздѣльно со мною
И вечеръ, и тишь, и просторъ...

II.

Коростель не умолкаетъ,
Задымилася роса;
Двѣ зари сойтись готовы,
Обнимая небеса.

Бѣлой ночью очарованъ—
Дымкой грезъ охваченъ садъ,
Отъ левкоевъ и жасмина
Льется дивный ароматъ;

Словно тысячи кадильницъ
Воскуряютъ фиміамъ
Этой ночи, этимъ зорямъ,
Этимъ трепетнымъ мечтамъ...

III.

Звуки толпятся—одни за другими,—
Не уловить, не запомнить мнѣ ихъ!
Краска за краской смѣняются быстро
Въ блѣдномъ мерцаньи небесъ голубыхъ.

Ночь незамѣтно сливается съ утромъ.
Вспыхнуть готовится солнцемъ востокъ;
Замерло все въ ожиданьи неясномъ,
Не шелохнётъ ни единый листокъ...

Чу, словно гдѣ-то вдали прозвенѣла—
Вѣтромъ пролетнымъ задѣта струна!
Сердце ей въ тонъ прозвучало отвѣтно.
Жизни въ него набѣжала волна...

Утро встрѣчаетъ молитвой природа;
Утро, румяное утро, идетъ...
Сердце мое, безпокойное сердце,
Что-то тебя съ новымъ днемъ этимъ ждетъ?

IV.

Зорька догораетъ,
Дремлетъ старый садъ,
Пламенемъ пожара
Рдѣется закатъ.

Молкнетъ птичій щебетъ,
Шорохъ травъ затихъ,
Ночь идетъ незримо
Въ свитѣ сновъ своихъ...

Здравствуй, ночь-царица,
Исполать тебѣ!
Всѣхъ ты успокоишь—
Кто не палъ въ борьбѣ;

Всѣхъ, чей въ битвѣ съ ложью
Духъ не изнемогъ
На распутьи темномъ
Жизненныхъ дорогъ...

Ворожейка-дрёма
Сѣетъ сонъ-траву,
Всходятъ въ жизни грезы—
Словно наяву;

Снится людямъ счастье.
Радость свѣтитъ имъ
На поляхъ печали
Солнцемъ золотымъ:

Воля снится людямъ—
Узникамъ страстей,
Даль горитъ предъ ними
Все свѣтлѣй, свѣтлѣй...

Сердце! Что-жъ тебѣ тотъ
И не снится свѣтъ?
Или намъ съ тобою
Угомона нѣтъ?!.

V.

На смѣну одной заалѣла другая —
Предвѣстница утра—заря золотая;
И обѣ надъ моремъ лазурнымъ слились,
И вспыхнула бездна, и вспыхнула высь...

Все замерло въ томномъ объятіи этомъ,
Зажглось возрожденнымъ живительнымъ свѣтомъ,
Таинственнымъ свѣтомъ любви міровой
Надъ сумракомъ жизни, надъ злобой дневной...

Охваченъ восторгомъ, мечтой одинокой
Виталъ я надъ тайной природы глубокой.
И было такъ жутко, такъ радостно мнѣ,
Какъ-будто въ какомъ-то чарующемъ снѣ...

Вдругъ тихо всплеснулась волна, за волною
Другія помчалися волны гурьбою,
Вдали закудрявился пѣнистый валъ.
И утренній море запѣло хоралъ...

За звуками звуки лились по простору,
И вторило сердце могучему хору:
„Привѣтъ тебѣ, вѣчное солнце, привѣтъ!
Разсѣялся сумракъ... Свѣтъ царствуетъ, свѣтъ!..“

Іюнь 1905 г., Стрѣльна.

«И ночь, и тишь...»

1.

И ночь, и тишь... Благоухая,
Отрадой дышатъ цвѣтники;
Въ лугахъ, за садомъ, чуть сверкая,
Синѣетъ зеркало рѣки;

За нею—лѣсъ зеленохвойный
Стоитъ зубчатою стѣной...
Успѣлъ остынуть воздухъ знойный,
Трава заискрилась росой:

Ночныя тѣни по ложбинамъ
Давно проснулись,—тамъ и тутъ,
На смѣну пѣснямъ соловьинымъ,
Толпой русалочьей плывутъ:

Ткутъ людямъ сны русалки-тѣни,
Несутъ забвенье всѣхъ заботъ,
Льютъ въ сердце волны вдохновеній,
Мечта мечту къ себѣ зоветъ...

2.

И ночь, и тишь: и тишь, и греза...
Не ночь, а сказка юныхъ лѣтъ!..
Свистокъ далекій паровоза —
И дивной сказки нѣтъ какъ нѣтъ!..

Мгновенно встала предъ глазами
Вся злая правда нашихъ дней,
Горя кровавыми слезами...
Нѣтъ сна ей, нѣтъ забвенья ей!..

О, злые дни! О, время злое!
Куда ведутъ твои пути
Незавершонное былое?
Въ чемъ хочешь ты исходъ найти?!.

За что мы боремся, страдая?
За что родная льется кровь?!
Стоимъ надъ бездной, распиная
Мы на крестѣ вражды любовь...

Іюль 1905 г.

Осеннее.

I.

Лугов щетинистых атаву
Еще пестритъ цвѣтовъ узоръ.
И садъ хранитъ еще по праву
Зеленолиственный уборъ:
Еще на солнечномъ припёкѣ
Работницъ-пчелъ шумливый рой.
Медвяные сбирая соки,
Жужжитъ полуденной порой:
Еще и птицъ-кочевницъ вѣче
Не заводило, въ свой чередъ,
Глухой тревоги полной рѣчи
Про неизбѣжный перелетъ...
Но—что ни утро—все блѣднѣе
Встаетъ зарей вѣнчанный день.
Вода въ рѣкѣ все холоднѣе.
Деревьевъ траурнѣе сѣнь:
Поля пустѣютъ, сѣрой дымкой
Задернутъ синій лѣсъ вдали:
Какъ-будто сходитъ невидимкой
Грусть къ лону Матери-Земли.
И словно кто-то близкій думамъ
Родной природы шепчетъ ей
Невнятнымъ шепотомъ угрюмымъ:
„Не измѣнить судьбы твоей!
„Всему—свое на свѣтѣ время.
Свой тяжкій крестъ, свои пути...
Дай Богъ тебѣ зимы злой бремя
Къ веснѣ счастливо донести!..“

II.

Вѣтеръ въ вершинахъ деревьевъ шумитъ,
По̀ небу туча за тучей бѣжитъ,
Стелется по̀ лугу дымный туманъ,
Тянетъ надъ лѣсомъ гусей караванъ.

Хмурая осень полями идетъ,
На̀ землю слезы горючія льетъ,
Блекнетъ трава, порѣдѣли кусты,
Вянутъ, послѣдніе вянутъ цвѣты.

Дубъ разодѣлся въ багряный нарядъ,
Желтые листья съ березы летятъ,
Кружатся листья,—не хочется имъ
Падать на землю дождемъ золотымъ...

Выглянетъ, словно украдкой, на мигъ
Краснаго солнышка ласковый ликъ,
Только успѣетъ блеснуть его лучъ,—
Смотришь—опять онъ за пологомъ тучъ;

Словно ревнивая чья-то рука
Прячетъ угрюмо его въ облака,
Чтобы не могъ онъ собой помѣшать
Травамъ, цвѣтамъ и листвѣ увядать...

Осень, унылая осень, постой!
Дай наглядѣться на ликъ золотой!..
Пусть хоть отвѣтятъ и поле, и лѣсъ
Вздохомъ прощальнымъ улыбкѣ небесъ!..

Осень не внемлетъ моленью земли:
Змѣи тумана ползутъ издали,
Жалобно вѣтеръ холодный шумитъ,
По небу туча за тучей бѣжитъ...

III.

Вѣтеръ осенній полями идетъ,
Вѣтеръ унылую пѣсню поетъ,—

Плачетъ, къ землѣ прижимаясь, трава,
Клонитъ ее эта пѣсня-молва...

По лѣсу вѣтеръ идетъ—нелюдимъ,—
Никнутъ вершины деревьевъ предъ нимъ;

Ропотъ съ опушки до чащи бѣжитъ,
Каждое деревцо стонетъ-дрожитъ...

Вѣтеръ вздымаетъ рѣчную волну,
Пѣсню поетъ ей все ту-же одну:

„Скоро васъ всѣхъ успокоитъ сама
Въ саванѣ снѣжномъ старуха-зима!“

Вѣтеръ осенній стучитъ подъ окномъ,
Слышится пѣснь его въ сердцѣ больномъ:

„Нечего больше тебѣ въ жизни ждать!
Смерть утомленнымъ борьбой—благодать!..“

Стрѣльна, августъ—сентябрь 1905 г.

Вѣтеръ Буйный.

1.

Вѣтеръ гонитъ съ моря
Стаи волнъ сѣдыхъ,
Бьетъ ихъ объ уступы
Скалъ береговыхъ.
Утомились волны
Ратовать съ врагомъ,
По всему поморью
Стонъ стоитъ кругомъ.
Гдѣ имъ сладить съ Буйнымъ! —
Вѣтеръ-атаманъ
Разгромилъ съ-налёту
Цѣлый караванъ, —
Разметалъ, какъ щепки,
Грузныя суда;
На его разбои
Гдѣ искать суда?..
Взволновалъ онъ, вспѣнилъ
Весь просторъ морской;
Валъ на валъ вздымаетъ
Въ схваткѣ боевой...

2.

Стонутъ, плачутъ волны,
Капли горькихъ слезъ
Залили угрюмый
Вѣковой утёсъ;
Слезно причитаетъ
Волнъ разбитыхъ рать:
„То-ли дѣло было
По морю гулять!

„То-ли было дѣло
На груди своей
Намъ баюкать стаи
Бѣлыхъ лебедей!..
„То-ли дѣло было
По раздолью водъ
Съ сестрами водить намъ
Вольный хороводъ!..
„Никогда намъ больше
Не увидѣть ихъ,
Не унять вовѣки
Горькихъ слезъ своихъ!..“

3.

Полно плакать, волны!
Вѣтеръ — не навѣкъ:
Кончитъ Буйный скоро
Удалой набѣгъ, —
Отойдетъ, утихнетъ.
Ляжетъ отдыхать;
Снова вы пойдёте
По морю гулять...
Ваши сёстры-волны
Встрѣтятъ васъ гурьбой,
Станутъ вмѣстѣ съ вами
Тѣшиться гульбой...
Полно, волны, плакать!
Вѣдь не плачу-жъ я —
Изгнанный судьбою
Въ чуждые края,
Отъ всего отброшенъ
Въ холодъ и во тьму,
Отъ всего — что свѣтитъ
Сердцу моему!..

IV.

БЫВАЛЬЩИНЫ.

Въ сѣни вѣковъ.

Въ сѣни вѣковъ передо мною
Проходятъ добрые сыны
Любимой Матерью-Землею.
Любезной сердцу старины...

Князья, дружинники, баяны,
Весь сонмъ родныхъ богатырей:
Былыя доблестныя раны,
Сѣдая слава давнихъ дней...

Подъ лязгъ мечей остробулатный,
Подъ звонъ серебряный братинъ
Встаетъ за далью необъятной
Краснорѣчивый рядъ картинъ...

Родная быль не спитъ въ могилѣ:
Былымъ Святая Русь крѣпка,—
Его лучей не угасили
Надъ ней ни годы, ни вѣка...

Былое—было... Будь—что будетъ,
Всему на свѣтѣ—стать былымъ!
Настанетъ день—судьба разбудитъ
Всѣхъ спящихъ сномъ пережитымъ.

И, внемля „гласамъ вопіющимъ"
Въ глухомъ безмолвіи пустынь,
Былое скажется въ грядущемъ
Надъ прахомъ попранныхъ святынь...

Во славу прадѣдамъ и дѣдамъ,
Подъ стягомъ пращуровъ былыхъ,
Пойдетъ отчизна-мать къ побѣдамъ
Въ своихъ путяхъ заповѣдныхъ...

И—надъ родимыми полями,
Угасшій духъ бойцовъ бодря,
Займется яркими лучами
Неугасимая заря—

Заря надеждъ, заря спасенья,
Заря иного бытія,
Заря святого возрожденья—
И скажетъ Руси: „Я твоя!“

Проснется въ родинѣ родное,
Воспрянувъ—удаль оживитъ
И непостыдное былое
На новый путь благословитъ...

Богатырь-Слово.

I.

Путями, проторенными
По зарослямъ лѣснымъ,
Широкая дороженька
Сама бѣжитъ предъ нимъ;

Не зная дрёмы-устали,
На борзомъ скакунѣ
Онъ держитъ заповѣдный путь
Въ родимой сторонѣ...

Надежны латы крѣпкія,
Остёръ булатный мечъ, —
Въ дорогѣ съ ними нечего
Страшиться вражьихъ встрѣчъ...

Глазъ-на-глазъ любо встрѣтиться —
Что въ ночь-полночь, что днемъ —
Съ любымъ лихимъ попутчикомъ,
Съ нахвальщиной-врагомъ:

Помѣряться-бы силами
Да плечи поразмять,
Глядишь—усталъ бахвалиться
Дорожный ворогъ-тать!

Не время спѣсью тѣшиться
Поблизости къ мечу, —
Засилью богатырскому
Все въ мірѣ—по плечу:

Удала добра-молодца
И хлѣбомъ не корми, —
Лишь только дай ты вволюшку
Тряхнуть ему плечьми,

Лишь дай ему по-своему
Посбавить вражью спѣсь,
И—дѣло мигомъ сдѣлано,
И сказъ досказанъ весь!

Дай срокъ—въ-конецъ умается
Соперникъ-врагъ лихой
И склонится предъ молодцемъ
Повинной головой...

А мимо-ль люди старые
Ведутъ на свѣтѣ рѣчь,
Что голову повинную
Не рубитъ русскій мечъ!..

II.

Ой, силушка могучая—
Удалый богатырь!
Изъѣздилъ конь, твой вѣрный конь,
Давно всю даль, всю ширь,—

Всю ширь, всю даль посельскую
И вдоль, и поперекъ
Лаптями-самоходами
Протоптанныхъ дорогъ...

Вездѣ, всегда спибался ты
Лицомъ къ лицу съ врагомъ—
Что съ ворогомъ-нахвальщиной
Съ бродящимъ въ мірѣ Зломъ...

Когда-бы ни схватился,
Разилъ ты сгоряча
Однимъ ударомъ остраго
Булатнаго меча...

Обманъ. Извѣтъ-ли встрѣтились,—
„Эй, Кривда, сторонись!
Со мной опасно ратовать...
Ужъ лучше повинись!

„Проси прощенья... Миловать
Намъ не учиться стать,
Коль милостью да правдою
Сильна отчизна-мать!..“

И смотришь — гдѣ проѣхалъ онъ,—
Вольнѣе дышетъ грудь:
Заставы Лжи разрушены,
Открылся Правдѣ путь...

И слышно — вслѣдъ за вершникомъ
Бѣжитъ молва окрестъ:
„Ои, честь тебѣ — удалому —
За славный твой наѣздъ!

„Будь славенъ, добрый молодецъ,
На всю родную ширь,
Живое Слово Русское —
Могучій богатырь!

„Пусть до-вѣку не тупится
Твой мечъ, булатный мечъ—
Въ наслѣдье внукамъ дѣдами
Завѣщанная рѣчь!..“

Несторъ-лѣтописецъ.

Тѣсная, темная келья—
Свѣтлыхъ видѣній пріютъ;
Думы, высокія думы,
Въ ней такъ свободно живутъ.

Мало красы здѣсь, да много—
Много простора мечтѣ,—
Зрѣетъ великое дѣло
Въ этой святой простотѣ...

Столъ да обрубокъ дубовый,
О-бокъ—скамья, да въ углу
Передъ божницей лампада
Лучъ свой ронятъ во мглу...

Днемъ съ нею споритъ оконце,
Свѣтомъ мерцая дневнымъ;
Солнышко въ келью заглянетъ,
Видитъ—старикъ передъ нимъ:

Старецъ, преклонный годами,
Съ длинной сѣдой бородой,
Въ рясѣ убогой, въ оглавьи,
Обликомъ—постникъ святой;

Съ зорьки до зорьки онъ пишетъ,
Ночь на молитвѣ стоитъ:
Свитокъ письменъ передъ старцемъ
Хартіей длинной лежитъ...

Красное—какъ ни заглянетъ,
Смотритъ свѣтило небесъ:
День-ото-дня выростаетъ
Литеръ причудливый лѣсъ:

Цѣпью излучисто-пестрой
Вьется славянская вязь:
Съ вѣчностью дали грядущей
Мнится въ ней тайная связь...

Инокъ смиренный—свидѣтель
Громкихъ событій былыхъ—
Повѣсть, премудрую повѣсть,
Тихо слагаетъ о нихъ:

Память, безсонная память,
Свѣтъ проливая во тьму,
О временахъ неугасныхъ
Сказъ свой заводитъ ему:

Все, что онъ видѣлъ, что слышалъ,—
Все возстаетъ изъ могилъ,
Вѣя на хартію старца
Духомъ таинственныхъ силъ.

И возрождается въ свиткѣ
Вѣщее слово о томъ,
Какъ тучной пажити всходы
Въ землю ложились зерномъ:

Какъ стала быть и откуда
Русь во вселенной пошла,
Какъ изъ-за синяго моря
Братьевъ-князей призвала;

Какъ володѣть стали Русью
Трое варяговъ-князей;
Какъ она Рюрика внукамъ
Вотчиной стала своей...

Первыя руги и дани,
Первые громы побѣдъ;
Съ Кіева вплоть до Царьграда —
Слава на бѣлый весь свѣтъ...

Древнихъ Бѣлбожичей сумракъ,
Вѣры Христовой восходъ;
Новыхъ святынь благостыня,
Вѣчныхъ завѣтовъ оплотъ...

Озими раннихъ посѣвовъ —
Вѣра и правда и судъ;
Тучи, угрюмыя тучи,
Братоубійственныхъ смутъ...

Кровь, кровь Бориса и Глѣба,
Рдѣетъ на русской землѣ;
И Святополкъ Окаянный
На княженецкомъ столѣ...

Тихія кельи-пещеры.
Мнихъ—Ѳеодосій святой,
Лавры Печерской заступникъ
Передъ земной суетой...

Если-бы солнце читало
Такъ-же, какъ свѣтитъ, свѣтло,—
Въ свиткѣ письменъ харатейныхъ
Все прочитать-бы могло:

Знало-бы солнце, что старца
Нестором люди зовутъ:
Знало-бы солнце, что подвигъ
Трудъ его, благостный трудъ:

Знало-бы солнце, что память
Въ вѣчность временъ сбережетъ
Все, что у инока въ сердцѣ
Думой завѣтной живетъ...

Полюдье.

I.

Полонъ вѣры въ правосудье —
Стародубскій Юрій-князь
Собирался на полюдье,
Изъ похода воротясь.

Каждой осенью — въ угоду
Стародавней старинѣ —
Правилъ онъ свой судъ народу
На горѣ Городинѣ.

Что ни годъ — предъ зимней стужей
Вдаль маячили съ горы
Надъ Окой, надъ рѣчкой Тужей
Княженецкіе шатры.

Что ни годъ — со всѣхъ окольныхъ,
И не ближнихъ даже, мѣстъ
Былъ сюда всѣхъ недовольныхъ,
Всѣхъ довольныхъ сходъ и съѣздъ.

Близокъ срокъ суду княжóму, —
Чуть заря зажжетъ лучи,
Кличутъ кличъ отъ дома къ дому
О полюдьи бирючи: —

„Пусть съ обидой идутъ смѣло.
Пусть вины свои несутъ!
Князь вершитъ святое дѣло
Надъ судьями правитъ судъ...

„Князь—что солнышко: лучами
Свѣтъ на всѣхъ и вся прольетъ:
Передъ княжьими очами
Кривда правдой не пройдетъ!

„Кто правѣй—тотъ и пригожѣй
Для высокаго судьи!
Судъ княжой—что Промыслъ Божій:
Передъ ними всѣ—свои!...“

То не туча по-надъ кручей
Наплываетъ издали,
То не тёменъ лѣсъ дремучій
Клонитъ буря до земли, —

Это—вѣря правды чуду,
Злую кривду въ бой зовутъ.
Идутъ-ѣдутъ отовсюду
На княжой—на Божій судъ...

II.

„На полюдье! На полюдье!“—
Ходитъ по́ людямъ молва:
„Сгинь ты со́ свѣту, безсудье!..
Правда—міру голова!...“

Ѣдетъ князь... Давно готово
Все къ отвѣту на міру...
Вотъ и княжеское слово
Открываетъ путь добру...

Чуя гибель злу лихому,
Умиляется народъ,—
Что-жъ, что приступу такому
Внемлетъ онъ изъ года въ годъ:

Любо слушать рѣчи эти,
А еще любѣй того
Слышать ихъ на Божьемъ свѣтѣ
Да отъ князя самого!..

Внемля имъ, про все забудешь, —
Хоть и думалъ бить челомъ...
На кого? Какъ бить-то будешь,
Коль обидчики—кругомъ?!..

Княжье слово, княжья ласка—
Что и думать!—велики,
Да сильнѣй того острастка:
Челобитью—не съ руки!..

Князь наѣхалъ, князь разсудитъ,
Князь уѣдетъ, — и опять
Предъ обидчиками будетъ
Людъ честной отвѣтъ держать...

Кто обидчикъ—важенъ саномъ,
Взысканъ почестью за честь:
Кто пожалованъ кафтаномъ,
У кого—и гривна есть...

Гдѣ ужъ тутъ! Соломѣ—силы
Не сломить,—какъ правъ ни будь!..
Богъ—судья имъ!.. До могилы
Всѣ дойдутъ вѣдь какъ-нибудь...

И — блюдя чередъ обычный,
Другъ за дружкою отвѣтъ
Держатъ всѣ—отвѣтъ привычный:
— „Ни обидъ, ни жалобъ нѣтъ!“

Мягче пуха, слаще меду
Сердцу князя толкъ такой:
Подъ его рукой—народу,
Знать, не жизнь, а рай земной!..

III.

Разошлось съ горы полюдье;
Юрій-князь—къ себѣ домой,
Выхваляя правосудье,
Ѣдетъ съ легкою душой:

Обогналъ свою дружину,
Стародубскимъ рубежомъ
Съ ближнимъ отрокомъ въ дѣдину
Поспѣваетъ передомъ...

Вечеркомъ по мелколѣсью
Держатъ кони добрый путь,
Поровнялись съ встрѣчной весью,
Завернули отдохнуть...

Радъ боярамъ пахарь вольный:
„Что въ печи мечи на столъ!“
И съ хозяйкой хлѣбосольной
Угощать гостей пошелъ...

„Не съ полюдья-ли, родимый?“
— „Не гадалъ, да угадалъ!“
— „Что-жъ тамъ было?“—„Нелюдимый,
Самъ-то нѣшто не видалъ?“

„Спасъ Господь!.. Вѣкъ не тягались
Ни отецъ ни съ кѣмъ, ни дѣдъ...
А судись давно-бъ остались
Безъ гроша на старость лѣтъ“...

—„Что̀ такъ?! Судъ княжой—что Божій:
Разсудили бы“...—„Эхъ-ма!
Судъ-то ихъ себѣ дороже“...
—„Да вѣдь правда тамъ сама!“...

—„Ты, кормилецъ, самъ-ли видѣлъ
Эту правду? Коль смекнёшь, —
Если кто тебя обидѣлъ, —
Правитъ этой правдой ложь“...

Вспыхнулъ юный отрокъ княжій:
—„Завираться началъ, дѣдъ?!“
—„Старъ я лгать... Съ такой поклажей
Труденъ путь на тотъ-то свѣтъ...

„Не солгу... Ты—пей да кушай,
Старика не обезсудь...
Ну, а ты, бояринъ, слушай
И судьей намъ съ парнемъ будь!..

„На полюдьи князю жалобъ
Много-ль нынче принесли?
Челобитныхъ?!. Не мѣшало-бъ
Бить челомъ-то до земли!..

„Земскій дьякъ-ли, воевода-ль,
Или приставъ-волостель,
Всѣ отъ правды шли поодаль
Съ давнихъ поръ, какъ и досель!

„Тянутъ старосты губные,
Бѣдняка богачъ тѣснитъ,
Правдой правятъ силы злыя,
Міръ подъ спудомъ честь хранитъ...

„Сильный—чистъ передъ судьёю,
Очерненъ бѣднякъ кругомъ, —
Хоть-бы святъ онъ былъ душою
Передъ Истиннымъ Христомъ!..

„Кто повинны—будутъ правы,
Лишь-бы знать, съ чѣмъ подойти...
Гдѣ-же тутъ искать управы,
Какъ на кривду судъ найти?!.

„Къ небесамъ трудна дорога,
Бога видѣть не легко:
А до правды—что до Бога—
Высоко и далеко...

„Князь-то солнцемъ краснымъ чаетъ
Озарить крещоный людъ,
Да того не примѣчаетъ,
Что краснѣй того всѣ лгутъ...

„Обступила князя тыномъ
Отовсюду злая лесть;
Крѣпокъ тынъ,—его съ алтыномъ
Бѣдняку не перелѣзть!

„Залегла—что силой вражьей—
Ложь дороги и пути,
Изъ-за тына правдѣ княжьей
До народа не дойти...

„Нѣтъ, вотъ самъ тайкомъ когда-бы
Вздумалъ глянуть онъ въ народъ —
Навѣстилъ-бы тѣхъ, кто слабы,
Тѣхъ, силёнъ кто,—въ свой чередъ...

„Дѣло вышло-бы иное,
Былъ совсѣмъ другой-бы толкъ!..
А теперь... теперь пустое!...“
И—замолкъ старикъ, замолкъ...

Князь прервалъ его молчанье:
— „Отрокъ-другъ! Налей вина!“
Выпилъ, молвилъ на прощанье:
— „Ну, спасибо, старина!

„Сказъ-отъ твой—не на-смѣхъ курамъ,
Хоть и князю на укоръ...
Бью челомъ: заѣдешь въ Муромъ,
Заверни на княжій дворъ!...“

IV.

Минулъ годъ... Пора полюдье
На горѣ Городинѣ—
Въ честь и славу правосудья —
Созывать по старинѣ...

Миновала осень... Стужей
Потянуло... А съ горы
Надъ Окою, по-надъ Тужей
Не бѣлѣются шатры...

Слышно: въ Муромѣ рѣшили,
Что на вѣчные года
Не бывать полюдью въ силѣ,
Мало-ль было что когда!..

Княжье слово, воля Божья
О-бокъ по людямъ идутъ,
Не страшась ни бездорожья,
Ни проторь какихъ, ни смутъ...

Порѣшили, — такъ и стало,
Такъ впередъ тому и быть —
Княжью волю не пристало
Ни судить и ни рядить...

Только нѣтъ-да-нѣтъ—въ округѣ
Стародубьемъ ходитъ слухъ,
Что вершатъ не княжьи слуги,
А не князь—такъ княжій духъ...

Молвь гласитъ, что зачастую,
Ото всѣхъ бояръ таясь,
Въ путь-дорогу не простую
Со двора съѣзжаетъ князь...

Обрядясь простымъ нарядомъ
(Съ вѣрнымъ отрокомъ своимъ)
Онъ по селамъ, по посадамъ
Ѣздитъ, правдою хранимъ...

Какъ подъ шапкой-невидимкой —
Все увидитъ, разглядитъ:
Что закрыто лести дымкой,
Что отъ взора ложь таитъ...

Чуть сироворилъ приставъ княжій,
Покривилъ судья душой—
Обуянъ корыстью вражьей, —
Пойманъ воръ и -судъ простой:

Въ Муромъ вызовутъ къ отвѣту,
И не хочешь, да пойдешь, —
А не то—сживутъ со свѣту
Не застѣнокъ, такъ правежъ...

„Что за диво!“ — толкъ въ народѣ:
„Ровно видятъ тамъ насквозь...

Этакъ даже воеводѣ
Не отбиться на-авось!..

„Кто-жъ удумалъ всѣхъ безславить?
Кто себя не бережетъ?!.
Первый кнутъ у насъ всегда вѣдь
Про доносчика живетъ“...

А ужъ мало-ли пытали
Воеводскіе друзья,
Чуть не на-смерть забивали-
Не жалѣли батожья...

Не бывать-бы дѣлу прокомъ, —
Кабы прокъ не набѣжалъ,
Кабы кто-то ненарокомъ
Въ гостѣ--князя не призналъ...

И пошла молва народомъ,
Славой по людямъ гнѣздясь,
Выростая годъ-за-годомъ:
„Правосудьемъ славенъ князь“...

Славѣ той сказанье вторитъ,
Сказу внемлетъ пѣсня-быль,
Судъ временъ ихъ не оспоритъ,
Имъ чужда забвенья пыль...

Судъ другой... Иные судьи
И другія времена...
Но объ Юрьевомъ полюдьи
Молвь и до сихъ поръ слышна:

Нѣтъ-да-нѣтъ—всплыветъ-проснется
За горой Городиной
И ручьемъ журчитъ и льется
Стародубской стороной...

Гусли Бояна.

„Не лѣпо ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы... по былинамъ сего времени?“

Слово о плъку Игоревѣ.

I.

Жилъ на свѣтѣ Баянъ,
Сынъ далекихъ времянъ,
„Внукъ Велеса“—его прозывали;
Вѣщій былъ онъ,—чуть самъ,
Прикоснется къ струнамъ,
Струны славу Руси рокотали...

Силой духа живой,
Подъ могучей рукой,
Оживали гусѣльныя струны;
Былъ онъ сѣдъ, былъ онъ старъ—
Пѣснотворецъ-гусляръ,
Но внималъ ему старый и юный.

Изъ-подъ вѣщихъ перстовъ
Словно хоръ соловьевъ
Вылеталъ, запѣвалъ-заливался;
Всякъ—кто слушалъ его—
Про себя-самого
Забывалъ, на него дивовался.

Говорила струна;
Пѣснь лилась—что волна,
Разливалась широкой рѣкою,
То шумѣла дождемъ,
То гремѣла—что громъ,
Никогда не братаясь съ тоскою.

Былъ онъ замыслу радъ,
На совѣтъ тороватъ,
Перепархивалъ вольною птицей
Съ пѣсни къ пѣснѣ иной,
День—съ сѣдой стариной
Сочетать онъ могъ, быль—съ небылицей.

Осударь-князь любилъ
Старика,—гостемъ былъ
Въ княжьей гридиѣ онъ самымъ желаннымъ,
На почестныхъ пирахъ
(Самъ хоть не былъ въ чинахъ!)
Онъ сидѣлъ за столомъ самобраннымъ;

Запоетъ,—смолкнетъ князь;
Звону гусель дивясь,
Выйдетъ свѣтъ-молодая княгиня;
Силой пѣсенныхъ чаръ
У строптивыхъ бояръ
Родовая смирялась гордыня.

Допоетъ старина,
Гридня—молвью полна:
„Ой, гусляръ! Ой, Баянъ!“... Всѣ съ поклономъ,
Всѣ—съ почетомъ къ нему,
Соловью своему,
„Спой еще!“—говорятъ: „Спой еще намъ!“

Про походы онъ пѣлъ,
Славилъ всѣхъ—кто былъ смѣлъ,
Кто умѣлъ проявить свою удаль,
Кто—въ честь Русской Земли—
Во бояхъ полегли,
Жизнь смѣнивъ на небесную юдоль...

Слухъ изъ княжьихъ палатъ,
Что волны перекатъ,
По Руси по Святой разносился, —
Говорили о немъ,
О Баянѣ сѣдомъ,
Что онъ съ гуслями такъ и родился;

Что сбиралъ онъ красу
Дивныхъ пѣсенъ въ лѣсу,
Перелѣтывалъ пташкой пѣвучей,
Сѣрымъ волкомъ бѣжалъ,
Что орломъ онъ леталъ,
По поднебесью плавывалъ тучей...

За годами года
Шли, текли—что вода,—
И сѣдого Баяна не стало;
Только слава о немъ
На полюдьи родномъ
Долго-долго еще не смолкала...

II.

Сонъ въ ночи былъ мнѣ данъ:
Степь я видѣлъ, курганъ,
Мхомъ поросшій сѣдымъ и травою;
Подошелъ, вижу—мохъ
Весь шевѣлится, вздохъ
Чей-то слышится мнѣ подъ землею...

Замеръ, чуду внемля...
Вдругъ—съ кургана земля
Стала сыпаться, весь онъ распался;
Вижу — склепъ гробовой,
Въ склепѣ — старецъ сѣдой,
Гусли держитъ онъ,—всталъ, приподнялся;

Вышелъ, на̀ стень взглянулъ,
Пыль со струнъ отряхнулъ,—
Зазвенѣли пѣвучія гусли;
Смотритъ старецъ впередъ...
Чу! запѣлъ онъ, поетъ:
„Ты—ли, матушка Русь, это? Русь-ли?!.

„Весь твой вольный просторъ
Отъ морей и до горъ
И отъ горъ до морей дальнихъ виденъ
Мнѣ отсюда теперь:
Только — вѣрь, или не вѣрь! —
Мнѣ твой жребій высокій обиденъ!..

„Ты сильнѣе всѣхъ странъ...
Гдѣ-жъ твой вѣщій баянъ?
Кто тебя, неоглядную, славитъ?!.
Подъ курганомъ своимъ
Я лежалъ недвижимъ,
Слышу—всякъ тебя ниже всѣхъ ставитъ:

„Слышу—много пѣвцовъ,
Цѣлый хоръ голосовъ,—
Только въ пѣсняхъ немного ихъ толку:
Ноютъ, плачутъ, грустятъ,
Знать тебя не хотятъ,
Кто-жъ и знаетъ—и то втихомолку...

„Больше все о себѣ
Голосятъ, о судьбѣ,
Не дающей-де хода и воли,
О нездѣшнихъ страстяхъ,
О безумныхъ мечтахъ...
Очумѣли — болѣзные — что-ли?!.

„Тоже — время нашли:
Въ дни, когда для земли
Святорусской нужна лишь отвага
Да размахъ-богатырь,
Да могучая ширь,
Да кипучая удали брага..

„Ой, пѣвцы вы, пѣвцы!
Полно ныть вамъ!.. Отцы
Для того-ли вамъ путь пролагали,
Для того-ли они
И въ тяжелые дни
Пѣснотворчества славу ковали?!

„Грусть-тоска на челѣ —
Припадите къ землѣ,
Горе выплачьте ей, не робѣя,—
И, любовно внемля,
Мать-Сырая-Земля
Дастъ вамъ силъ, новыхъ силъ, не жалѣя..

„Поднялись и — впередъ!
Пѣсни родина ждетъ,
Но такой, чтобъ—отъ стара до мала—
Всякъ, заслышавъ ее,
Зналъ родное-свое,
Чтобъ на подвигъ она поднимала!.."

Посмотрѣлъ на востокъ
Старецъ,—въ склепъ снова легъ...
Вижу—выросла насыпь кургана:
Сквозь туманы горя,
Занялася заря;
Утро вторило гуслямъ Баяна...

Богатырскіе гонцы.

Край отцовъ, страна родная,
Святорусская земля...
Стѣны, башни и бойницы
Сердцу милаго Кремля...

Утро встало; день проснулся
Въ красномъ нолымѣ зари...
Воротились изъ похода
Удальцы-богатыри...

Князь-Ивановы дружины
Притомились на пути,
Два гонца спѣшатъ народу
Вѣсть отъ князя принести;

Сна и отдыха не знали,
День и ночь держали путь, —
Нѣтъ имъ устали дорожной,
Время будетъ отдохнуть!..

Было дѣло: поработалъ
Богатырскій русскій мечъ:
Знаетъ грудь да подоплёка,
Сколько грозныхъ было сѣчъ!

Шла орда—стѣна-стѣною;
Отъ летучихъ вражьихъ стрѣлъ
Свистъ, какъ буря, поднимался,
Копій—цѣлый лѣсъ темнѣлъ.

Туча-тучей—вражьи рати,
Выслалъ силу-войско ханъ:
„Какъ, платить не хочетъ дани
Мнѣ какой-то князь Иванъ!..“

Ворогъ злой не зналъ пощады,
Гнѣва голосу внемля:
Вспыхнулъ вражій путь пожаромъ,
Кровью всплакалась земля...

— „Быть бѣдѣ, бѣдѣ великой!
Ханъ къ ослушникамъ грозёнъ!..“
Головой качали старцы:
„Горекъ вражескій полонъ!..

„Ой, смирись ты, князь-надежа!
Немочь, силѣ поклонись!..“
Князь не слушалъ,—всѣ орлята
Съ гнѣздъ орлиныхъ поднялись,

Всѣ—за Русь, всѣ за Ивана:
„Съ княземъ—Богъ, а съ нами—князь. .
Передъ силою ордынца
Не ударитъ наша въ грязь...

„Князь, веди!..“ Пошли дружины,
Поднялся священный стягъ!..
„Не хвались еще заранѣ,
Не кичись побѣдой, врагъ!

„Намъ въ походѣ—Богъ помога...
Ты сойдись да посмотри:
Извелись-ли на великой
На Руси богатыри!..“

И — сошлися, и схватились:
День и два и три — шелъ бой:

Богъ не выдалъ,—дрогнулъ ворогъ,
На утёкъ пошелъ гурьбой;

За ордынцами—дружины,—
Били, гономъ-гнали въ степь...
Честь-хвала Ивану-князю!
Исполàть, родная крѣпь!..

— „Полно... Стой! Твори молитву!..“
Помолились удальцы
И—домой... Опережаютъ
Князь-Ивановы гонцы...

Князь послалъ: „Быстрѣе вихря
Поспѣшайте! Влётъ и вплавь!..
Возвѣстите, что творятся
Чудеса надъ нами въявь!“

Молвилъ князь, и—вѣсть святая
Полетѣла-поплыла:
Понесли княжое слово
Княженецкихъ два орла.

День—за днемъ... Вотъ передъ ними
Стѣны древняго Кремля...
Выходи гонцамъ навстрѣчу,
Святорусская земля!

Отстояли честь родную
Удальцы-богатыри!
Утро встало! Солнце всходитъ
Въ красномъ полымѣ зари!..

Въ старой Москвѣ.

(Картины XVII столѣтія.)

I.

Надъ царственной Москвою
Гудятъ колокола:
Ни звѣздочки на небѣ,
А ночь—свѣтлымъ-свѣтла.

Огни, огни—повсюду:
Ни младъ не спитъ, ни старъ,
Ни въ хатахъ у посадскихъ,
Ни въ гридняхъ у бояръ.

Полны народомъ храмы,
Валомъ-валитъ народъ:
Въ Кремлѣ—сплошная давка
У всѣхъ троихъ воротъ...

Къ заутренѣ Христовой
Зоветъ кремлевскій звонъ,—
Гудитъ Иванъ Великій,
Гудётъ со всѣхъ сторонъ ..

Соборъ Успенскій полонъ,
Не счесть въ немъ прихожанъ—
Бояръ, дворянъ и дьяковъ,
Стрѣльцовъ и горожанъ...

Два хора—въ-перекличку—
Поютъ хвалитный стихъ;

Самъ царь стоитъ въ соборѣ
Въ кругу вельможъ своихъ.

Онъ—въ опашнѣ золотномъ,
Въ оплечьяхъ-жемчугахъ,
Во всемъ большомъ нарядѣ
На царскихъ раменахъ...

Свѣтла святая служба,
Какъ свѣтелъ Божій храмъ;
Свѣтлѣй—ликъ государевъ
Рисуется очамъ:

Что солнышко лучами
Купается въ рѣкѣ,—
Стоитъ въ волнахъ народа,
Всѣхъ жалуетъ къ рукѣ...

„Христосъ воскресе!“—молвитъ
Честной московскій людъ;
„Воистину!“—царевы
Уста произнесутъ...

II.

Надъ царственной Москвою
Гудятъ колокола...
По улицамъ, по стогнамъ
Святая вѣсть пошла.

Шла вѣсть путемъ-дорогой,
Изъ царскихъ шла хоромъ,
Кремлемъ золотоглавымъ,
Ликующимъ Кремлемъ,—

Шла, путь уготовляя
Для правды и добра,

Китай-городомъ—къ стѣнамъ
Теремнаго Двора:

Дошла, остановилась.—
Открылись передъ ней
Темничныя могилы
Отверженныхъ людей:

Въ колодкахъ и въ оковахъ,
Какъ звѣри на цѣпяхъ. —
И стонъ, и плачъ, и скрежетъ
Съ проклятьями въ устахъ...

И вдругъ—какъ лучъ разсвѣта,
Зажегшій ночи тьму—
Всю словно озарило
Угрюмую тюрьму:

Глядятъ, глазамъ не вѣрятъ.—
Предъ узниками—царь,
Земли родимой солнце,
Надёжа-государь...

„Долой оковы-цѣпи
Съ колодниковъ сейчасъ!
Привѣтъ вамъ, люди Божьи!
Христосъ воскресъ для васъ!..

„Свободны всѣ,—кто въ узы
Давно осуждены,
Кто здѣсь страдаетъ много
За малыя вины...

„Христосъ воскресе, братья!..“
И—вышелъ царь... Вослѣдъ
„Воистину воскресе!“ —
Былъ всей тюрьмы отвѣтъ...

III.

Надъ царственной Москвою
Гудятъ колокола...
Въ царицыныхъ покояхъ —
День званаго стола;

По всей Москвѣ скликали
Три стольника—чуть-свѣтъ —
Слѣпыхъ, хромыхъ, безрукихъ,
Убогихъ съ дѣтскихъ лѣтъ...

Невиданные гости—
Въ палатѣ Золотой,—
Полнымъ-полна Меньшая
Бездольной нищетой;

Разставлены рядами
Столы и тамъ, и тутъ,
У каждаго—пируетъ
Голодный бѣдный людъ...

На розговѣньи званомъ —
Богатый разносолъ;
Ломясь подъ пирогами,
Трещитъ дубовый столъ;

Курéй индѣйскихъ вдоволь,
Гусей не перечесть,
Затѣйныхъ перепечей
И въ три-дни не пріѣсть;

Квасы, меды разносятъ...
Боярыни взошли, —
Яицъ крашоныхъ коробъ
Приносчики внесли...

Вотъ створчатыя двери
Раскрылись настежъ вдругъ,—
Самъ царь вступилъ въ покои,
Съ царицею самъ-другъ:

„Христосъ воскресе, гости!..“
Донесся красный звонъ,—
„Воистину воскресе!“
Гудётъ со всѣхъ сторонъ;

Четвертый день шлютъ къ небу
Хоръ мѣдныхъ голосовъ
Москвы первопрестольной
Всѣ сорокъ сороковъ...

Утѣха—добрый молодецъ.

(Присказка.)

I.

Въ годы прежніе, не эти,
Въ неизвѣданную старь,
Больше всѣхъ былъ на примѣтѣ
Межъ царей на бѣломъ свѣтѣ
Красносмѣхъ—веселый царь.

Царскій санъ семьѣ-ль помѣха? —
Былъ онъ добрый семьянинъ:
У царя, у Красносмѣха,
Изъ семи сыновъ—Утѣха
Былъ любимый младшій сынъ.

Старшихъ шестеро любили
Въ бранномъ полѣ лязгъ стальной:
Младшій не былъ въ ратной силѣ,—
Думы мирныя носили
Мысль его въ странѣ родной:

Каждый годъ, по первопутку,
Въ путь-дорогу выходилъ,
На подмогу прибаутку —
Бралъ съ собой онъ только шутку,
Съ пѣсней по свѣту бродилъ...

II.

Ужъ какъ звали-позывали
Добра-молодца въ торгу—
И казной-мошной бренчали,
И въ посулахъ ублажали
На торговомъ берегу:—

„Ты зайди, зайди, желанный,
Ты подольше погости!
Гость завѣтный, долго жданный,
Про тебя—и столъ нашъ браный;
Будешь ты у насъ въ чести!..

„Не красны-ль у насъ хоромы?
Въ нихъ просторъ—что сѣсть, что лечь...
Мы недаромъ скопидомы,—
Всѣ порядки намъ знакомы,
Пироговъ—не перепечь!..

„Пей хмѣльнѣй, сытнѣе кушай,
Все—что по-сердцу—бери,
Нашихъ розсказней послушай,
Съ нашей теплой повалушей
Не прощайся до зари!..

„Да куда-же ты? Куда ты?!..
Сдѣлай милость—погости!..“
Онъ—въ отвѣтъ: „Вы тороваты
И красны у васъ палаты,—
Да вѣдь намъ не по пути!

„Безъ меня вы жили-были,
Богатѣли безъ меня,—
Деньги къ денежкамъ копили,
Что хотѣли—все купили,
На вѣсъ золота цѣня...

„Все у васъ есть?—Счастье ваше
И останется при васъ!
Домъ вашъ смотритъ полной чашей,—
Да удàлой братьѣ нашей
Въ немъ встоскуется какъ-разъ!

„Я пойду туда, гдѣ хатки—
Хоть бѣднѣй, да веселѣй,
Да живутъ въ нихъ безъ оглядки,
Да въ глаза-то правдѣ-маткѣ
Смотрятъ люди посмѣлѣй...

„Не красны углы, пожалуй,
Перепечей нѣтъ въ печи,
Да хозяинъ—добрый малый:
Стукнетъ странникъ въ дверь усталый,—
„Баба! Все на столъ мечи!“

„Кто-бъ онъ ни былъ,—все равно имъ:
Подкрѣпился, ночевалъ,
Удоволили покоемъ,—
И всѣмъ нà сердцѣ легко имъ,
Коли гостя Богъ послалъ...

„Весь свой вѣкъ у нихъ—забота,
День-деньской—тяжелый трудъ;
Кромѣ Бога—нѣтъ оплота;
Ни казны они безъ счета,
Ни палатъ не наживутъ...

„Минулъ день—и слава Богу;
Будетъ день—дастъ пищу Богъ,—
Хватитъ міру понемногу!
Умеръ,—въ дальнюю дорогу,
Къ новой жизни на порогъ“...

III.

И пошелъ онъ—вдоль по селамъ,
По убогимъ деревнямъ;
Гдѣ онъ шелъ—глядѣлъ веселымъ
За трудомъ своимъ тяжелымъ
Весь народъ по цѣлымъ днямъ...

Всѣ-то звали-позывали
Добра-молодца къ себѣ,—
Ничего не обѣщали,
Всѣмъ, что было, угощали
Въ каждой рубленой избѣ.

Гдѣ гостилъ онъ—не смолкая,
Пѣсня красная плыла,
Пѣсня вольная, родная,
Волновая, удалая—
Отъ села и до села...

Бѣдность радости-ль помѣха,—
Коли самъ ее несетъ
Сынъ любимый Красносмѣха,
Добрый молодецъ—Утѣха,
Въ богатырскій свой народъ?!

Ячмень.

(Святочный сказъ.)

I.

Сѣялъ пахарь ячмень на полоскѣ своей,
Пріусталъ старина—притомился;
Сталъ онъ подлѣ межи,—„Дай-то Богъ,“—говоритъ:
„Дай-то Богъ, чтобъ ячмень уродился!

„Чтобъ семьѣ не пришлось голодать-холодать
Ни весенней, ни зимней порою,
Малымъ внукамъ моимъ не пришлося ходить
По сосѣднимъ деревнямъ съ сумою!..“

Постоялъ — отдохнулъ и опять зашагалъ,
Сѣя жито направо-налѣво;
Вдругъ онъ видитъ межой держитъ путь на него,
Божья Матерь идетъ Приснодѣва...

Кто Она—онъ не зналъ: на рукахъ у Нея—
Спитъ Младенецъ Божественный, дремлетъ...
Смотритъ пахарь-бѣднякъ, благодатнымъ словамъ
Съ тайнымъ трепетомъ сердца онъ внемлетъ:

„Помогай тебѣ Богъ!“ — слышитъ пахарь сѣдой:
„Помогай тебѣ Богъ, человѣче!..
Какъ досѣешь—сейчасъ поѣзжай за серпомъ,
Время жатвы твоей недалече!

„За твою бѣдноту Богъ услышалъ тебя,—
Уродится ячмень всѣмъ на диво“...
И пошла Приснодѣва, пошла въ глубь полей,
Отъ межи до межи, торопливо...

Посмотрѣлъ Ей вослѣдъ, подивился старикъ
И—снять принялся за работу.—
Думать долго не время, когда за спиной
Вѣчно только нужду да заботу!..

Да къ тому-жъ и денекъ для посѣва какъ-разъ
Богъ послалъ благодатный-погожій.
Всякъ какихъ по недѣлямъ въ иные года
Пахарь-сѣятель, трудничекъ Божій...

Кончилъ сѣять бѣднякъ и—сейчасъ на село
Поспѣшилъ прямоѣзжей дорогой...
„Вѣдь бывали-жъ у насъ чудеса на землѣ!“
Мыслитъ онъ: „Эй ты, бурая, трогай!..

„Серпъ мнѣ долго-ли взять изъ застрѣхи сейчасъ,—
Вдругъ и вприямь жать немедля придется:
Не спроста слово странница молвила мнѣ,
Не спроста проходила—сдается!..“

II.

Воротился съ серпомъ на полоску старикъ.—
Чудо-чудное, дивное-диво:
Колосится предъ нимъ, золотится ячмень.
Ходенёмъ-ходитъ спѣлое жниво;

Отъ межи до межи—золотая волна
За другой переливной волною
Вдоль по вѣтру бѣжитъ, припадая къ землѣ
Головою своей наливною...

Вѣтеркомъ обвѣваетъ; льетъ солнце лучи
На полосыньку съ Божьяго неба...
Принялся за работу поспѣшно бѣднякъ:
„Ну, не будемъ теперь мы безъ хлѣба;

„Сыты будемъ!“—онъ шепчетъ... Вдругъ видитъ—бѣгутъ
На него жидовины межою,
Всѣ—съ ножами они, всѣ съ дрекольемъ въ рукахъ;
Поровнялись они съ полосою...

„Эй, старикъ!“—голосятъ: „Проходила сейчасъ
Здѣсь съ младенцемъ жена молодая?
Намъ скажи, не таясь; укажи, гдѣ прошла
И куда и когда, не скрывая?!“

Серпъ старикъ положилъ, посмотрѣлъ, помолчалъ
И промолвилъ имъ:—„Да, проходила;
Досѣвалъ свой ячмень я въ ту пору еще,—
Это въ полдни—сдается мнѣ—было!..“

Засмѣялися всѣ жидовины тогда:
„Охъ, ты, дурень, ты, дурень!“—сказали:
„Сѣялъ ты свой ячмень, а теперь—жнешь его...
Сколько-жъ дней съ той поры пробѣжали?!.

„Изъ ума выжилъ ты, неосмысленный дѣдъ!
Не о той женѣ рѣчь!...“ Повернула
Вся толпа ихъ назадъ и вдали отъ него
Въ золотистыхъ хлѣбахъ затонула...

А старикъ—жалъ да жалъ, и не зная о томъ,
Спасъ Кого отъ погони отвѣтомъ
Въ этотъ день золотой, въ этотъ радостный день,
Озаренный негаснущимъ свѣтомъ...

Изъ далекой дали стародавнихъ временъ
Къ намъ преданій молва долетаетъ:
Древній сказъ про ячмень вся народная Русь
Въ пору святочныхъ дней повторяетъ...

Про Ладу, про Леля да про веселаго Яръ-Хмѣля.

I.

Зима... Но въ природѣ услада,
Но даль надъ снѣгами свѣтла:
Должно быть, зазнобушка Лада
Кудряваго Леля нашла.

Чу, пѣсня звенитъ безшабашно,
Гуляетъ по селамъ Яръ-Хмѣль,—
Послалъ съ нимъ веселое брашно
На Русь пробудившійся Лель.

Очнулся затѣйникъ-красавецъ
И вновь задремалъ до весны
Въ вѣнкѣ бѣлоснѣжныхъ купавицъ.
Въ сугробахъ родной стороны:

И шепчетъ во снѣ свѣтлоокій:
„Ои, ласточка Лада! Приди!..
Касаточка, милъ другъ далекій,
Прильни къ охладѣлой груди!..

„Ои, скоро-ль желанный мигъ встрѣчи?
Ои, гдѣ-жъ ты, моя красота?
Ой, скоро-ли сладкія рѣчи
Промолвятъ сахарны уста?

„Приди!..“ И—не видитъ кудрявый,
Что рядомъ съ нимъ Лада стоитъ.
На Леля съ улыбкой лукавой
Умильно касатка глядитъ.—

Да только грозна еще память
О злобѣ Мораны-зимы:
Чуть что—и подымется заметь
По волѣ наперсницы тьмы...

II.

И смотритъ зазнобушка Лада
На ту снѣговую постель,
Гдѣ- жаркаго сердца отрада—
Раскинулся дремлющій Лель:

И смотритъ, и сладкою думой,
Разымчивой думой полна:
„Не долго колдуньѣ угрюмой
Томить насъ!.. Вотъ выдетъ Весна,

„Вотъ выдетъ Красна въ путь-дорожку
Изъ теплыхъ заморскихъ краевъ:
День бѣлый растетъ понемножку,
И холодъ не такъ ужъ суровъ:

„Февральское солнце пригрѣвомъ
Заставило плакать снѣга,
И первыхъ весянокъ напѣвамъ
Внимаютъ подъ настомъ луга...

„Постой, лиходѣйка сѣдая!
На улицѣ—праздникъ не твой,—
Не даромъ на Русь-то всегда я
Иду передъ гостьей Весной...

„Спи, милый! Проснешься ты скоро,
И насъ въ свѣтелъ-праздничный день
Отъ сглазу колдуньина взора
Укроетъ вѣтвистая сѣнь:

„Проглянутъ цвѣты изъ-подъ снѣга,
Зачнетъ мурава зеленѣть,
И нѣга, весенняя нѣга,
Надъ нивами примется млѣть...

„А тамъ—всколыхнетъ лѣсъ-дубраву,
А тамъ—заведетъ соловей
Веснянку про Лелеву славу,
Про счастье подруги твоей...

„Спи, милый! Я сказкою нѣжной,
Я пѣснею стану родной
Лелѣять твой сонъ безмятежный—
Завѣтною рѣчью одной:

„О томъ, что нѣтъ вѣчной разлуки,
Что смерти не знаетъ любовь,
Свои пережившая муки,
Во тьмѣ просвѣтленная вновь...

„Спи, милый!..“ И ласкою взгляда
И зноемъ дыханья опять
Красавца любимаго Лада
Въ снѣгахъ принялась согрѣвать.

III.

И съ залѣсья вплоть до селеній
Пронесся тореной тропой
Живительный шепотъ весенній
О счастьи четы молодой;

По весямъ-деревнямъ, по селамъ,
Съ полей до луговъ и до горъ
Пахнуло разгуломъ веселымъ
На весь свѣтлорусскій просторъ...

Яръ-Хмѣль загулялъ—старичина:
— „Съ блинами встрѣчай-де меня
Да съ пивомъ, да съ брагой—по чину:
Не то—не взвидать Свѣтла-Дня!..“

Народъ-хлѣборобъ хлѣбосоленъ,—
Челомъ бьетъ ему: „Гостемъ будь!
У малыхъ—будь малымъ доволенъ!
Что есть—ужъ на томъ не безсудь!..“

И пиво, и брага, и масло,
И блинный веселый разгулъ...
И Лада глядитъ черезъ прясло,
И Лель свѣтлоокій вздохнулъ...

И лѣсъ, вторя Лелю, вздыхаетъ...
И тройки—за тройками вслѣдъ;
Какъ масломъ весь политый, таетъ
Санями укатанный слѣдъ...

Ой, скоро, зима, тебѣ сгинуть!
Ой, солнце Морану сожжетъ!..
Не минуть судьбы вамъ, не минуть,—
Не за́ моремъ Лада живетъ..

Весна-кудесница.

Пришла весна зеленая
Красавицей кудрявою:
Стоитъ весна—красуючись
Надъ всей своей державою.

Идетъ весна-кудесница,
Красѣ своей дивуется,
Лучами животворными
Со всей землей милуется.

Идетъ весна—невѣстится;
Горами шла, долинами,
Шла—рощи заливаючи
Хора́ми соловьиными;

Въ поля зашла въ посельскія,
Глядитъ весна на озими,—
Отъ взгляда—бархатъ стелется,
Кустятся всходы по́-земи...

Лугами шла привольными,
На міръ глядѣла весело;
Въ садахъ—цвѣтъ бѣлорозовый
По яблонькамъ развѣсила...

Гдѣ шла-прошла — по нивѣ-ли,
Въ саду-ли, въ огородѣ-ли, —
Предъ ней земныя силушки
Вздымались-колобродили;

Работа богатырская
Вездѣ-кругомъ спорилася...
Вся Русь, трудомъ повитая,
Вослѣдъ веснѣ молилася...

Зашла весна на кладбище,
Склонилась надъ могилами,
Гдѣ крѣпко спали пахари,
Покинутые силами,—

Могилушки убогія
Цвѣтами пріубралися;
Колоднички подземные,
И тѣ—весны дождалися...

Ой, честь тебѣ—заботницѣ!
Хвала тебѣ—красавицѣ,
Луговъ, лѣсовъ и пажитей
Очестливой державицѣ!..

Изъ «Пѣсенъ о хлѣбѣ».

Дождалась лѣта жаркаго
Кормилица-земля:
Подъ лаской солнца яркаго—
Красуются поля.

Морскими ходитъ волнами
Рожь-матушка: давно
Горстями сыплетъ полными
Господь въ нее зерно.

Крѣпитъ ржаное зернышко
Молочный свой наливъ:
Что день—привѣтнѣй солнышко
Горитъ надъ ширью нивъ.

Обходитъ села красное,—
У каждаго двора
Роняетъ слово властное:
„Серпы зубрить пора!"

Серпы изъ застрѣхъ вынуты,
Жнитва деревня ждетъ,—
Всѣ думушки покинуты,
Одна—съ ума нейдетъ:

„А ну какъ туча грозная
Не дождь несетъ, а градъ?
Ой, горюшко! Ой, слезное!
Никто тебѣ не радъ!..

„Владычица, Скорбящая,
Заступница трудовъ,
Отъ лютыхъ бѣдъ хранящая,
Возьми подъ Свой покровъ!“

Не надо кликать знахаря,—
Дойдетъ и безъ него
Мольба народа-пахаря
До Бога самого:

Все поле, все зеленое
Желтѣетъ— что ни день..
Зрѣй, золото червонное,
Прошоное-молёное,
Кладъ бѣдныхъ деревень!.

Знахарь.

Жилъ-былъ знахарь-вѣдунъ на поволжской Руси,—
А когда жилъ—укажутъ едва-ли,—
Только всякій, кого ты о немъ ни спроси,
Скажетъ: „Сказки мы эти слыхали!..“

Былъ, какъ снѣгъ вешній, бѣлъ, былъ онъ крѣпокъ—что дубъ,
Простоявшій вѣка надъ землею;
И—сдается—старикъ-то былъ вовсе не глупъ,
Коли спорилъ такъ долго съ судьбою:

Были руки сильны, зорки были глаза,—
Хоть онъ видывалъ всякія дива,
Хоть частенько надъ нимъ разражалась гроза
И пьянѣть приходилось безъ пива...

Жилъ тотъ знахарь-вѣдунъ въ сыръ-дремучемъ бору,
Въ самой чащѣ, въ землянкѣ убогой,
Всторонѣ отъ жилья; но къ нему по-добру
Всѣхъ тянуло торёной дорогой:

Кто недугомъ томимъ, кто въ семьѣ нелюбимъ,
Кто отъ порчи искалъ избавленья,—
Только стоитъ, бывало, увидѣться съ нимъ,
И—всему настаетъ облегченье...

Всѣхъ онъ пользовалъ, всѣмъ: и травой-тирличомъ,
И водою поилъ наговорной;
Говорятъ, что избавить ему нипочемъ
Было даже отъ немочи черной...

Умудритъ-же Господь!.. И „плакунъ“ зналъ траву,
Вѣдалъ прозвища злому коренью,
Хитрость видѣлъ насквозь, на лихую молву
Запасался травой-„одоленью“;

„Нечуй-вѣтеръ“ сбиралъ онъ, знавалъ „дивій слѣдъ“,
Слово молвитъ, и нечисть пропала,—
Мудрено-ли, что могъ „златоогненный цвѣтъ“
Уносить подъ Ивана Купала!

Въ сыръ-дремучемъ бору—словно въ Божьемъ саду—
Онъ трудился на радость народу:
Годы шли... Вдругъ, должно быть, навелъ грѣхъ бѣду:
Канулъ знахаревъ слѣдъ—точно въ воду...

Стали дѣда искать, стали травы пытать,—
Ни одна не проронитъ словца имъ:
Какъ зовутъ, для чего ей велѣлъ выростать
Царь Небесный за Божіимъ раемъ...

Старецъ вѣщій пропалъ, мудрый старецъ ушелъ,
Старецъ добрый землянку покинулъ:
„Мать-пустыню“ себѣ-ли гдѣ въ мірѣ нашелъ,
Искрой малою-ль въ темени сгинулъ...

Только память о немъ отъ людей не ушла,—
Нѣтъ-да-нѣтъ—старика и вспомянутъ;
Внуку дѣдъ помянётъ, отъ села до села
Перелётывать послухи станутъ:

„Вотъ-бы, еслибъ теперь Богъ послалъ одного
Человѣчка такого въ округу!—
Берегли-бы его, обижать-бы его
Заказали и недругу-другу!...“

А и впрямь-бы вольготнѣй жилось на міру
Отъ сосѣдства съ такимъ-то сосѣдомъ:

Открывалась-бы шире дорога добру,
И заставы-бы ставились бѣдамъ!..

Ходитъ-по́ходя зло, сѣетъ сѣмя вражды;
Ложь смутьянитъ повсюду въ народѣ;
Кривда къ Правдѣ святой заметаетъ слѣды,
На торгахъ и въ судахъ верховодя...

Гдѣ-бы знахаря намъ, да такого, найти—
Чтобы зналъ онъ с л о в ц о, да такое,
Отъ котораго-бъ на̀вѣкъ забыла пути
Нечисть-ложь въ наше дѣло родное!..

Гдѣ ты, знахарь-вѣдунъ? Отзовися, старикъ,
Хоть изъ нѣдръ вѣковѣчной могилы!
Дай „разрывъ“ намъ травы отъ житейскихъ веригъ,
Закляни злыя темныя силы!..

Разудалая головушка.

I.

Разудалая головушка,
Не знать тебѣ добра:
Худа славушка про молодца
Сбѣжала со двора;

Отъ двора къ двору по улицѣ,
Шатаючись, идетъ,—
По округѣ околесицу
Безъ-устали несетъ...

Деревеньщина разъахалась
Отъ этой отъ молвы:
„Не сносить-де свѣтъ-Иванушкѣ
Кудрявой головы...

„Экъ что вздумалъ—дочку мельника
Къ вѣнцу вести хочу,—
Рубишь деревцо высокое,
Себѣ не по плечу!

„Ужъ сидѣлъ-бы ты, бобылкинъ сынъ,
За печкою своей,—
Не смѣши, голь перекатная,
Хозяйственныхъ людей!..

„Люди добрые для праздника
Пива теперь варятъ;
Коли спьяну ты бахвалишься,
Иди—опохмѣлятъ...

„Гдѣ то видано, гдѣ слыхано.
Чтобъ справная семья
Горемыку-безлошадника
Брала себѣ въ зятья!

„Онъ вѣдь, мельникъ-то, лопатою
Добро гребетъ къ добру...
Гдѣ ужъ свататъ,— не подступишься
Къ такому-то двору!..

„У него казна, у стараго,
Кубышками лежитъ;
За семью замками дочка-то
Въ свѣтелочкѣ сидитъ...

„Эко диво, что кудрями ты
Да пѣснями богатъ!
Эка невидаль, что сладкими
Рѣчами торговатъ...

„Ты не будь пригожъ, рѣчистъ не будь.
Не пой ты, не пляши,
А сбирай-ка да припрятывай
Въ мошну свою гроши:

„Грошъ за грошикомъ къ хозяину
Копѣечку ведетъ,
А коплёная копѣечка
Цѣлковый бережетъ;

„Рубликъ къ рублику покатится—
Обстроится домокъ...
Неразумная головынька,
Побѣдный разумокъ!..

„Ужъ тебѣ-ли, непутевому,
Казну себѣ скопить,—

Было гдѣ-бы въ непогодушку
Хоть голову склонить...

„Коль въ недобрый часъ родился ты
На свѣтѣ бѣднякомъ,—
На роду тебѣ написано
Прожить вѣкъ батракомъ!..“

II.

Ой, пошла худая славушка,
Бѣжитъ—плетни плететъ...
А вѣдь дочка-то у мельника
Что маковъ цвѣтъ цвѣтетъ,—

Расцвѣтаючи, невѣстится
Отецкая краса:
У нея-ли ниже пояса
Тяжелая коса;

Не по этой-ли по косынькѣ,
По русой, по густой
Сохнутъ парни—добры-молодцы
Въ деревнѣ за рѣкой?..

Очи дѣвичьи глубокія—
Два въ полѣ василька,
Грудь лебяжья бѣлоснѣжная—
Что волны высока;

Брови—соболи сибирскіе,
Не голосъ—соловей,
Ходитъ дѣвица—что павушка
Походочкой своей;

Глянетъ красная—что солнышко
Лучами озаритъ...

Не для ней-ли ясна зоренька
Надъ мельницей горитъ?..

Ой, горитъ заря отъ вечера
До самаго утра:
Въ зиму зимскую на мельницѣ —
Весенняя пора:

Вѣетъ вьюга, по дороженькѣ
Мятелица мететъ. —
А въ тесовой теплой горенкѣ
Все свѣлитъ, все цвѣтетъ...

Хороша ты, душа-дѣвица,
Не надо ничего:
Пропадай, жизнь молодецкая,
Отъ взгляда одного!..

Коль и впрямь богатъ червонцами
Ты, мельникъ-старина.—
Передъ дочкою—что мѣдный грошъ
Копленая казна!

На казну твою не зарятся—
Кони да богатѣй.
Не давай хоть ни алтына ты
За дочерью своей,—

Отдай-выдай только ласточку —
Касаточку свою
На чужу-ль, на родну-ль сторону,
Во мужнюю семью!

Съ ней—и бѣдность за богачество
Сойдетъ для муженька,
Съ ней —и горе счастью нечутко,
И даль недалека.

Для кого цвѣтетъ-невѣстится
Красавица въ дому,—
Ни казны твоей, ни мельницы
Не надобно тому.

Не по деньгамъ сохнутъ молодцы,
Крушатся сухотой,—
По отецкой дочкѣ Машенькѣ,
Съ дѣвичьей красотой.

III.

Разудалая головушка
Молвѣ не смотритъ вслѣдъ,—
Ей ни въ чемъ на свѣтѣ удержу
И не было, и нѣтъ:

Тряхонётъ кудрями русыми,—
Была, молъ, не была:
Вся-то, вся худая славушка
Сторонкой проплыла...

Ахъ, да что до славы молодцу,—
Худа-ли, хороша-ль,
Если жизни кудреватому
За дѣвицу не жаль,

Коли сердце, разгораючись,
Безъ полымя горитъ,
Коль въ него, что ясна зоренька
Зазнобушка глядитъ...

Безъ морозу зазнобилася
Горячая душа,—
Всѣмъ на диво раскрасавица
Родилась хороша...

И зимой у красна солнышка
Разгарчивы лучи;
Поцѣлуи, ласки дѣвичьи
И въ холодъ горячи:

Обняла да приголубила—
Сердечушко зажгла;
Ночь осенняя потемная —
Что бѣлый день свѣтла...

А на грудь припала дѣвица
Да воззрилась въ глаза,
Такъ не страшны разудалому
Ни вьюга, ни гроза...

Да и что страшиться молодцу,
Коль сердце у него
Знай—твердитъ ему безъ умолку:
„Не бойся ничего!

„Для тебя цвѣтетъ-невѣстится
За рѣченькой-рѣкой
Красна-дѣвица красавица,
Ты—взялъ ея покой:

„Объ тебѣ у ней всѣ думушки,
Другихъ же—нѣтъ-какъ-нѣтъ;
Безъ тебя не знать ей радости
На зорькѣ юныхъ лѣтъ.

„Въ пору Святокъ, въ дни колядные,
Ей не о комъ гадать,—
Коль у ней ужъ все пригадано,
Коль нечего ей ждать,—

„Коль и суженый, и ряженый—
Что кладъ--достались ей

Во твоей-ли вольной волюшкѣ
Да въ удали твоей"...

Долгимъ-долги ночи зимнія,
Отцовскій крѣпокъ сонъ;
Ну, а мысли неотвязныя—
Однѣ со всѣхъ сторонъ,—

Словно пчелы вьются около:
„Навстрѣчу выходи,
Друга милаго, желаннаго
У моста подожди!.."

IV.

Ой, пришло-приспѣло времечко,
Веселая пора,- -
На Руси стоятъ-красуются
Святые вечера ..

Хорошо зазимье справила
Деревня въ этотъ годъ,
Покрова встрѣчала батюшку,
Кузьминки—въ свой чередъ;

Покузьмила-подемьянила
Честь-честью, черезъ край,
Отдала Николѣ-зимнему
Почетъ за урожай;

Отниколивши—постилася,
Филипповки блюла,
Рождество Христово зàгодя
На дворъ къ себѣ ждала...

Вотъ пришли-настали жданные,
Желанные деньки,—

Всѣмъ Христа ребята славили,
Набили кузовки:

Наметала всякой всячины,
Натискала туда
Пироговъ, лепешекъ съ пышками
Честная Коляда,—

Мѣдныхъ грошиковъ подсыпала
Въ ребячьи кошели...
Дни разгульные, веселые,
Похмѣльные пришли;

Вотъ стоятъ они, братаются
Съ родимой стороной,—
Вдоль по всей Руси повѣяло
Далекой стариной:

Пѣсни старыя подблюдныя—
Одна другой вослѣдъ,
Игры-пляски хороводныя
Шлютъ пѣснямъ свой привѣтъ...

Развеселый пиръ-бесѣдушка
И здѣсь, и тамъ, и тутъ,—
Принялся гулять-святошничать
Крещоный сельскій людъ...

Загадали красны-дѣвушки,—
Гадать не отгадать,
Для кого имъ косу дѣвичью
Придется расплетать...

Ой, вы, звѣзды, часты звѣздочки!
Не мало вы чудесъ
Въ эти чудо-ночи видите
Въ поляхъ своихъ небесъ...

Ой, вы, звѣзды, свѣтлы звѣздочки!
У васъ—игра своя;
Вы, пожалуй, и не глянули
Въ подзвѣздные края...

Вѣдь при васъ, при частыхъ звѣздочкахъ,
Ввѣряясь вамъ однимъ,
Миловалась дочка мельника
Съ соколикомъ своимъ...

Хоть не свахи ихъ сосватали—
Святые вечера,—
Разудалой-то головушкѣ
Нѣтъ худа безъ добра!..

Послѣдняя краюшка.

— „Кто нищаго напитаетъ,
Кто убогаго пріиметъ,
Отъ темныя ночи укрость,
Того Богъ не забудетъ".

Народн. стихъ духовный.

I.

Шелъ въ одеждѣ убогой
Дряхлый путникъ дорогой,
Долго шелъ, пріусталъ-притомился, —
Видитъ онъ—пашетъ пахарь,
Горя горькаго знахарь;
Путникъ пахарю слезно взмолился:

„Богъ въ дорогѣ обидѣлъ,—
Три дня хлѣба не видѣлъ,
Третьи сутки бреду я безъ крова;
Смерти близость я чую...
Дай хоть корку сухую,
Ради имени дай мнѣ Христова!"

— „Хлѣба здѣсь ты не встрѣтилъ!"—
Пахарь старцу отвѣтилъ:
Самъ я голоденъ, братъ, до истомы...
Проходилъ ты сегодня
Тамъ, гдѣ благость Господня
Богачей охраняетъ хоромы...

„Вѣдь въ посадъ заходилъ ты?
Что-же тамъ не просилъ ты?!

Пріютили-бъ тебя, напитали"...
— „Былъ я, былъ и въ посадѣ,
Всѣхъ молилъ Христа-ради,—
Проходи! Богъ подастъ!—отвѣчали"..

Пахарь—больше ни слова,—
Выпрягъ онъ воронова,
Посадилъ старца вмѣстѣ и шагомъ
За послѣдней краюшкой
Поплелся къ деревушкѣ,
Выступавшей вдали за оврагомъ...

Часъ иль два, много-мало,
Съ той поры пробѣжало,—
Пахарь къ нивѣ своей воротился;
Глядь-поглядь—что за диво:
Всколосилася нива,
Хлѣбъ, несѣянный, самъ уродился...

Урожай небывалый!
Смотритъ пахарь усталый,
Осѣняется знаменьемъ крестнымъ:
Колосъ въ колосъ пшеница
Передъ нимъ золотится,
Наливаясь зерномъ полновѣснымъ...

Вѣтерокъ, облетая
Ниву съ края до края,
Въ сердцѣ пахаря помыслы будитъ,
Что съ такой благодати
Круглый годъ въ бѣдной хатѣ
Ни нужды, ни печали не будетъ,—

Что работу онъ справитъ,
Все хозяйство управитъ,

Будетъ сытъ, что бы тамъ ни случилось,—
Что долги и оброки
Всѣ уплатитъ онъ въ сроки,
Отродяся чего не водилось...

Что откуда взялося?
Что за чудо далося?!—
Взять и въ толкъ онъ не могъ... Только было
Съ той поры всѣмъ на диво,
Что сторицею нива,
Что ни сѣялъ на ней онъ,—родила...

II.

Годы шли за годами;
Окружонъ сыновьями —
Внуковъ, правнуковъ пахарь дождался.
Вѣкъ положенный минулъ,—
Душу Богъ ему вынулъ,
Вѣчный труженикъ съ нивой разстался...

И предсталъ рабъ смиренный
Предъ Владыкой вселенной
На судилищѣ страшномъ Христовомъ
Со своими грѣхами,
Обливаясь слезами
На судѣ неумытно-суровомъ...

Былъ онъ грѣшенъ во многомъ
Предъ людьми, передъ Богомъ:
Во грѣхахъ былъ зачатъ и родился,
Жизнь во тьмѣ промаячилъ,
Въ Божій праздникъ батрачилъ,
По уставамъ святымъ не молился.

Жилъ—грѣховъ прибывало,
Добрыхъ дѣлъ было мало,—
Гдѣ ихъ помнить съ убогой избушкой?
Вдругъ—глядитъ горемыка:
Изъ святителей лика
Старецъ съ черствой выходитъ краюшкой...

Вспомнилъ грѣшникъ томимый:
„Стой! Куда ты, родимый?
Мягче хлѣба тогда не осталось!
Мо́й грѣхъ—знаю... Да что-же!
То́й краюшки дороже
И видать мнѣ вовѣкъ не случалось“...

Но идетъ дерзновенный
Ко Владыкѣ вселенной,—
Положилъ у святого подножья,
Полонъ свѣтлой отваги,
Подаянье бѣдняги;
И услышали всѣ слово Божье:

„Шелъ въ одеждѣ убогой
Петръ апостолъ дорогой,
Шелъ онъ въ день свой Петровъ предъ обѣдней;
Съ нимъ бѣднякъ этотъ пахарь,
Горя горькаго знахарь,
Подѣлился краюшкой послѣдней...

„Грѣшникъ Бога прославилъ...
Ключари, Петръ и Павелъ,
Вы берите ключи золотые.
Отмыкайте дверь рая,
Гдѣ, Христа созерцая,
Обитаютъ въ блаженствѣ святые!

„Кто земныя страданья
Несъ всю жизнь безъ роптанья.
Тѣхъ—отъ ноши грѣховъ Я избавлю...
Путь въ Мой рай не затеранъ!
Кто былъ въ маломъ Мнѣ вѣренъ.
Надо многимъ Я тѣхъ въ немъ поставлю!..“

И воспѣли всѣ лики
Славу слову Владыки:
„Милость Господа вѣкъ пребудетъ!
Кто голодныхъ питаетъ.
Кто убогимъ внимаетъ.
Богъ того никогда не забудетъ!..“

Молвь облыжная.

Молвь идетъ, что къ правдѣ путь
Заглушонъ-затерянъ...
Полно! Такъ-ли?.. Злая молвь,
Сказъ твой лицемѣренъ!..

Такъ-же слышенъ красный звонъ
На родномъ просторѣ;
Точно такъ-же, какъ и встарь,
Пышутъ въ небѣ зори;

Такъ-же нашей темнотѣ
Свѣтитъ Божье солнце,
Такъ-же льетъ оно лучи
Въ каждое оконце!..

Какъ въ давно былые дни—
Отъ конца до края
Воскресаетъ по веснѣ
Мать-Земля-Сырая...

Такъ-же—чуть изъ-подъ снѣговъ
Нива проглянула,
Бороздитъ ее сохой
Селянинъ Микула.

И теперь, какъ встарину —
Въ былевые годы,
На распаханныхъ поляхъ
Зеленѣютъ всходы;

Такъ-же, глядючи на нихъ
Молитъ Бога пахарь —
Нашъ смиренный богатырь,
Простодушный знахарь;

Живъ онъ, вѣрой сердца живъ...
И теперь какъ прежде,
Свѣтъ любви неугасимъ
Въ благостной надеждѣ!..

Кривдѣ-ль въ мірѣ правый путь
Заглушить бурьяномъ?..
Нѣтъ! Не вѣрю!.. И теперь
Онъ—открытъ всегда намъ...

Молвь облыжная, молчи!
Скройся въ бездорожье!..
На землѣ и въ небесахъ —
Правда, солнце Божье.

Пресвѣтлый рай.

I.

Отъ дней глубокой старины
Дошло до насъ преданье,
Что въ эту ночь, святую ночь,
Свершается дѣянье,—

Какому равныхъ не найти
Во всемъ, что въ мірѣ было,
О чемъ сѣдая быль вѣковъ
Вселенной возвѣстила...

Чуть только полночь возгласитъ
Пѣтухъ— нашъ сторожъ вѣчный,
Раздастся звонъ колоколовъ
Въ обители предвѣчной.

Небесъ откроются врата,
Съ выси высотъ заочной
На землю въ тотъ-же мигъ сойдетъ
Сынъ Дѣвы Непорочной;

Съ Нимъ—сонмы ангеловъ святыхъ,
Крылатыхъ воинствъ лики,
Они идутъ, они поютъ
Гимнъ Свѣтлому Владыкѣ...

Сойдетъ Христосъ, окинетъ Онъ
Весь міръ нашъ взоромъ яснымъ
И всѣхъ людей благословитъ,
Дастъ милость всѣмъ несчастнымъ:

Осушитъ слезы бѣдняковъ,
Сиротъ всѣхъ обласкаетъ,
Подниметъ падшихъ на пути,
Ободритъ—кто страдаетъ;

Прольетъ цѣлительный бальзамъ
На раны сердца наши;
И—хоть на мигъ, на краткій мигъ,
Жизнь людямъ станетъ краше...

Хоть въ ту-же ночь опять взойдетъ
На небо въ часъ урочный
Со свѣтлымъ воинствомъ Своимъ
Сынъ Дѣвы Непорочной,

Но съ той поры двѣнадцать дней—
Врата небесъ открыты
Для всѣхъ, кто ищетъ въ небесахъ
Отъ золъ земныхъ защиты...

II.

Небесный рай, пресвѣтлый рай,
За этими вратами
Открытъ землѣ двѣнадцать дней—
Со всѣми чудесами,

Во всемъ сіяньи неземномъ
Богатствъ неоцѣнимыхъ,
Во всемъ величьи тайнъ своихъ,
Всѣхъ тайнъ неизъяснимыхъ...

Семь райскихъ рѣкъ тогда съ небесъ,
Цѣлебной силой полны,
Незримо льютъ свои струи
Въ рѣчныя наши волны;

И подъ корою зимнихъ льдовъ
Во всѣхъ рѣкахъ на свѣтѣ
Кипятъ воды живой ключи
Во дни святые эти.

Цвѣтетъ пресвѣтлый Божій рай,
Струитъ благоуханья
Отъ граней вѣчности самой
До граней мірозданья;

Неизреченной красоты
Чудесъ неизреченныхъ
Полны цвѣтущіе сады
Обителей нетлѣнныхъ...

Проходитъ ночь, идетъ вослѣдъ
Ей зорька-зоряница,
Дорогу солнышку торитъ
Румяныхъ зорь царица,—

Цвѣтами сыплетъ на пути
И золотомъ червоннымъ;
Рубины, яхонты, жемчу́гъ—
Но всѣмъ небеснымъ склонамъ...

Выходитъ солнце-Святовидъ,
Забывъ съ зимою счеты,
Даритъ земли родной снѣгамъ
Обильныя щедроты;

Такъ свѣтлы яркіе лучи,
Что даже подо льдами
Вздыхаютъ въ этотъ день поля
Дремотными ростками...

III.

Ночь откровеній, ночь чудесъ.
Ночь Рождества Христова.
Въ нее—роднятся небеса
Съ землею нашей снова...

Молвь ходитъ по людямъ еще,
Что живы и доселѣ
Тѣ люди, что пресвѣтлый рай
Отверстымъ лицезрѣли:

Что—съ перекрестка трехъ дорогъ
Небесныя видѣнья
Имъ открывались въ дивный мигъ
Христова нисхожденья;

Что тайны вѣчности святой
И таинства природы
Имъ озарялися огнемъ
Божественной свободы;

Всему,—о чемъ ни попроси
Они въ тотъ срокъ урочный,
Всѣмъ ихъ желаніямъ внималъ
Сынъ Дѣвы Непорочной...

Достойныхъ меньше—что ни годъ
Подъ солнечной короной,
На позабывшей рай землѣ,
Враждою затемненной...

Но, если праведники есть,
О чемъ могли-бъ молиться
Они въ тотъ мигъ, когда-бъ имъ могъ
Пресвѣтлый рай открыться?

Молиться есть о чемъ!.. Молитвъ
На свѣтѣ не достало-бъ,
Чтобъ въ нихъ излить всю скорбь сердецъ,
Всѣ стоны горькихъ жалобъ...

Міръ залитъ кровью; нѣтъ конца
Борьбы кровавой пиру...
Сынъ Непорочной Дѣвы! Миръ
Пошли больному міру!..

Декабрь 1904 г

Дѣва Обида.

(Воскресшее преданіе.)

— — —

....встала Обида въ силахъ Дажьбожа
внука, вступила дѣвою на землю...“

Слово о полку Игоревѣ.

I.

Въ годы глубокой, сѣдой старины —
Въ дни-ль, когда братъ поднималъ мечъ на брата,
Въ дни-ли, когда пламя грозной войны
Несъ весь народъ на врага-супостата,—

Въ горнихъ чертогахъ Даждь-бога темнѣлъ
Пламенникъ солнца, горѣвшій въ дни мира,
Взоръ лучезарнаго бога тускнѣлъ —
Взоръ, оживляющій нажити міра.

Днемъ въ небесахъ воцарялася ночь,
Лютой вражды знаменуя посѣвы;
Мигъ проходилъ—и любимую дочь
Въ міръ слалъ Даждь-богъ... Краше не было дѣвы

Ни въ небесахъ, ни на грѣшной землѣ:
Очи у ней, словно море, синѣли,
Рдѣли лапиты зарей, на челѣ—
Три огнецвѣтныхъ звѣзды пламенѣли,

Грудь поднималась могучей волной,
А за плечами у ней трепетали
Два лебединыхъ крыла,—бѣлизной
Снѣга бѣлѣе на солнцѣ блистали...

Дѣвой Обидой звалася она;
Знали Земли Святорусской баяны
Дѣву небесъ,—рокотала струна
Имъ про нее, оглашая всѣ станы...

Тамъ, гдѣ сшибались мечи о мечи,
Тамъ, гдѣ поля орошалися кровью,
Дѣва Обида летала въ ночи,
Пламя вражды погашая любовью.

Не было въ мірѣ сильнѣй той любви;
Рѣяла дѣва надъ пивой кровавой,
Бѣлыя крылья мочила въ крови,
Пѣла пѣснь скорби надъ ратною славой,—

Съ браннаго поля летѣла съ зарей
Въ страны, откуда шла ратная сила,
Съ крыльевъ своихъ весь просторъ полевой
Кровью бойцовъ, что росою, кропила...

Миръ наставалъ, затихала война, —
Но еще долгіе-долгіе годы
Въ мирныхъ поляхъ злой вражды сѣмена
Пахарямъ слали кровавые всходы:

Властно стучалася въ двери нужда,
Смута вослѣдъ ей лилася волною,
Голодъ шелъ объ-руку съ нею всегда,
Горькое горе бродило страною...

II.

Шли, за вѣками вѣка пронеслись;
Люди давно про Даждь-бога забыли,
Всѣхъ, кто богами и послѣ звались,
Въ безднѣ забвенья они схоронили;

Бора иного познали они —
Бога добра и любви безконечной,
Свѣтитъ Онъ міру всѣ ночи, всѣ дни
Свѣточемъ пламеннымъ Истины вѣчной;

Славы не ищетъ Онъ, жертвы не ждетъ,
Весь Онъ—и свѣтъ, и любовь, и прощенье,
Всѣхъ Онъ надеждою къ вѣрѣ зоветъ,
Всѣмъ отверзаетъ Онъ двери спасенья...

Но и теперь злоба въ мірѣ жива,
Братъ возстаетъ, какъ и прежде, на брата,
Какъ и въ Даждь-боговы годы—молва
Видитъ въ народѣ чужомъ супостата...

Злая, слѣпая, больная вражда
По людямъ сѣетъ безумія сѣмя,
Всходы кровавые нивы труда
Такъ-же даютъ въ наше свѣтлое время...

Чуткое сердце, баянъ вѣщій мой!
Слышишь-ли ты, какъ сейчасъ по яругамъ
Странъ, обагренныхъ кровавой волной,
Стаи вороньи летятъ другъ за другомъ?

Видишь—кружатъ надъ добычей они?
Видишь волковъ, изъ лѣсовъ набѣжавшихъ?
Въ наши пожаромъ горящіе дни
Хищники спорятъ надъ трупами павшихъ...

Бурею мчится вражда по землѣ,
Бурею отъ моря мчится до моря;
Молніи блещутъ въ дымящейся мглѣ,
Громы съ громами сшибаются, споря...

Чуешь-ли, сердце-вѣщунъ,—не избыть
Горя лихого намъ долгіе годы:
Будутъ, какъ въ пору Даждь-бога, дарить
Нивы намъ тѣ-же кровавые всходы...

Зори багряныя въ небѣ встаютъ,
Волнами крови свѣтъ дня возвѣщаютъ:
Съ моря потемныя тучи плывутъ,
Краснаго солнышка ликъ заслоняютъ:

Громче и громче все громъ роковой,
Не заглушить его воплямъ безсилья:
Дѣва Обида летитъ надъ землей,
Мочитъ въ крови лебединыя крылья!..

14 февраля 1905 г.

Про царя Богомира, про царевну Прекрасу да про Свѣтозара королевича.

I.

Въ годы старые, не въ нашемъ царствѣ,
Въ государствѣ тридесятомъ славномъ,
Богомиръ, любимый всѣмъ народомъ,
Царствовалъ въ величіи державномъ.

„Царь-мудрецъ"—его сосѣди звали,
„Царь-отецъ"—народъ весь славословилъ,
Весь свой вѣкъ онъ лжи и зла чурался,
Весь свой вѣкъ добру не прекословилъ.

Съ юныхъ дней онъ былъ угоденъ Небу,
Съ юныхъ дней до старости преклонной
Ни одна проплыть не смѣла тучка
Надъ его священною короной.

Богъ взыскалъ щедротами Своими
Богомира ласковаго царство, —
Процвѣтало въ мирѣ и довольствѣ,
Богатѣло - крѣпло государство...

Всѣмъ былъ счастливъ, всѣмъ былъ царь доволенъ,
Но таилась на сердцѣ кручина:
Не давалъ Господь царю съ царицей
Ни царевны-дочери, ни сына.

Подошла неслышнымъ шагомъ старость,
Пала дума въ душу Богомиру:

„Некому мнѣ будетъ и оставить
Скипетръ мой, корону и порфиру!“

Сталъ молиться онъ съ утра до ночи,
Отъ зари вечерней до разсвѣта,—
И услышалъ Богъ его молитву,
Не оставилъ просьбу безъ отвѣта:

Богъ послалъ подъ старость утѣшенье,
Далъ царю съ царицею усладу,—
Родилась царевна у народа,
Богомира царству на отраду...

Радъ былъ царь, больнѣй того—царица,
Вся страна — отъ стара и до мала —
Заодно съ державною четою
Ликованьемъ свѣтлымъ ликовала;

Даже солнце съ неба голубого,
Что надъ царствомъ тѣмъ распростиралось,
Даже солнце счастью Богомира
И теплѣй, и ярче улыбалось...

II.

То не звонъ раздался колокольный,
Оглашая горы и долины,—
Бирючи народъ весь Богомировъ
Въ стольный городъ кличутъ на крестины...

Ѣдутъ гости званые безъ счета
Къ Богомиру доброму въ палаты,—
Шлютъ гостей боярскія хоромы,
Шлютъ гостей селеній скромныхъ хаты;

Нѣтъ отказа никому въ пріемѣ,
Честью просятъ: „Милости пожалуй!

[illegible] пиръ крестильный пиръ на славу,
[illegible] пиръ—пиръ небывалый;

[illegible] царь не пожалѣетъ,
[illegible] онъ дарами,
[illegible] радость царскую раздѣлитъ
[illegible] столами!

[illegible] городъ весь—его палаты,
[illegible] мѣста, угощенья станетъ!..
Идутъ, ѣдутъ гости къ Богомиру,
Какъ волнамъ моря—имъ конца нѣтъ..

„Какъ назвать мнѣ дочку?"—слово молвилъ
Царь гостямъ... На зовъ царёва гласа
Прокатился громомъ кликъ народный:
„Буди здрава, юная Прекраса!.."

Поднялися, серебристымъ звономъ
Прозвенѣли, опустѣли чары:
По струнамъ ударили гусельнымъ
Въ честь Прекрасы вѣщіе гусляры...

День, и два, и три, и всю недѣлю —
Пиръ-горой въ ликующей столицѣ;
Всѣхъ созвали бирючи на праздникъ,
На крестины къ новой царь-дѣвицѣ, —

Всѣхъ созвали, да забыли только
Пригласить на радость прибылую
Черногнѣву—жрицу силы темной,
Черногнѣву—чаровницу злую...

Подъ исходъ клонилось столованье,
День седьмой все ближе шелъ къ закату,—

Вдругъ взошла непрошеной-незваной
Лиходѣйка въ красную палату;

Поклонилась въ поясъ Богомиру, —
Доброю прикинулась, безгнѣвной, —
„Буди здравъ“,—сказала,—„царь съ царицей.
Съ богоданной дочкою-царевной!

„Жить тебѣ да царствовать во славу,
А царевнѣ—красоваться въ жизни,
Расцвѣтать все краше да пышнѣе
На усладу матери-отчизнѣ!..

„Не по днямъ, а по часамъ, расти ей,
Съ красотой вовѣкъ не разставаться!“
Поклонилась вѣдьма, вышла за дверь...
По домамъ всѣ стали разъѣзжаться...

Проводилъ честныхъ гостей хозяинъ;
День прошелъ и два минýло съ пира, —
Ни одна-то думушка собою
Не темнила счастья Богомира:

Свѣтелъ сердцемъ, радостенъ душою —
Сталъ онъ жить да поживать съ царицей
Да съ царевной-дочкою Прекрасой,
Съ богоданной царству царь-дѣвицей...

III.

Все сбылось по слову Черногнѣвы:
Не по днямъ, а по часамъ, Прекраса
Возрастаетъ, красота царевны
Расцвѣтаетъ ярче часъ отъ часа.

Богомиръ души не чаетъ въ дочкѣ, —
Не по лѣтамъ дочка входитъ въ разумъ,

А ужъ краше—въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Не найти и соколинымъ глазомъ...

Не успѣлъ нарадоваться вволю
Добрый царь на дочь-малютку,—вмѣсто
Малой крошки, ангела-дитяти,
Во дворцѣ ни дать, ни взять—невѣста:

Алой зорькой рдѣется румянецъ,
Не глаза, а двѣ звѣзды, блистаютъ,
Грудь—что лебедь бѣлый, шея—кипень,
Битый часъ ей косу заплетаютъ;

Очи—звѣзды, гляпешь въ пихъ—утонешь,
Слово молвитъ—все отдай, да мало,
Запоетъ—и въ хорѣ соловьиномъ
Голосовъ звончѣе не бывало.

До всего умомъ своимъ доходитъ,
На совѣтъ горазда не дѣвичій:
Все у ней одно другого стоитъ—
Нравъ, краса, повадка и обычай...

„Дочь такая—сына мнѣ замѣнитъ!“ —
Мыслитъ царь-отецъ, не надивуясь,
На красу ея, на быстрый разумъ
Что ни день—все болѣе любуясь...

Разъ призвалъ онъ всѣхъ мужей совѣта
И сказалъ: „Народу въ оборону—
Завѣщаю дочери Прекрасѣ
Скипетръ свой, порфиру и корону;

„Я умру—она царемъ вамъ будетъ!..“
Царь замолкъ... Воскликнули всѣ:—„Слава

Богомира мудраго рѣшенью!
Да цвѣтетъ отцовъ твоихъ держава!..“

Бирючи собрали людъ крещоный
Ко дворцу, на царское созванье;
Вышелъ царь съ царевною къ народу,
Объявилъ завѣтное желанье...

„Любо-ли рѣшеніе такое?“ —
Онъ спросилъ...—„Ой, любо!“—прокатился
По народу кликъ тысячеустый...
Три дня городъ стольный веселился,

Пировалъ за браными столами,
Вспоминалъ, пируя, о крестинахъ;
Откликъ здравицъ шумныхъ въ честь Прекрасы
Слышенъ былъ въ лѣсахъ, въ горахъ, въ долинахъ...

Долетѣлъ онъ и до той трущобы,
Гдѣ жила лихая чародѣйка, —
На костыль дорожный опираясь,
Поплелась въ столицу лиходѣйка:

„Про меня опять вы позабыли!..
Крѣпко помнить съ этихъ поръ придется
И царю, и всѣмъ его боярамъ,—
Навѣкъ намять обо мнѣ проснется!..“

Добрела старуха до заставы,
Костылемъ надъ городомъ взмахнула,—
Въ тотъ-же мигъ столица Богомира,
Каменѣя, мертвымъ сномъ заснула...

IV.

Жилъ да былъ въ тѣ дни не въ нашемъ царствѣ,
Въ государствѣ славномъ тридевятомъ,
Свѣтозаръ, кудрявый королевичъ,
Шести братьямъ бывшій младшимъ братомъ...

„Старшему отдамъ я королевство“, —
Имъ отецъ промолвилъ при кончинѣ,—
„Вы-же всѣ некупленныхъ удѣловъ
Для себя ищите на чужбинѣ!“

Сыновья отца похоронили,
Справили по немъ честь-честью тризну,
На престолъ отцовскій сѣлъ братъ старшій,
Младшіе — покинули отчизну:

Пять дружинъ огонь и мечъ съ собою
Понесли въ далекіе предѣлы,—
Пять вождей, пять братьевъ съ ними вышли
Добывать отвагою удѣлы.

Братъ меньшóй не внялъ примѣру старшихъ. —
Не сзывалъ подъ стягъ подъ ратный люда,
Осѣдлалъ любимаго коня онъ,
Захватилъ лишь гусли-самогуды;

Поклонился дорогой могилѣ,
Горсть земли съ нея взялъ на прощанье
И поѣхалъ за рубежъ родимый
Выполнять отцово завѣщанье. .

Былъ не схожъ онъ съ братьями по нраву,
Не искалъ себѣ онъ славы бранной.
Сердце въ немъ горѣло лишь любовью,
Пламенѣло вѣрой невозбранной;

Былъ до пѣсенъ съ малыхъ лѣтъ охочъ онъ,
Свѣтозару гусли замѣняли
Всѣ утѣхи молодости вольной,
Врачевали юныя печали...

Ѣдетъ онъ дорогой прямоѣзжей,
Всюду радость пѣсни разливаетъ,

Всюду—гость желанный путникъ чуждый:
Ѣдетъ онъ, конца пути не знаетъ...

Много-ль, мало-ль времени минýло,—
По пути заѣхалъ конь съ гусляромъ
Въ стольный городъ царства Богомира,
Непробудно спавшій, внемля чарамъ.

Ко дворцу подъѣхалъ королевичъ,—
Люди-камни—у воротъ на стражѣ,
Мертвымъ сномъ все спитъ въ палатахъ царскихъ:
Оторопь взяла гусляра даже:

„Что́ за диво!“—идучи, онъ мыслитъ;
Чудеса—чуднѣе часъ отъ часа...
Видитъ онъ—спитъ царь сѣдобородый
На престолѣ, о́-бокъ съ нимъ—Прекраса...

Какъ взглянулъ на спящую царевну,
Сердце въ немъ истомой затомилось, —
Красоты такой, не только въ-явѣ,
И во снѣ еще ему не снилось...

Долго молча ей онъ дивовался,
Звалъ ее, будилъ,—мертва, что камень;
Разгорѣлся въ сердцѣ Свѣтозара
Знойной страсти животворный пламень,—

Сѣлъ къ подножью царскаго престола,
Словно самъ заворожонный чудомъ,
Глазъ не сводитъ; а рука гусляра —
Потянулась къ гуслямъ-самогудамъ...

V.

Загудѣли гусли, зазвенѣли,
Полилася пѣснь въ честь царь-дѣвицы, —
Всколыхнулась грудь ея лебяжья,
Дрогнули потёмныя рѣсницы...

Пѣснь—звончѣй все... Вспыхнулъ зорькой алой
На щекахъ румянецъ, взоръ открылся,
Пробудилась юная Прекраса:
Богомиръ сѣдой зашевелился..

Въ тотъ-же мигъ распались злыя чары
Надо всѣмъ окаменѣлымъ царствомъ,
Пышныя наполнились палаты
Пробужденнымъ ото сна боярствомъ...

„Кто ты?!“—молвилъ Богомиръ пришельцу,—
„Не знавался я съ такимъ гусляромъ!..“
— „Гость заѣзжій, изъ страны далекой,
Королевичъ, звали Свѣтозаромъ!

„Насъ семь братьевъ было; на престолѣ
Старшій сѣлъ по отчему завѣту,
Пятеро—искать себѣ удѣловъ
Съ ратной силой разошлись по свѣту;

„Я—одинъ—не созывалъ дружины...
Богъ меня привелъ къ тебѣ не даромъ,—
Пріюти скитальца, вѣрнымъ будетъ
Онъ тебѣ слугою и гусляромъ!..“

Осѣнило свыше Богомира,—
Всталъ съ престола:—„Не слугой, а сыномъ,
Мнѣ ты будешь, гость мой богоданный!..“
День прошелъ—и снова по долинамъ,

По горамъ, по залѣсью раздался
Бирючей призывный кличъ,—сзывали
Божій людъ на новый пиръ въ столицу...
Три недѣли гости пировали,

За здоровье пили да за счастье
Молодыхъ,—забыли счетъ и чарамъ,

Выпитымъ за юную Прекрасу
Съ нареченнымъ мужемъ, Свѣтозаромъ...

Годъ прошелъ; почилъ, дождавшись внука,
Богомиръ... Съ Прекрасою на царствѣ
Свѣтозаръ сидѣть сталъ, правду Божью
Сочетавъ съ любовью въ государствѣ...

Миръ да ладъ, какъ прежде, въ немъ царили,
Жили всѣ, не вѣдая печали;
А про злыя чары Черногнѣвы
Слово здѣсь и слыхомъ не слыхали...

VI.

Быль то, сказка старая-ли это,—
Только, внемля гусель перебору,
Долго-долго сказъ тотъ повторяли
По всему славянскому простору...

Къ намъ, на Русь, занесъ Стрибожичъ-вѣтеръ
Этотъ сказъ съ кургановъ дальней дали;
Мнѣ—о немъ рѣки могучей волны,
На утесъ взбѣгая, разсказали...

Гой еси, Стрибожичъ, вѣтеръ вольный!
Гой ты, Волга-матушка родная!..
Любо слушать мнѣ сказанья ваши,
Любо пѣть ихъ, гуслямъ мысль ввѣряя...

Ой вы, гусли! Ой вы, струны сердца!..
Не смолкайте, пойте въ ладъ звончѣе;
Пойте такъ, чтобъ весь народъ родимый,
Слыша васъ, на жизнь глядѣлъ бодрѣе!..

Январь 1905 г.

Жрецы Чернобога

Раскинулась по́ небу звѣздная розсыпь,
Горитъ весь небесный шатеръ;
Чернѣетъ вдали великаномъ угрюмымъ
Разубранный инеемъ боръ...

Я по полю ѣду, по бѣлому полю
На быстромъ, какъ птица, конѣ;
Чуть видно въ снѣгахъ полевую дорогу.
Лѣсъ темный—все ближе ко мнѣ...

Вотъ ели да сосны меня обступили,
Все сосны да ели кругомъ,
Куда ни посмотришь—стоятъ онѣ всюду
Въ зеленомъ нарядѣ своемъ;

Склонили подъ снѣгомъ могучія вѣтви,
Вершинами глухо шумятъ,—
Мнѣ слышится въ шумѣ ихъ вѣщее слово:
„Ѣздокъ! Воротися назадъ!..

„Не ѣзди по этой дорогѣ безлюдной!..
Куда ты? Куда-же?!. Постой!..
Тамъ нѣжить лихая тебѣ попадется...
Есть время,—вернися домой!..“

Я ѣду впередъ, все быстрѣе лечу я,
Храпитъ мой измученный конь...
Вдругъ вижу—въ охваченной сумракомъ чащѣ
Мелькнулъ предо мною огонь...

Что будетъ—то будетъ!.. Коня погоняю;
Все глуше, грознѣе все боръ...
Смотрю—подъ огромною старой сосною
Горитъ на полянѣ костеръ...

Какъ вкопанный, всталъ мой конь вѣрный, ни съ мѣста,
Предъ самой поляною той;
Гляжу—у костра собрались семь старцевъ,
Что старецъ—то вровень съ сосной;

Всѣ—въ саванахъ черныхъ, лишь снѣга бѣлѣе
Косматыя пряди волосъ,—
Стоятъ, надъ костромъ наклоняются молча...
Вдругъ—вѣтеръ мнѣ голосъ донесъ;

Сказалъ средній старецъ:—„Внимайте, внимайте!
Меня вѣщій духъ осѣнилъ,—
Недаромъ сегодня сюда собрались
Мы, братья, изъ нашихъ могилъ!..

„Недаромъ костеръ мы зажгли Чернобогу,
Недаромъ ему принесли
Мы въ жертву невинное сердце младенца—
Надежду родимой земли!..

„Всѣ тайны я знаю!.. Сразилъ онъ Бѣлбога;
Побѣды я вижу слѣды:
Свѣтъ міра погаснетъ подъ тяжкою дланью
Отца и владыки вражды...

„Кровь льется повсюду, идетъ братъ на брата,
Народъ возстаетъ на народъ;
Ни воплямъ, ни стонамъ Бѣлбогъ не внимаетъ,
Къ отмщенью жрецовъ не зоветъ...

„О, братья, ликуйте!.. Приблизилось время
Для нашихъ забытыхъ кудесъ:

Погасимъ мы солнца лучистаго пламя,
Потушимъ всѣ звѣзды небесъ!..

„Какъ встарь—дѣти мрака—мы властвовать будемъ
Надъ рабскою челядью зла,
Зачатки добра мы развѣемъ по вѣтру,
Сожжемъ алтари всѣ до-тла!..

„О, братья! Мы тысячи лѣтъ пролежали
Подъ спудомъ забытыхъ могилъ,
И—часъ нашъ приспѣлъ, часъ насталъ Чернобога,
Часъ темныхъ, незыблемыхъ силъ...“

Замолкъ древній старецъ... Костеръ началъ гаснуть:
Зловѣщій почудился гулъ;
Окутало дымомъ лѣсную поляну...
Конь вѣрный мой съ мѣста рванулъ

И лѣтомъ помчался впередъ по дорогѣ,
Какъ-будто кто гнался за нимъ...
„Ой, горюшко-горе! Ой, лютое горе
Нависло надъ краемъ роднымъ!

„Ой, горюшко-горе!..“—мнѣ слышались стоны
Съ обѣихъ сторонъ, гдѣ стѣной
Подъ осыпью снѣжной клонилися сосны
Надъ спѣгомъ одѣтой землей...

„Ой, горюшко-горе!..“—вершины шумѣли...
А сердце стучало въ груди:
„Не вѣрю! Свѣтъ вѣчепъ!.. Взойдетъ наше солнце!..
Сгинь, сила тьмы! Сгинь-пропади!..

„Не вѣрю твоимъ волхованьямъ, кудесникъ!
Ты—призракъ и твой Чернобогъ!
Ты—призракъ, подземная темная сила,
На нашемъ распутьи дорогъ!..

„Бѣлбогъ побѣдилъ,—старина мнѣ вѣщаетъ;
Я вѣрю въ ея мудрый сказъ...
Царь-Солнце сіяетъ надъ Русью Святою,
Свѣтъ вѣры и правды—за насъ!..“

Я изъ лѣсу выбрался, по полю ѣхалъ;
Звѣздъ не было, зàзори шли
И зимнее утро, румяное утро,
Всплывало надъ гранью земли...

То явь-ли была, навожденье-ль,—не знаю...
Мой конь—моя дума—со мной:
Везетъ меня вѣрной дорогою къ цѣли,
Для русскаго сердца родной...

Во дни, когда тьма ополчается злая
И смута грозитъ впереди,
Горитъ мое сердце, и вторю я сердцу:
„Сгинь, сила тьмы! Сгинь-пропади!..“

17 января 1905 г.

Мать-Сыра-Земля.

Матерински-чуткимъ слухомъ
Горю горькому внемля,
Плачетъ жгучими слезами.
Стонетъ Мать-Сыра-Земля;

Плачетъ, слезно причитая,—
Не унять горючихъ слезъ,
Тяжкихъ стоновъ не подъ силу
Заглушить раскатамъ грозъ!

Льются слезъ ручьи-потоки,
Разливаются кругомъ,
Плещутъ до́ неба волнами.
Съ неба падаютъ дождемъ.

День и ночь родная плачетъ,
Все сильнѣй день-ото-дня:
—„Охъ, зачѣмъ вы, люди-дѣти,
Кровью залили меня!..

„Ужъ не я-ли, дѣти-люди,
Вамъ родимою была;
Ужъ не я-ли васъ кормила,
Одѣвала, берегла!..

„Ужъ не я-ль васъ пригрѣвала
На живой груди моей,
Ужъ не я-ли вамъ растила
Удальцовъ-богатырей!..

„Нѣтъ Сырой-Земли добрѣе,—
Кто бездомникомъ живетъ,
Такъ и тотъ во мнѣ, по смерти,
Навѣкъ домъ себѣ найдетъ...

„Въ дѣтяхъ пасынковъ не знаю,
Приголубить рада всѣхъ;
Всѣмъ хватило бы съ избыткомъ
Доброй матери утѣхъ!..

„Я дѣлилась-бы со всѣми,
Всѣхъ отъ лютыхъ бѣдъ храня;
Нѣтъ богаче, нѣтъ щедрѣе,
Нѣтъ привѣтливѣй меня..

„Для меня нѣтъ ни счастливцевъ,
Ни бездольныхъ бѣдняковъ,—
Всѣмъ равно я дать готова
Хлѣбъ и соль, пріютъ и кровъ...

„Ваши прадѣды и дѣды
Спятъ въ объятіяхъ моихъ,
Въ вѣкъ изъ вѣка я покою—
Убаюкиваю ихъ...

„Я расцвѣтъ встрѣчала первой
Свѣта бѣлаго весны
Въ годы ранніе далекой
Стародавней старины.

„Чуть лишь властный взглядъ Даждь-бога
Міръ дремавшій озарилъ,
Къ вѣчной жизни пробудился
Кладъ моихъ могучихъ силъ.

„Всей красой своей блистая,
Подняла ихъ тяжкій грузъ

Я, вступивъ со свѣтлымъ богомъ
Въ неразрывный нашъ союзъ.

„Всѣ дары полей привольныхъ,
Дань лѣсовъ, морей и горъ
Раздавать я людямъ стала
Невозбранно съ этихъ поръ.

„Научила добывать я
Всѣ сокровища мои,
Поднимать велѣла водамъ
Я ладьи и корабли.

„Хлѣбъ растить я стала дѣтямъ
На распаханныхъ поляхъ,
Травы-злаки кормовые
На долинахъ и лугахъ.

„Въ зимній холодъ чуткой дрёмой
Я дремлю; придетъ весна—
Всю природу пробуждаю
Къ новой жизни ото сна.

„Мирный трудъ благословляю
И сторицей за него
Воздаю я всѣмъ любовно
Изъ богатства моего.

„Чѣмъ ко мнѣ—родимой—ближе
Сынъ мой, пахарь, съ дѣтскихъ лѣтъ,—
Тѣмъ въ душѣ его пышнѣе
Расцвѣтаетъ правды цвѣтъ!..

„Шли вѣка своей стезею,
Измѣнялись времена,—
Материнскою любовью
Я, какъ встарь, была полна...

„Люди множились-плодились,
Уступали путь другимъ,—
Все щедрѣй дары природы
Расточала я всѣмъ имъ.

„Знала я, что люди—братья,
Дѣти матери одной,—
Всѣмъ внимала, всѣхъ прощала,
Всѣхъ равняла предъ собой...

„Что-жъ мнѣ видѣть привелося?—
Сѣетъ сѣмя ложь-вражда
На поляхъ любви завѣтной,
Вольныхъ пажитяхъ труда.

„Что ни годъ, —все тяжелѣе
Мнѣ становится дышать;
Дѣти-люди забываютъ,
Что одна у всѣхъ нихъ мать...

„Стало тѣсно братьямъ-людямъ
Въ мірѣ злобы и тревогъ,—
Словно негдѣ разойтись имъ
По распутіямъ дорогъ;

„Словно мало всѣмъ имъ мѣста
На родной груди моей,
Словно больше нѣтъ на свѣтѣ
Ни лѣсовъ и ни степей...

„Закаленные разладомъ—
О мечи звенятъ мечи,
Дымомъ пушекъ заслоняетъ
Солнца краснаго лучи;

„Льется наземь кровь родная,
Крови—море-океанъ,

Надо мною отовсюду
Всплылъ слѣпой вражды туманъ;

„Рѣютъ, вьются средь тумана
Злые призраки невзгодъ;
Стонъ не молкнетъ, вопль за воплемъ
Къ сердцу матери идетъ...

„Охъ, не выплакать мнѣ горя,
Не размыкать грусть-печаль:
Боль дѣтей моихъ больна мнѣ,
Всѣхъ-то ихъ равно мнѣ жаль!..“

Плачетъ Мать-Земля-Сырая,
Все сильнѣй день-ото-дня:
—„Охъ, зачѣмъ вы, дѣти-люди,
Кровью залили меня!..“

10 августа 1905 г.

Богатыри.

„Перевелись богатыри,
Ихъ въ наше время нѣтъ на свѣтѣ...“—
Всѣ говорятъ... Зазорно мнѣ
И слушать даже рѣчи эти!

Какъ нѣтъ у насъ богатырей?!.
Святая Русь богата ими;
Пускай не тѣ они съ лица,
Пусть имъ дано другое имя...

Бокъ-о-бокъ съ нами—что ни день—
Они проходятъ чередою,
Незамѣчаемы одной
Пустой и праздною толпою;

Имъ не гремитъ вослѣдъ хвала,
Не воспѣваютъ ихъ гусляры,—
Но ихъ не будь—отчизну-мать
Совсѣмъ затмили-бъ злыя чары!

Дѣла великія подчасъ
Вершатъ они въ тиши, незримо,
Безсмертью подвиговъ своихъ
Храмъ возводя неутомимо.

За камнемъ камень—онъ растетъ
Надъ чахлой жизненною степью
Изъ лона Матери-Земли
Несокрушимой, вѣчной крѣпью.

Ударитъ часъ—и въ этотъ храмъ
Молиться придутъ безъ смущенья
Духъ закалившія въ борьбѣ
Родныя наши поколѣнья...

Провижу сердцемъ я тотъ день,
Когда надъ пажитью привольной
Съ его священной высоты
Трезвонъ раздастся колокольный;

Могучъ и зыченъ, и великъ —
Онъ, отгоняя прочь невзгоду,
День воскресенья возвѣститъ
Родному пахарю-народу;

Отъ нивы къ нивѣ, отъ села
Ко всѣмъ селеніямъ безвѣстнымъ
Онъ пронесется, прогремитъ
Благовѣстителемъ чудеснымъ.

Его заслыша, кривды тьма
Сойдетъ съ лица земли родимой
Предъ свѣтомъ правды вѣковой,
Какъ солнца ликъ—неугасимой...

Онъ близокъ, близокъ — этотъ день,
Свѣтлѣетъ сумракъ ночи мглистой,
Востокъ готовится зардѣть
Зарею пламенно-лучистой...

Пусть эта поздняя заря
Многовѣковой нашей ночи
Прозрѣть заставитъ и слѣпцовъ
Со тьмою свыкшіяся очи!

Пусть этотъ свѣтлый, новый день
Разбудитъ въ насъ самосознанье,

Мощь къ жизни вызванныхъ началъ
Всю обративъ на созиданье!

Пусть будетъ онъ согрѣтъ огнемъ
Любви и доблести, и силы;
Пусть новой славой осѣнитъ
Богатырей родныхъ могилы!..

Ихъ много спитъ въ землѣ сырой,
Спятъ о-бокъ съ ними ихъ баяны;
Но память вѣчную хранятъ
О нихъ безмолвные курганы;

Ихъ духъ въ народѣ не угасъ,
Имъ—живо даже въ наше время
Вѣками тягостныхъ невзгодъ
Не сокрушаемое племя!..

„Перевелись богатыри"...
Неправда!.. Идутъ вмѣстѣ съ нами
Одной дорогою они
Отчизны-матери стезями;

Съ открытой бурямъ головой,
Передъ бѣдой не отступая,
Они вершатъ свои дѣла,
Ни сна, ни отдыха не зная;

Ихъ духъ могучъ, силенъ размахъ,—
Какъ ни гнететъ ихъ жизнь сурово,
Живъ богатырь—народный Трудъ,
Живъ богатырь—родное Слово!..

Трудъ-богатырь, передъ тобой
Не устоять рѣчамъ безплоднымъ,
Съ тобой не выдержать борьбы
Всѣмъ умозрѣніямъ холоднымъ!

Воспрянешь—чудо совершишь,
Тряхнешь плечами—сдвинешь горы,
Какъ пыль налетную сметешь
Враговъ заклятья-наговоры!..

Родное Слово, правды рѣчь
Въ твоихъ рукахъ—грознѣй булата,
Разитъ она навѣрняка
Родныхъ завѣтовъ супостата...

Неисчерпаемый родникъ
Воды живой, ты шлешь допынѣ
Преданій вѣщія струи
Палимой жаждою пустынѣ...

Идите дружною четой,
Цвѣтите, ввѣкъ не отцвѣтая,
Страны родной богатыри!
Благослови ихъ, Русь Святая!...

2 мая 1905 г.

V.

ОТГОЛОСКИ.

На перепутьи.

На перепутьи мы стоимъ,—
Тоска, тревога и смущенье,
Едва мерцаетъ вдохновенье
Надъ этимъ сумракомъ больнымъ...

Что дѣлать, другъ мой!—надо ждать,
Всѣмъ сердцемъ вѣрить въ то, что вскорѣ
Зажгутся-вспыхнутъ жизни зори,
Чтобъ никогда не угасать!..

Грядущій день намъ дастъ отвѣтъ
На все, къ чему съ безумной жаждой
Теперь стремится каждый, каждый —
Кому не тьма нужна, а свѣтъ.

Смотри—бѣжитъ и таетъ мгла...
Впередъ, впередъ! Тамъ—счастья всходы,
Тамъ—солнце жизни и свободы
На рубежѣ добра и зла!..

Въ добрый часъ!..

Проходитъ ночь, рѣдѣетъ тьма,
Заря всполохами играетъ,
И ниву жизни озаряетъ
Разсвѣтъ народнаго ума...

На всю родную даль и ширь,
Какъ звонъ пасхальный переливный,
Волнами льется кличъ призывный:
„Проснись, могучій богатырь!“

Заслышалъ дремлющій народъ
Передразсвѣтную тревогу,—
Благословяся, въ путь-дорогу
Толпами дружными идетъ...

Онъ утолитъ—всесильный свѣтъ—
Духовный голодъ, жажды пламень..
Кто-жъ вмѣсто хлѣба далъ-бы камень
Народу темному въ отвѣтъ?!.

Проникнетъ свѣтъ во всѣ концы,
Разбудитъ сонныя селенья...
Смѣлѣе, други просвѣщенья!
Мужайтесь, мирные бойцы!..

Кто не за васъ—народу врагъ!
Не даромъ вашъ призывъ несется:
Вся Русь народная проснется,
Предъ солнцемъ знаній — сгинетъ мракъ!..

Родная нива.

Нива родная, могучій просторъ!
Тянешься ты безъ конца и безъ края —
Отъ моря до моря, съ горъ и до горъ,
Русскую душу красою лаская...

Нива родная, съ зари до зари
Потомъ, слезами тебя поливали
Русскіе пахари-богатыри—
Дѣти славянской любви и печали...

Нива родная, семь синихъ морей
Твой необъятный просторъ омываютъ,
Словно гордясь красотою твоей,
Міру про славу твою возвѣщаютъ.

Нива родная, недаромъ бойцы
Десять вѣковъ за тебя умирали—
Тамъ, гдѣ костьми полегли ихъ отцы,
Тамъ, гдѣ ихъ дѣти росли и мужали...

Нива родная! Красуйся, цвѣти,
Будь колыбелью гиганту-народу,
Новыхъ сыновъ богатырскихъ расти,
Вѣрой и правдой вѣнчая свободу!..

Слово.

(Посвящ. А. В. Круглову.)

1.

Слово завѣтное, слово любви,
Кроткое, доброе слово привѣта,
Сколько ты будишь надеждъ молодыхъ.
Хмурая осень тобою согрѣта!

Къ сердцу отъ сердца ты прямо идешь,
Нѣтъ для тебя ни тропинки окольной;
Свѣтелъ въ дни счастія тихій твой зовъ,
Свѣтелъ твой откликъ въ кручинѣ бездольной.

Ложь и вражда не братались съ тобой,
Зависть сторонится добраго слова,
Тусклыя пятна слѣпой клеветы
Ты прояснить кроткимъ свѣтомъ готово.

Ясная зорька румянитъ твой путь,
Солнца лучомъ разгоняя туманы;
Льешься цѣлебной живою водой
Ты на кровавыя тяжкія раны...

Сколько ихъ, ранъ этихъ, въ жизни у насъ,—
Мечъ не нанесъ ихъ, такъ черная злоба;
Намъ не уйти отъ нея никуда—
Развѣ подъ крышку надежную гроба!

Въ каждое сердце готово упасть
Ты—словно дождь на изсохшую ниву,
Въ каждую душу ты зорко глядишь,
Каждому чистому внемлешь порыву!

И примиряешь, и радуешь ты,
Светлую вѣру въ безвѣрцахъ ты будишь,
Слезы раскаянья гонишь съ очей...
Будь ты, будешь ты, вѣчно ты будешь!..

Не совладать мраку жизни съ тобой
Какъ на тебя ни смотри онъ сурово...
Слово безсмертное, слава—тебѣ!
Честь, исполать тебѣ, доброе слово!..

2.

Слово завѣтное, слово-огонь,
Правдою мощное слово свободы,
Сколько ты будишь надеждъ молодыхъ
Въ наши туманные, смутные годы!

Къ дѣлу отъ дѣла ты прямо идешь,
Нѣтъ для тебя ни сомнѣнья, ни страха;
Грозно ты смотришься кривдѣ въ глаза,
Темныя силы разишь ты съ-размаха.

Трусость и лесть незнакомы тебѣ,
Изъ-за угла не настигнешь врага ты,—
Бросишь свой вызовъ открыто ему,
Не устрашишься кровавой расплаты.

Что тебѣ глушь нашей степи мірской,—
Внемлетъ земля тебѣ страстной тоскою,
Дальнее небо глядитъ на тебя
И отзывается Божьей грозою...

Сколько враговъ у тебя—и не счесть!
Какъ богатырь, ты готово ихъ встрѣтить;
Правда—булатный твой мечъ боевой,
Ворогамъ всѣмъ ты имъ можешь отвѣтить.

Мощенъ ударъ твой, грозёнъ твой размахъ,
Силъ не измѣритъ твоихъ мелкой мѣрой,--
Ихъ закалила святая борьба
Въ правое дѣло могучею вѣрой...

И устрашаешь, и радуешь ты,
Новыя силы въ безсиліи ты будишь;
Нѣтъ для тебя ни оковъ, ни могилъ,—
Было ты, будешь ты, вѣчно ты будешь!..

Не совладать мраку жизни съ тобой,
Какъ на тебя ни смотри онъ сурово...
Слово безсмертное, слава—тебѣ!
Честь, исполать тебѣ, грозное слово!..

Подъ знаменемъ труда.

(Новогодняя пѣсня.)

Да сгинетъ мракъ! Да будетъ свѣтъ
Вождемъ для всѣхъ, всегда!
На много новыхъ, добрыхъ лѣтъ
Борцамъ-товарищамъ—привѣтъ
Подъ знаменемъ труда!..

Свободный трудъ—желанный трудъ,
Бѣда съ нимъ—не бѣда;
Трудясь—недаромъ всѣ поютъ,
Любви—всегда готовъ пріютъ
Подъ знаменемъ труда.

Гдѣ трудъ—тамъ радостей очагъ
Не гаснетъ никогда;
Тамъ мысль—яснѣй, бодрѣе шагъ,
Надежнѣй другъ, безсильнѣй врагъ
Подъ знаменемъ труда.

Трудись, люби, надѣйся, вѣрь,—
Взойдетъ твоя звѣзда;
Не бойся временныхъ потерь:
Предъ новымъ счастьемъ—настежь дверь
Подъ знаменемъ труда!

Унынье—прочь!.. Съ трудомъ—враги
Они вѣдь навсегда...
Пускай вокругъ не видно зги,—
Лишь свѣточъ мысли береги
Подъ знаменемъ труда!..

Пусть—что ни годъ—то новый грузъ
Готовитъ намъ нужда,—
О, только крѣпнулъ-бы союзъ
Намъ дорогихъ, священныхъ музъ—
Подъ знаменемъ труда!..

Ты, муза Правды и Любви,
Будь всякой лжи чужда!
Зови изъ тьмы на свѣтъ, зови,
Надъ мыслью царствуй и живи
Подъ знаменемъ труда!

Ты, муза вѣчной Красоты,
Веди съ собой туда,
Гдѣ, всторонѣ отъ суеты,
Цвѣтутъ высокихъ думъ цвѣты
Подъ знаменемъ труда!

Ты, муза Истины святой,
Свободна и горда,
Непобѣдимою четой
Иди съ завѣтною мечтой
Подъ знаменемъ труда!..

Уходитъ годъ; приходитъ годъ...
Къ чему считать года?—
Покуда къ жизни жизнь зоветъ,—
Впередъ, друзья мои, впередъ
Подъ знаменемъ труда!..

Родному народу.

Не зная устали въ трудѣ,
Ни съ кѣмъ въ терпѣньи несравнимый,
Несокрушимъ онъ и въ бѣдѣ—
Народъ страны моей родимой.

Въ груди своей вмѣщая ширь
Полей, его вспоённыхъ потомъ,
Смиренный пахарь-богатырь
Стоитъ незыблемымъ оплотомъ.

Обуреваемый судьбой,
Храня въ душѣ всѣ откровенья,
Онъ видитъ Бога предъ собой
Въ лучахъ добра и всепрощенья.

Хоть жизнь его темнымъ-темна,
И въ ней ему лучъ правды свѣтитъ,—
Всегда надеждою она
Безвѣрью скорбныхъ дней отвѣтитъ.

Грозна его громада-рать
Единодушьемъ безпримѣрнымъ,
Всегда готовъ онъ умирать
За мать-отчизну сыномъ вѣрнымъ...

Народъ-подвижникъ! Предъ твоимъ
Въ своемъ смиреньи мощнымъ духомъ—
Сомнѣній ропотомъ томимъ—
Я преклоняюсь чуткимъ слухомъ:

Откликнись, вѣщій великанъ,
Завѣтнымъ словомъ въ часъ невзгоды,—
И огласитъ твой мирный станъ
Воскресный благовѣстъ свободы!

Какъ въ старь сѣдую, собери
Своихъ сыновъ соборъ могучій,—
И вновь забрезжетъ лучъ зари
Надъ тучей мглы, наносной тучей!..

Я вѣрю—вихрь умчитъ ее,
Чуть грянетъ громъ народной рѣчи,
Лишь слово вымолвитъ свое
Родной земли родное вѣче!..

Изъ вѣка въ вѣкъ несетъ народъ
Исконной русской правды знамя;
Съ нимъ не угаснетъ, не умретъ
У насъ въ сердцахъ святое пламя—

Тотъ животворный пылъ страстей,
Что, озаряя Русь-державу,
Ковалъ рукой богатырей
Всю мощь ея, всю нашу славу!..

Я вѣрю—живъ нашъ русскій Богъ,
Народъ нашъ живъ, какъ живъ былъ въ годы,
Когда монголъ давилъ въ немъ вздохъ
Порабощаемой свободы...

Живъ духъ народа, какъ въ тѣ дни,
Когда, орломъ воспрянувъ снова,
Зажегъ онъ вѣщіе огни
Въ душѣ Димитрія Донского..

Онъ живъ въ груди отчизны всей,
Какъ и тогда, когда рвалъ путы

Насилья чуждаго цѣпей
Въ дни Лжедимитріевой смуты,—

Когда Пожарскаго призывъ
И слово Минина раздались
Отъ рубежей поволжскихъ нивъ
И въ русскомъ сердцѣ отозвались...

Да, живъ тотъ духъ и до сихъ поръ,
Какъ въ дни, когда заря всходила
И всенародный нашъ соборъ
Призвалъ на царство Михаила!..

Живъ русскій духъ, какъ въ дни Петра,
Когда рукой своей суровой
Онъ двинулъ Русь на путь добра
Стезей невѣдомой и новой...

Онъ живъ, онъ все переживетъ,
Какъ пережилъ и власть Бирона,
Временщиковъ продажныхъ гнетъ
И времена Наполеона;

Не устоялъ предъ нимъ въ борьбѣ
Европы гордой побѣдитель,
Когда—не внемля злой судьбѣ—
Всталъ весь народъ, какъ ангелъ-мститель...

Онъ не забылъ—народъ-титанъ,
Хранитъ онъ въ памяти донынѣ
Снѣга сыпучіе Балканъ
И Севастополя твердыни...

Пусть удрученъ, пускай онъ хмуръ,
Пусть скорбь томитъ его безъ мѣры,—
Нѣтъ, ни Цусима, ни Артуръ
Не сокрушатъ народной вѣры!

Она—жива! Въ горнилѣ бѣдъ
Духъ закаляется могучій...
Взойдетъ заря дней новыхъ: свѣтъ
Не погасить наносной тучей!

Заря близка... Вотъ-вотъ она
Блеснетъ надъ нивою народной...
Встрѣчай ее, моя страна,
Побѣдоносной и свободной!..

Богатырей своихъ буди,
Неси родное дѣдамъ знамя,
Ихъ духъ храни въ своей груди,
Не угашай святое пламя!..

Народъ мой, пахарь вѣковой,
Гляди впередъ свѣтло и смѣло,
Свершай, свершай твоей судьбой
Тебѣ завѣщанное дѣло!..

Голосъ народа.

1.

Въ годы былыхъ испытаній лихихъ
Тяжкія бѣды грозовою тучей
Русь омрачали,—не падалъ отъ нихъ
Духомъ народъ-богатырь нашъ могучій;
Все на плечахъ онъ своихъ поднималъ,—
Словно крѣпчала въ немъ мощь годъ-отъ-года,—
Славу былую всегда воскрешалъ
Въ пору безвременья голосъ народа.

Гибла отчизна подъ гнетомъ борьбы
Въ дни Самозванщины, въ Смутное Время,
Всѣхъ пригнетало возмездье судьбы,
Силъ не хватало нести это бремя;
Занятъ врагами былъ царства оплотъ,
Рати сдавались, не видя исхода,—
Подняло Минина слово народъ,
Спасъ Русь-страдалицу голосъ народа.

„Братья! Заложимъ и женъ, и дѣтей,
Крестъ свой послѣдній—на общее дѣло!..“—
Кличъ прогремѣлъ отъ поволжскихъ полей,
Море народной любви закипѣло;
Двинула Волга могучую рать,
Изгнанъ былъ врагъ, миновала невзгода,
Солнце надъ Русью зажглося опять,
Небо услышало голосъ народа.

2.

Смутные, скорбные, черные дни
Снова нежданно для насъ наступили;
Кровью народной омылись они,
Древнюю доблесть въ крови утопили.
Думаетъ тяжкую думу теперь
Пахарь-народъ, богатырь въ родъ изъ рода...
Родина-мать! Не погибнешь ты!.. Вѣрь—
Вновь воскреситъ тебя голосъ народа!..

Силъ богатырскихъ могучій приливъ,
Не совладать ратямъ кривды съ тобою!..
Слышу я, слышу—плыветъ съ дальнихъ нивъ
Благовѣстъ-кличъ перекатной волною:
„Знанію, свѣту—просторъ вѣковой!
Вѣрѣ и правдѣ—да будетъ свобода!..“
Колоколъ это звонитъ вѣчевой
Въ голосѣ мощномъ родного народа!..

Слава—труду, ратоборцу-труду!
Вольному слову народному—слава!..
Миръ и любовь побѣждаютъ вражду,
Мудрость могучей души не лукава...
Призванъ къ великому дѣлу народъ,
Въ храмъ его думъ—нѣтъ предателямъ входа!
Пахари, новая нива васъ ждетъ!
Громче, смѣлѣй, вѣщій голосъ народа!..

5 сентября 1905 г.

Призывный кличъ.

(Посвящ. Сп. Дм. Дрожжину.)

Поднимайся, народная Русь!
Солнце славы твоей—недалече...
Выбирать сильныхъ правдой людей
Собирайся на вольное вѣче!..

Мудрость пращуровъ древнихъ твоихъ
Собирай отовсюду въ кошницы,
Шли своихъ словоборцевъ-пословъ
Къ свѣтлымъ стогнамъ вѣнчанной столицы!..

Не таи застарѣлыхъ тревогъ,
Всѣ обиды свои вѣковыя
Посылай на желанный соборъ,
Всѣ исконныя нужды родныя!..

Пусть безъ страха,—за совѣсть и честь,—
Не внимая пролетному шуму,
Идутъ лучшіе люди твои
Думать думу, великую думу!..

Мать-отчизна святая ихъ ждетъ,—
Ей льстецовъ-кривотолковъ не надо,
Ни народъ предающихъ Іудъ,
Ни рабовъ безсловеснаго стада!..

Ей не надо ни ратниковъ тьмы,
Ни насильниковъ рѣчи свободной!..
Пусть и громко, и смѣло звучитъ
Неподкупленный голосъ народный!..

Гласъ народа издревле прослылъ
Гласомъ Божіимъ,—пусть имъ и будетъ!
Имъ- сильна богатырская Русь,
Богатырской и вѣкъ преизбудетъ!..

Слово правды—грознѣе меча,
Въ правомъ словѣ—великое дѣло;
Живъ нашъ Богъ. Богъ поможетъ ему,—
Чтобы Русью оно овладѣло!..

Въ правдѣ Богъ, а не въ силѣ мірской,
Не въ богатствѣ, почетѣ и власти...
Ополчайся, правдивая Русь,
Отражать всѣ неправды-напасти!..

Въ путь-дорогу съ собой не бери
Ни ливана, ни смирны, ни злата,—
Въ сердцѣ вѣру и правду неси,
Закаляй ихъ закаломъ булата!..

Чтобъ на нихъ посягнуть не могли
Слуги кривды лукавой и льстивой,
Оградися любовью живой,
Поклонись предъ родимою нивой!

Поклянись на могилахъ отцовъ,
Что ихъ потъ, что ихъ кровь не забудешь,
Что предъ сильными міра сего
Лиходѣямъ мирволить не будешь,—

Что не выдашь завѣтныхъ святынь,
Что за честь постоишь за родную,
Что отчизнѣ святой на алтарь
Принесешь только правду святую.

Что не дашь опозорить свой стягъ
Слову черному лести и смуты...
И — порвутся всѣ цѣпи твои,
Всѣ твой путь преграждавшія путы!..

Мать-Сырая-Земля — за тебя.
За тебя — трудъ вѣковъ неустанный!..
Гдѣ-жъ осилить ихъ, гдѣ-жъ совладать
Съ ними кривдѣ-враждѣ самозванной?!...

За тобой — невидимкой пойдутъ
Рати спящихъ твоихъ великановъ, —
Тихо встанутъ они изъ могилъ,
Изъ-подъ спуда забытыхъ кургановъ.

Встанутъ вѣры и правды борцы,
Всѣ—пролившіе кровь за отвагу,
Всѣ — отдавшіе душу свою
На служенье народному благу...

Говори ихъ устами; смотри
Тёмной силѣ въ глаза, не робѣя:
Въ слово правое духъ ихъ вдохни,
О своемъ правомъ дѣлѣ радѣя!..

Ждетъ могучихъ твоихъ кузнецовъ
Наковальня великаго дѣла...
Поднимайся, народная Русь!
Надъ тобою — заря заалѣла!..

С.-Петербургъ, 6 октября 1905 г.

VI.

СЛАВЯНСКІЕ НАПѢВЫ.

Изъ Тараса Шевченки.

(Посвящ. И. А. Бѣлоусову.)

I.

Проходятъ дни, минуютъ ночи,
Проходитъ лѣто: шелеститъ
Листва, желтѣя... Гаснутъ очи,
Заснули думы, сердце спитъ;
И все заснуло... И не знаю.
Живу-ли я, иль доживаю,
Иль просто по̀ свѣту влачусь, —
Не плачу я и не смѣюсь...
Доля, гдѣ ты? Гдѣ ты, доля?!.
Нѣту никакой...
Коли доброй жалко, Боже, —
Дай хоть доли злой!..
Не дай по̀ходя лишь спать мнѣ,
Сердцемъ замирать
И колодою гнилою
Весь свой вѣкъ лежать!..
Дай мнѣ жить — всѣмъ пылкимъ сердцемъ,
Славить дай Тебя,
Весь Твой міръ нерукотворный,
Всѣхъ людей любя...
Страшно жить въ цѣпяхъ желѣзныхъ,
Умирать въ плѣну;
Но еще страшнѣй — на волѣ
Предаваться сну,
Жизнь проспать, заснуть навѣки,
Сгинуть безъ слѣда,
Словно ты на бѣломъ свѣтѣ
Не жилъ никогда...
Доля, гдѣ ты? Гдѣ ты, доля?!.
Нѣту никакой...
Коли доброй жалко, Боже, —
Дай хоть доли злой!..

II.

Вѣтеръ гнетъ лозу и тополь,
Крутится на волѣ,
Ломитъ дубы, катитъ полемъ
Перекати-поле...

Такъ и доля: того ломитъ,
Того пригибаетъ,—
Меня гонитъ, а докуда—
И сама не знаетъ!..

Гдѣ меня лопатой въ землю закопаютъ,
Гдѣ-то мнѣ придется вѣчнымъ сномъ заснуть?
Коли нѣту доли, нѣтъ на свѣтѣ счастья,
Некого покинуть, не по комъ вздохнуть!..

Надъ моей могилой литься слезъ не будетъ,
И никто—хоть на-смѣхъ—не проговоритъ:
„Въ томъ его и счастье, что заснулъ онъ рано!
Пусть-же горемыка безмятежно спитъ!..“

III.

Думы мои, мои думы!
Здѣсь безъ васъ я сгину...
Хоть меня вы не покиньте
Въ тяжкую годину!

Сизокрылыя, слетайтесь
Стаей голубиной
Съ береговъ Днѣпра родного
Ко степи пустынной!..

Прилетайте-жъ, мои думы,—
Тихими рѣчами
Встрѣчу васъ, какъ милыхъ дѣтокъ,
И поплачу съ вами!..

IV.

Дитятко милое, баюшки-баю!
Сынъ мой, усни!
Будешь скитаться потомъ по Украйнѣ
Ночи и дни...

Сынъ мой, сыночекъ! Отца только лихомъ
Не поминай!..
Я виновата, меня—горемыку—
Ты проклинай...

Осиротѣешь,—родного участья
Въ людяхъ не жди;
Лѣсъ ни о чемъ сиротину не спроситъ,—
Въ лѣсъ уходи:

Тамъ зеленѣетъ, въ томъ лѣсѣ, калина,—
Ей все открой;
Эту калину когда-то любила
Я, милый мой!

Въ села пойдешь,—головою побѣдной
Ты не клонись;
Съ дѣтками нищую-мать повстрѣчаешь,—
Ей не дивись!..

V.

Ой, не пьются медъ и пиво,
Не пьется вода,—
Съ чумакомъ въ степи случилась
Тяжкая бѣда:
Головы поднять не можетъ,
Злая немочь бьетъ:
Какъ упалъ чумакъ у воза,
Съ мѣста не встаетъ...
Изъ Одессы чумаки-же
Завезли чуму;
Всѣ товарищи далёко,—
Горюшко ему!..
Возъ съ понурыми волами
Сиротой стоитъ;
Со степи на шляхъ проѣзжій
Вороньё летитъ...

— Черны воропы, не клюйте
Чумака чумного,—
Наклюетесь—не увидѣть
Вамъ гнѣзда родного!
Быстрокрылые, летите
Къ батюшкѣ родному,—
Пусть отслужитъ панихиду
По мнѣ, молодому!
По моей душѣ, скажите,
Пусть псалтырь читаетъ,
А красавица-дѣвица —
Пусть не поджидаетъ!..“

VI.

Вечерняя моя зорька,
Взойди надъ горою;
Побесѣдуемъ въ неволѣ,
Зоренька, съ тобою!
Разскажи, какъ за горами
Солнышко садится,
На ночь съ небомъ разставаясь—
Въ синій Днѣпръ глядится:
Какъ ветла шатромъ зеленымъ
Пышно распустилась,
Какъ надъ заводью широкой
Верба наклонилась,
По водѣ по самой стелетъ
Кудри нѣжныхъ вѣтокъ,
На себѣ-самой качая
Некрещоныхъ дѣтокъ;
Какъ средь поля на курганѣ
Вовкулакъ почуетъ,
Филинъ гукаетъ въ залѣсьи,
Злую долю чуетъ;
Сонъ-трава какъ по долинѣ
Ночью расцвѣтаетъ...
Про людей не говори мнѣ,
Всѣхъ ихъ сердце знаетъ!
Охъ, какъ знаетъ!.. Зорька, зорька,
Мой дружокъ единый!
Ты не знаешь, что творится
Съ нашей Украйной;
Я—все знаю... Все тебѣ я
Выдамъ понемногу;
Завтра ты о томъ повѣдай
Тамъ, на небѣ, Богу!..

VII.

Три дороги.

Три широкія дороги
На пути сошлися;
На чужбину съ Украйны
Братья разошлися...

Тотъ покинулъ мать-старуху
И жену-молодку,
Тотъ—сестру, а самый младшій—
Любушку-красотку...

Посадила три ясеня
Мать-старуха въ полѣ,
Молодица—стройный тополь,—
Пусть растетъ на волѣ;

Три явора посадила
Сестра на долину,
А красавица-дѣвица—
Красную калину...

Не принялись три ясеня,
Тополя не стало,
Три явора гибнутъ-чахнутъ,
Калина завяла;

Запропали всѣ три брата...
Плачетъ мать-старуха,
Плачетъ въ хатѣ нетоплёной
Женка-молодуха;

Сестра плачетъ—милыхъ братьевъ
Ищетъ на чужбинѣ,
А красавица-дѣвица—
Лежитъ въ домовинѣ...

Не воротятся три брата,
По́ свѣту блуждаютъ;
Три широкія дороги
Глохнутъ-заростаютъ...

На мотивы Юлія Словацкаго.

(Съ польскаго.)

I.

Расцвѣтивъ небесъ забрала,
Въ небѣ радуга сіяла,
Выпивъ слезы хмурой тучи, горько плакавшей всю ночь;
Утро свѣжестью дышало,
Солнце землю цѣловало,
Облака — что злыя думы въ добрый день — бѣжали прочь...

Изъ лазореваго грота
Вся — тревога, вся — забота,
Вышла ты и удивилась, что все такъ-же, какъ вчера,
Розы алыя прекрасны,
Небеса все такъ-же ясны,
Такъ причудливо-лучиста свѣтлой радуги игра...

Все дышало благостыней;
Неба синяго пустыней
Солнце шло; еще виднѣлся обликъ мѣсяца вдали...
Вся — приволье, вся — свобода,
Кроткой ласкою природа
Обвѣвала грудь усталой, грудь измученной земли...

Ты смотрѣла, ты дивилась;
Сердце — новой жизнью билось;
Поцѣлуями горѣли неостывшія уста...
Томной блѣдностью блѣднѣя,
Надъ потокомъ — какъ лилея —
Ты склонилась, какъ невинность воплощенная чиста...

Въ свѣтлой влагѣ, влагѣ зыбкой,
Расцвѣтала ты улыбкой
Чище лилій бѣлоснѣжныхъ, ярче алыхъ майскихъ розъ,
Вся—живое воплощенье,
Вся—земное отраженье
Незакатныхъ грезъ небесныхъ, окрыленныхъ счастьемъ грезъ...

Въ водномъ зеркалѣ сначала
Ты себя не узнавала:
Что-то чуждое смотрѣло изъ воды въ глаза тебѣ...
И распущенной косою
Ты закрылась предо мною
Съ первой страстью въ непосильной, упоительной борьбѣ...

II.

Дремлетъ вечеръ... Ясныхъ звѣздъ плеяды
Льютъ на землю кроткое мерцанье...
Въ отдаленьи темныхъ скалъ громады
Высятся, какъ стражи міродданья.

Облака-ли тонутъ въ безднѣ синей,
Лебедей серебряная-ль стая...
Затерялся-бы въ заоблачной пустынѣ,
Улетѣлъ-бы, словно лебедь, въ небеса я!..

Нѣтъ, и тамъ—за этимъ небомъ-моремъ —
Станетъ скорбь шептать мнѣ тѣ-же рѣчи,
Будетъ сердце неразлучно съ горемъ...
А съ былымъ—не знать мнѣ новой встрѣчи!..

Жизнь прошла, любовь осиротѣла...
Грусть-тоска склонилась къ изголовью,
Не отходитъ,—смотритъ въ душу смѣло,
Заливаетъ сердце знойной кровью...

Гдѣ-жъ найти мнѣ тишину такую
Въ этомъ мірѣ, въ шумномъ мірѣ злобы, —
Гдѣ забылъ-бы я печаль больную,
Гдѣ тоски моей не зналъ никто бы!..

Гдѣ бы даже легкій призракъ думы
Не задѣлъ меня крыломъ случайно,
Замирали гдѣ бы жизни шумы
И надъ всѣмъ витала смерти тайна...

Пусть туда взглянулъ-бы мѣсяцъ томный,
По волнамъ бы пробѣжалъ очами
И мой сонъ—страданья сонъ истомный —
Озарилъ-бы вѣчными лучами...

И очнулась-бы душа съ тоскою, -
Но съ тоской, какъ смерть сама, безстрастной,—
И ушла-бы слѣдомъ за тобою,
Добрый геній, ангелъ мой прекрасный!..

Изъ Маріи Конопницкой.

(Съ польскаго.)

I.

Полетѣли мои пѣсни,
Стаей птицъ летятъ,
Подъ твоимъ окошкомъ вьются,
Крыльями шумятъ...

Он. не во-время слетѣлись,—
Часъ печали бьетъ:
Надъ твоей могилой иву
Буйный вѣтеръ гнетъ...

Долетѣли птицы-пѣсни
До могилы той,
Напоила ихъ могила
Горькою росой...

Тамъ—однѣ изъ нихъ остались,
Не вернутся вновь:
Межъ людей пошли другія,—
Залила ихъ кровь...

II.

Сѣятелямъ.

Разъ, другой перепахали
Плу́ги полосу; она
Ждетъ желаннаго посѣва,
Золотого ждетъ зерна..
Нѣтъ лишь, сѣятели, васъ...
Выходите — въ добрый часъ!..

Всколыхнули землю громы,
Бури имъ прошли вослѣдъ,
Ниву дождикомъ смочило:
Только сѣятелей нѣтъ...
Эй вы, сѣятели! Ждетъ
Васъ земля; васъ ждетъ народъ...

Удобряли наше поле
Кости дѣдовъ и отцовъ,
Скупо грѣетъ ниву солнце
Сквозь просвѣты облаковъ...
Гдѣ-жъ вы, сѣятели?!. Васъ
Ждетъ посѣва добрый часъ...

III.

Просёлокъ.

По дорогѣ сельской,
На закатѣ дня,
Я бреду въ раздумьи,
Голову клоня;
Надо мною — зори
Ткутъ ночные сны.
Гаснетъ-меркнетъ вечеръ,
Полный тишины...
Доброе упало
Гдѣ словечко,—тамъ
Жаворонка трели
Рвутся къ небесамъ:
Тамъ, гдѣ проходила
Кривды злой гроза, —
Камень палъ на землю
Тяжкій, какъ слеза...
Доброе словечко
Каждою весной
Снова расцвѣтаетъ
Въ цвѣтикъ полевой;
Камни старой кривды
На межахъ кругомъ,
Пылью прикрывшись,
Поростаютъ мхомъ.
Въ зоряхъ—надо мною,
Здѣсь и тамъ, и тутъ,
Въ даль туманной ночи
Облака плывутъ;

Тучи наплываютъ,
Кроютъ всю лазурь,
Намъ несутъ слезами
Дальній ропотъ бурь...
Ой ты, хата, хата!
Покосилась ты
Подъ тяжелымъ гнетомъ
Горькой нищеты...
Ты склонила крышу,
Какъ хозяинъ твой
Клонится предъ долей
Буйной головой!..
Много испытала
Всякихъ ты невзгодъ,
Теменъ день твой, вечеръ,
Теменъ круглый годъ;
Дня не выдавалось,
Чтобъ въ стѣнахъ твоихъ
Стонъ нужды голодной
Пріумолкъ-затихъ...
По дорогѣ сельской
На закатѣ дня
Я бреду въ раздумьи,
Голову клоня;
Гаснетъ тихій вечеръ,
Меркнетъ даль полей;
Думы—все со мною,
Стоны—все слышнѣй...

IV.

„Люблю тебя!“...

1.

Люблю тебя, звѣзда лазури неба ясной,—
Хотя ты далеко мерцаешь отъ меня,
Хоть тщетно я къ тебѣ протягиваю руки,
Напрасно по тебѣ тоскую въ блескѣ дня...
Быть можетъ, ты почти погасшая планета,
Пустыня чахлая, одѣтая въ туманъ?
Быть можетъ—колыбель ты вмѣстѣ и могила
Печальныхъ ангеловъ, изгнанниковъ всѣхъ странъ?..
Все это можетъ быть... Но въ часъ, когда горишь ты
Тамъ, далеко вверху, какъ факелъ золотой,—
Духъ разгорается во мнѣ былой надеждой
И грустью тихою сливается съ тобой...

2.

Люблю тебя, цвѣтокъ, растущій одиноко
Надъ горной пропастью въ разсѣлинѣ скалы,
Цвѣтокъ—разбуженный изъ почки дуновеньемъ,
Промчавшимся съ вершинъ, гдѣ гнѣзда вьютъ орлы...
Ты, мною сорванный, въ рукѣ моей горячей
Зачахъ-бы и завялъ и сталъ-бы вдругъ ничѣмъ,
Ославъ прощальный вздохъ въ предсмертномъ ароматѣ
И небу, и землѣ... Срывать тебя—зачѣмъ?!.
Теперь, когда тебя никто еще не тронулъ,—
Лишь солнце да роса, да тихій вѣтерокъ,—
Ты открываешь мнѣ страдающую душу...
О, какъ я въ этотъ мигъ люблю тебя, цвѣтокъ!..

3.

Люблю тебя, мой духъ, отъ всѣхъ страстей далекій,
Печать молчанія кладущій на уста
Моимъ порывамъ всѣмъ, влекущій въ мірѣ безвѣстный,
Гдѣ вѣчно царствуютъ Добро и Красота!..
Ахъ, если-бы тебѣ открылся міръ страданій,
Міръ жалобъ пламенныхъ,—ты сталъ-бы для меня
Умершимъ ангеломъ, видѣньемъ сновъ прекрасныхъ—
Сновъ, погасающихъ при первой вспышкѣ дня...
Когда ты жжешь мнѣ взоръ слезами вдохновенья
И замираешь самъ въ объятьяхъ тишины,—
Люблю тебя, мой духъ! Всѣ мысли, всѣ желанья,
Всѣ думы, всѣ мечты—однимъ тобой полны!..

V.

Никто изъ насъ не жалокъ такъ,—
Хоть живъ сухою коркой хлѣба, —
Чтобъ не имѣлъ звѣзды своей
На безграничномъ полѣ неба!

Никто изъ насъ такъ не силёнъ
Въ тоскѣ душою горделивой,
Чей взглядъ порой бы не бѣжалъ
Къ своей звѣздѣ небесной нивой!

Никто изъ насъ такъ не счастливъ,—
Живетъ онъ въ роскоши, въ нуждѣ-ли, —
Чтобъ видѣть могъ свою звѣзду
До гробовой своей постели!..

VI.

Тяжела не та дорога,
Что̀ ведетъ Богъ-вѣсть куда,—
Та̀, летитъ которой птица
Прочь съ родимаго гнѣзда.

Тяжела не та минута,
Гробъ несутъ тебѣ когда,—
Та̀, когда ты разстаёшься
Съ тѣмъ, что мило, навсегда...

VII.

Еще моя витаетъ тѣнь,
Воспоминаній вѣтромъ вѣя,
Надъ той тропинкой, гдѣ ходилъ
Съ душою радостной къ тебѣ я..

Бѣжитъ могучая рѣка,—
Не удержать ея потока...
Льетъ слезы сердце... Милый другъ
Ты далекò... Ты—такъ далёко!..

VIII.

Руку на сердце себѣ положи!
Если въ груди оно бьется такъ вяло,
Словно боится нарушить покой,
Словно давно даже биться устало,
Если не только оно не стучитъ,
Если не будитъ тебя въ мигъ забвенья,
А усыпляетъ стремленья твои,—
Нѣтъ ему, этому сердцу, прощенья!..

Если безсильно оно участить
Трепетъ свой жалкій, угасъ если пламень
Въ немъ безъ слѣда и безмолвно лежитъ
Сердце въ груди, словно на полѣ камень,—
Ты отрекись отъ него и пошли
Давшимъ тебѣ этотъ камень проклятья;
Плачь, если можешь; зови, умоляй,
Чтобы его разбудили хоть братья!..

Тотъ изъ ничтожныхъ ничтожнѣе всѣхъ,
Въ сердцѣ чьемъ искорки нѣтъ вдохновенья,
Сердце чьё вспыхнуть не можетъ на мигъ,
Жизни иной услыхавъ дуновенья, —
Пламенемъ вспыхнуть надъ мракомъ души,
Молніей въ небѣ промчаться летучей,
Въ сердцѣ чьемъ, въ мірѣ страданій и слезъ,
Кровь не струится волною горючей!..

IX.

Гей, перелетная птица—пѣвецъ!
Путь твой затерянъ невѣдомо гдѣ-то...
Гей ты, кургановъ могильныхъ пришлецъ,
Спой намъ забытую пѣсню привѣта!..
Смѣлой рукою по гуслямъ ударь,
Ржавѣютъ вѣщія звонкія струны,
Спой намъ про славу, какъ пѣлося встарь!
Всѣ отзовутся, душою кто юны...

Пѣсенъ такихъ мы не слышимъ давно,
Каждое слово которыхъ всѣмъ ясно,
Внемлятъ которымъ сердца всѣ равно
И отзываются мысли согласно...
Пѣсни про ширь, про раздолье степей,
Пѣсни завѣтныя удали-воли!..
Слезы въ отвѣтъ имъ бѣгутъ изъ очей,
Легче при нихъ гнетъ безрадостной доли...

Вѣтеръ имъ вторить давно позабылъ,
Лѣсъ не шумитъ имъ въ отвѣтъ, какъ бывало,
Смолкъ онъ и вѣтви къ землѣ преклонилъ;
Эхо мятели—и то задремало...
Пѣсни сердечной бодрящій мотивъ,
Гдѣ-же ты, гость нашъ? Гдѣ, гость нашъ крылатый?!
Ты не летаешь средь зрѣющихъ нивъ,
Не переходишь отъ хаты до хаты...

Ты не проходишь съ подъятымъ челомъ
И не звучишь средь ликующихъ становъ,—
Бродишь украдкой во мракѣ ночномъ,
Вздохами вѣешь съ могильныхъ кургановъ;

Ты не чаруешь, не манишь ты насъ
Въ даль, гдѣ алѣютъ разсвѣтныя зори;
Голосъ затихъ твой, огонь твой погасъ,
Силы слабѣютъ съ невзгодами въ спорѣ...

Что-жъ въ томъ, что кто-то чуть слышно поетъ,
Самъ весь окутанъ туманомъ печали,
Сноситъ безропотно жизненный гнётъ —
Словно въ немъ гнѣвъ и любовь замолчали...
Пѣснь безнадежныхъ, пѣснь сумрачныхъ дней.—
Ей не знакома былая свобода,
Ей не порвать добровольныхъ цѣпей,
Ей не дойти и до сердца народа!..

Гей пробудись, дней забытыхъ баянъ!
Дни наши скорбны, дни наши унылы...
Встань, погляди на поля посслянъ,
Слушай—что старыя шепчутъ могилы!
Мощной рукою ударь по струнамъ,—
Пѣсня свободы—для сердца отрада...
Щебетъ и трели оставь соловьямъ,—
Намъ же ни слезъ, ни услады не надо!..

Изъ Виктора Гомулицкаго.

(Съ польскаго.)

I.

Спросилъ я у сердца:—„Скажи мнѣ по правдѣ,
Чѣмъ живо еще ты, о сердце мое?..“
И сердце сказало:—„Однимъ ожиданьемъ,
Что ждетъ меня счастье твое“.

Спросилъ я у мыслей:—„Какъ вы не погасли
Подъ бурями жизни, о мысли мои?..“
И мысли сказали:—„Горимъ мы стремленьемъ
Къ свободѣ, добру и любви“.

II.

Порвались струны... Пѣсни отзвучали...
Аккордъ послѣдній замеръ навсегда
Чуть слышнымъ вздохомъ гаснущей печали:
„Не пережить тѣхъ чувствъ, что миновали,
Ни съ кѣмъ и никогда!“

Трепещетъ сердце раненой орлицей,—
Разбитыхъ грезъ не воскресить ему,—
Хотя ихъ свѣтъ еще блеститъ зарницей
Надъ прошлаго открытою страницей
Сквозь тлѣнъ и тьму...

Замкнулась плотно крышка гробовая,
Но и надъ ней блуждающимъ огнемъ
Горитъ душа, душа—еще живая...
Спасенья нѣтъ намъ, жизнь моя былая,
Нигдѣ, ни въ чемъ, ни въ комъ!..

III.

Катиться въ пропасть, каждый шагъ считать —
Отъ тихой грусти до безумствъ паденья
И знать, что вновь не будетъ возрожденья...
О, ужасъ! Какъ тебя назвать?!

Какъ въ бездну камень — ринуться на дно,
Не чувствовать ни проблеска сознанья,
Оледенѣть навѣкъ въ огнѣ страданья...
О, счастье! Жду тебя давно!..

IV.

Больная душа.

Какъ взоръ больной, такъ и душа больная
Боится блеска солнечныхъ лучей,—
Ей вечера отраднѣй полутѣни,
Ей полусвѣтъ туманныхъ зорь милѣй.

Она, какъ птица, свертываетъ крылья,
Она живетъ въ однѣхъ своихъ мечтахъ,
Предъ ней повсюду рѣютъ привидѣнья,
Ее томитъ повсюду тайный страхъ.

Напрасно къ этой робкой птицѣ бѣдной
Протянется сочувствія рука,—
Испуганно она вся затрепещетъ,
Ее охватитъ жгучая тоска...

Оставьте вы больную эту душу
Въ тиши ночей туманно-голубой!
Ея сестеръ крылатыя станицы
Ее на небо увлекутъ съ собой!..

V.

Успокоеніе.

Встрѣтится ангелъ-хранитель тебѣ,
Зорька любовно заглянетъ въ оконце,
Новое солнце твой путь озаритъ—
Вѣчности солнце.

Смѣнитъ природа наряды свои,
Сброситъ всю ветошь поблекшей одежды,—
Новыхъ цвѣтовъ принесетъ для тебя
Геній надежды.

Видишь—какъ ласково садъ шелеститъ
Тамъ, гдѣ гремѣли небесныя силы,
Смѣнитъ тревоги желанный покой
Въ лонѣ могилы.

Ты не умрешь, ты задремлешь въ гробу,
Вздохъ твой послѣдній съ молитвой прощальной
Къ Божьему трону волной донесетъ
Звонъ погребальный.

VI.

Майская пѣснь

И май цвѣтетъ,
И лѣсъ поетъ,
Сады струятъ благоухапья...
Всѣмъ чувствамъ дай летѣть впередъ,
Не угашай въ груди желанья!..

Жизнь не-шутя
Идетъ, грустя...
Спѣши поймать звукъ счастья каждый!
Бери все просто, какъ дитя...
Зачѣмъ горѣть сомнѣній жаждой?!.

Что пользы въ томъ,
Что анатомъ
Ланцетомъ сталъ-бы рѣзать розы,—
Души цвѣтка не взять ножомъ,
Какъ подъ стекломъ не видѣть грезы!

Зачѣмъ терзать
Природу-мать,
Ее на части разнимая?
Не лучше-ль цѣлымъ намъ ласкать
И взоръ, и слухъ—подъ кровомъ мая?!.

Весенних чаръ
Волшебный жаръ
Къ свободной жизни страсть пробудитъ...
Лови признаній пылкихъ даръ,—
Не все-ль равно: чей даръ онъ будетъ!..

Живыхъ страстей
Живой ручей
Пусть опьяняетъ до безумья!
Вѣдь упадетъ туманъ съ очей,—
Придетъ и трезвый мигъ раздумья!..

Прочь, думы гнетъ!
Пусть умъ заснетъ
Предъ лучезарной красотою!..
Гдѣ мечъ анализа сверкнетъ,
Прощайся тамъ навѣкъ съ мечтою...

Весь рай земной
Любви святой,
Весь міръ блаженства наслажденій,—
Все воскрешаетъ намъ весной
Мечтаній знойныхъ свѣтлый геній!

Несчастенъ тотъ,
Кто связь порветъ
Съ природой—въ майскій день зеленый,
Кто сердцемъ къ ней не подойдетъ,
Какъ нѣжный сынъ, какъ другъ влюбленный!..

О, припади
Къ ея груди!
Слезъ не стыдись,—пусть льются сами!
И въ мигъ восторговъ къ ней иди,
И плача горькими слезами!..

Хоръ соловьевъ
И шумъ деревъ,
И сердца пылкаго біенье
Тебѣ повѣдаютъ безъ словъ,
Что жизнь—не скорбь, а наслажденье!..

Начнешь опять
Ты повторять
Весной нашептанныя рѣчи —
И вновь желать, и вновь искать
Еще, еще желанной встрѣчи!..

VII.

Послѣдніе цвѣты.

Когда идетъ весна привольными полями
И небесамъ поетъ торжественный канонъ
Надъ зеленью луговъ душистыми струями
Всплываетъ радостный и нѣжный перезвонъ;
Когда—подъ звонъ цвѣтовъ—кудрявый май-красавецъ
Чистѣйшимъ нектаромъ наполнитъ розъ бокалъ
И возгласитъ землѣ свой рядъ весеннихъ здравицъ,—
Никто, никто тогда о розахъ не вздыхалъ!..

Но вотъ пройдетъ весна, отзеленѣетъ лѣто
И осень хмурая сады опустошитъ,—
Какъ дорогъ намъ въ тѣ дни, въ прощальномъ блескѣ свѣта,
Цвѣтка скромнѣйшаго простой и бѣдный видъ!
И краски блѣдныя, и слабость аромата,—
Все будитъ въ сердцѣ грусть властительно тогда;
Все говоритъ душѣ, что счастью нѣтъ возврата,
Что отъ былой весны не станетъ и слѣда...

Послѣдніе цвѣты... Ихъ лепестки, блѣднѣя,
Намъ говорятъ, что всѣхъ конецъ печальный ждетъ,—
Но чуткая душа внимаетъ имъ бодрѣе,
Чѣмъ въ дни, когда вокругъ все счастіемъ цвѣтетъ:
Какъ-будто хочется расцвѣсть ей вмѣстѣ съ ними
И вмѣстѣ отцвѣтать въ пустѣющихъ поляхъ,
И умирать, томясь желаньями одними,
Купаясь въ солнечныхъ негрѣющихъ лучахъ...

Цвѣты послѣдніе!.. Я вижу не впервые,
Какъ блекнетъ вашъ нарядъ, бѣднѣя день отъ дня...
О, блѣдноалые! О, блѣдноголубые!
Близка мнѣ ваша грусть, понятна для меня...
Зима идетъ, зима—съ холодными снѣгами,
Зима поетъ всему надгробный свой хоралъ...
Послѣдніе цвѣты, прощайтеся съ полями:
Весною вновь никто изъ васъ не расцвѣталъ!..

VIII.

Михаилъ Ракета.

Въ концѣ предмѣстья, всторонѣ
Отъ всѣхъ соблазновъ свѣта,
Живетъ безъ малаго сто лѣтъ
Дѣдъ Михаилъ Ракета.

Старикъ—по паспорту солдатъ,
По нраву—добрый малый,
Сапожникъ онъ—по ремеслу,
Въ душѣ—поэтъ, пожалуй...

Къ землѣ пригнулся флигелекъ,
Гдѣ онъ живетъ—не тужитъ
И, какъ умѣетъ, день-деньской
Своимъ сосѣдямъ служитъ.

Глушитъ ромашкой къ флигельку
Ведущую тропинку,—
Хоть-то-и-знай—несутъ по ней
Сапожную починку...

Старо хозяйство старика
И самъ онъ—вдвое старше;
А полюбуйтесь—какъ порой
Насвистываетъ марши.

Ракетѣ вторитъ воробей
На цѣлый палисадникъ,
А молотокъ—стучитъ, стучитъ
И скачетъ, словно всадникъ...

Ну, ну, галопомъ! Веселѣй!..
Идетъ работа быстро,
Да и нельзя—шьютъ сапоги
Для самого бурмистра...

Стучитъ, тачаетъ да свиститъ,—
Одинъ, какъ перстъ, на свѣтѣ
Среди ромашки и плюща...
Но скучно-ль жить Ракетѣ?..

Чуть за порогъ переступилъ,—
Тоска, пиши пропало!—
Всего предмѣстья дѣтвора
Бѣжитъ „до енерала“...

Дѣдъ за заставу—шагомъ маршъ
Съ крикливою дружиной,
Туда—гдѣ вербы разрослись
За пыльной луговиной;

Пришли... Прошло минутъ пять-шесть,—
Всѣ съ палками ребята...
„Равняйся!.. Ружья—на плечо!..“
Несется крикъ солдата...

Старикъ совсѣмъ помолодѣлъ,
Что слово—то команда...
„Въ атаку!..“ и—въ оврагъ стремглавъ
Летитъ ребячья банда...

„Отбой!..“—и снова на лугу
Ракетина пѣхота;
А тамъ—опять, а тамъ—опять:
Вплоть до седьмого пота...

Пора на отдыхъ!.. Командиръ
Всѣмъ раздаетъ въ награды
Патентъ „лихого молодца“,
И всѣ—„стараться рады“...

„Кругомъ налѣво, шагомъ маршъ—
На зимнія квартиры!..“
И—„енерала“ до дверей
Проводятъ конвоиры...

Засвѣтитъ лампу старина,
Закуситъ-подкрѣпится
И—за работу,—хоть она
Не такъ-то ужъ спорится;

Подкинуть къ утру обѣщалъ
Сосѣду онъ подметки
Да двумъ сосѣдкамъ башмаки
Расправить на колодкѣ...

Трещитъ какъ-будто голова,
Все что-то ломитъ спину,—
„Пустое дѣло! Все пройдетъ,
Какъ ляжемъ въ домовину!..“

И—снова скачетъ молотокъ,
И—снова колетъ шило,—
Работа спѣшная: вдова
Ассесорша просила...

Старикъ мурлычетъ... Дѣдъ запѣлъ...
Но ужъ не маршъ призывный,
А такъ какой-то гробовой
Мотивецъ заунывный:

Про суету суетъ мірскихъ,
Про бренность жизни сущей,
Про безболѣзненный конецъ,
Про вѣчный сонъ грядущій!..

Работу кончилъ и—заснулъ,—
Не разбудить до свѣта:
Крѣпонько спитъ подъ старость лѣтъ
Дѣдъ Михаилъ Ракета!..

IX.

Пѣснь любви.

Какъ мать—надъ колыбелью,
Сводъ неба распростеръ
Надъ тихою долиной
Безоблачный шатеръ...

Боясь покой нарушить,
Затихъ въ травѣ ручей;
Лазурь свѣтла, какъ очи
Возлюбленной моей...

Они, какъ незабудки,
Въ тѣни рѣсницъ густыхъ
Цвѣтутъ, даруя взглядомъ
Восторги чувствъ святыхъ.

Порой въ нихъ заглядишься
И думаешь: съ тобой—
Не страшно было-бъ даже
Вступить со всѣми въ бой...

О, только-бъ отвѣчала
Ты такъ-же вновь и вновь,
Какъ въ эти дни блаженства,
Любовью на любовь!..

О, только-бы сіяла
Души твоей лазурь
Надъ кровомъ думъ завѣтныхъ
Подъ шумъ житейскихъ бурь!..

О, какъ бы я былъ счастливъ,
Какъ былъ-бы я богатъ,
Ревниво охраняя
Свой милый сердцу кладъ—

Рубины алыхъ губъ
И глазокъ бирюзу...
Тогда-бъ я смѣло встрѣтилъ
И бурю, и грозу;

Тогда-бы добрый геній
Надъ нами распростеръ
Лазури безконечной
Безоблачный шатеръ!..

X.

Безсиліе пѣвца.

О, еслибъ могъ я перелить въ созвучья
Потоки слезъ, моихъ горючихъ слезъ!
О, если-бы слова способны были
Передавать всѣ сновидѣнья грезъ!
О, если-бы изъ сердца прямо въ пѣсни
Струились чувства, полныя огня,—
Тогда, быть можетъ, судъ вашъ былъ-бы вѣренъ,
Тогда бы всѣ вы поняли меня!..

Но пѣснь всегда проходитъ чрезъ твердыни
Законовъ жизни мелочныхъ и злыхъ,—
И леденѣетъ пламенная лава
Завѣтныхъ думъ и лучшихъ чувствъ моихъ;
Все, что грозою въ сердцѣ поднималось,
Что пѣнилось, какъ бурная рѣка, —
Становится въ моемъ безсильномъ словѣ
Чуть слышнымъ дуновеньемъ вѣтерка...

Нѣтъ, никогда не высказать всего вамъ,
Холодныя и блѣдныя слова,
Что грудь пѣвца терзаетъ тайной болью,
Предъ чѣмъ въ безсильи никнетъ голова!
Безплодно сердца пылкаго біенье,
Безплоденъ вопль безсилія больной:
Всѣ взрывы чувствъ, всѣ мысли, всѣ желанья
Пойдутъ въ могилу темную со мной...

XI.

Дождь листьевъ.

Падаетъ дождь золотисто-багряный,
Капель мильоны шумятъ:
Листья отжившіе, мертвые листья
Съ вѣтокъ летятъ и летятъ...

Тамъ, гдѣ пройдетъ этотъ ливень шумливый,
Шелесту листьевъ внемля,
Словно кровавыми плачетъ слезами—
Пламенемъ рдѣетъ земля...

Минуло время для солнца и пѣсенъ,
Осень взмахнула косой;
Съ дерева жизни мечты облетаютъ,
На сердце вѣетъ тоской...

Ахъ, никогда не насытится смертью
Лоно земли, никогда!
Мертвыя грезы и мертвые листья
Были и будутъ всегда...

Въ свѣжей листвѣ ароматной весною
Вновь запоетъ соловей;
Только ни листьямъ, ни грезамъ погибшимъ
Не воскресить прошлыхъ дней!..

Падаетъ дождь золотисто-багряный,
Капель мильоны шумятъ;
Листья отжившіе, мертвые листья
Съ вѣтокъ летятъ и летятъ...

XII.

Вся улица—театръ... Кругомъ—толпы актеровъ,
На лицахъ всѣхъ лежитъ безстыдно-грубый гримъ;
Средь минъ заученныхъ, среди фальшивыхъ взоровъ
Пульсъ жизни истинной совсѣмъ неуловимъ...
Веселъемъ напускнымъ страданья горечь скрыта,
На стражѣ чувствъ живыхъ—страстей поддѣльный жаръ;
Что передумано, что сердцемъ пережито—
Все заслонилъ собой искусственный кошмаръ...

Вся улица—театръ... Распредѣляетъ роли
Случайность мелкая, пустая злоба дня,—
Пускай порой душа горитъ отъ тайной боли,
Скрывай подъ холодомъ всѣ проблески огня!..
Вотъ старость дряхлая—подъ молодости маской,
Вотъ юность—старческой походкою бредетъ;
Гдѣ правда кажется несбыточною сказкой,
Тамъ сказка лживая за истину сойдетъ!..

Вся улица—театръ... На захудалой сценѣ
Идетъ комедія съ финаломъ пошлыхъ драмъ;
Живые мертвецы мелькаютъ, словно тѣни,—
Шумъ уличный для нихъ—искусства свѣтлый храмъ...
Актеры жалкіе, мишурные герои,
Туману нашихъ дней вы всѣ—подстать вполнѣ!
Нашъ вѣкъ давно забылъ про славное былое,
Огонь его погасъ въ безмолвной глубинѣ...

XIII.

Когда одинъ ты хочешь быть
Наединѣ съ тоской,
Тебѣ не надо уходить
Отъ жизни городской...
Захочешь ты подъ сѣнь дубравъ
Укрыться отъ друзей,—
Тебя смутитъ и шелестъ травъ,
И тихій шумъ вѣтвей;
Направишь въ море быстрый челнъ
Отъ людныхъ береговъ,—
Узнаешь ты въ дружинахъ волнъ
Развѣдчиковъ-враговъ;
Въ пустыню дикую уйдешь
Подъ гнетомъ тяжкихъ думъ,—
Подстережетъ, какъ злая ложь,
Тебя гигантъ самумъ;
Вездѣ узнаютъ, обличатъ
Тебя со всѣхъ сторонъ:
Поймутъ, поймаютъ каждый взглядъ,
Услышатъ каждый стонъ...
Нѣтъ, если хочешь быть одинъ
Съ тоской наединѣ,—
Своихъ печалей властелинъ,
Будь вѣренъ имъ вполнѣ!
Иди въ толпу, иди смѣлѣй!..
Бурливъ ея потокъ,
Войдешь въ нее, сольешься съ ней
И—станешь одинокъ...
О, эта шумная толпа
Проспектовъ городскихъ,—
Она—глуха, она—слѣпа
Въ волненіяхъ своихъ;
Ей дѣла нѣтъ до жгучихъ ранъ,
До всѣхъ чужихъ невзгодъ:
Толпа—безбрежный океанъ,
Ты—капля мелкихъ водъ.

XIV.

Мой край чудесъ.

О, край чудесъ! О, міръ мечтаній!
Вездѣ, всегда вы предо мной—
Въ туманной мглѣ земныхъ терзаній,
Въ сіяньи грезы неземной.

Своимъ волшебнымъ обаяньемъ
Вы пробудили въ сердцѣ вновь
Сны жизни, скованной страданьемъ,
И мысль, и вѣру, и любовь.

Томимый жаждой возрожденья—
Изгнанникъ счастья, я приникъ
Къ тебѣ, источникъ вдохновенья,
Неизсякающій родникъ!

И воскресаютъ въ блескѣ новомъ
Надеждой свѣтлыя мечты
Подъ мирнымъ кровомъ, тайнымъ кровомъ
Иной, духовной красоты...

Яснѣетъ даль, алѣютъ зори
Надъ темной степью бытія...
Молчи, молчи, былое горе:
Мой край чудесъ—любовь моя!..

«Насъ довольно!..»

(Изъ Святополка Чеха, съ чешскаго.)

Что? Мало насъ?!. Нѣтъ, лучше замолчите!
Безсиленъ тотъ, кто унывать начнетъ...
Вы—древній Римъ, Элладу вспомяните:
Чѣмъ были тѣ, чѣмъ были въ свой чередъ?!.

Легко-ли было биться нашимъ дѣдамъ,
Когда на нихъ весь римскій міръ возсталъ!
Но вождь-слѣпецъ повелъ народъ къ побѣдамъ,
И—грозный врагъ предъ Жишкой трепеталъ...

Проснется духъ героевъ вдохновенный,
Поможетъ Богъ намъ выдержать борьбу:
Слабъ только тотъ—въ комъ духъ раба презрѣнный,
Малъ только тотъ—не вѣритъ кто въ судьбу!..

Пробужденіе весны.

(Изъ Ярослава Врхлицкаго, съ чешскаго.)

Я люблю переулки глухіе,—
Изъ-за низенькихъ старыхъ домовъ
Тамъ глядитъ на меня такъ привѣтно
Зелень юная старыхъ садовъ...

По стѣнамъ вьется плющъ прихотливый..
Кто-нибудь изрѣдка лишь пройдетъ;
Глухо-глухо шаги раздаются
Даже въ дни, когда все здѣсь цвѣтетъ,—

Когда всюду трава молодая
Стелетъ пѣжно-зеленый коверъ,
И кругомъ ароматъ разливаетъ
Стройныхъ тополей первый уборъ...

Тихій шорохъ травы, шепотъ листьевъ;
Гдѣ-то вольная пташка поетъ;
Слышитъ чуткое ухо, какъ даже
Каждый новый листочекъ растетъ...

Вѣтерокъ пробѣгаетъ весенній
По вѣтвямъ кудреватыхъ березъ.
Оживляя все царство молчанья,
Царство свѣтлое вдумчивыхъ грезъ...

Я люблю здѣсь бродить одиноко,
Забывая тяжелые сны...
Грудь свободно и радостно дышетъ,
Сердце вѣритъ всѣмъ сказкамъ весны...

Гіацинты въ садахъ запестрѣли,
Словно счастьемъ весеннимъ цвѣтутъ, —
Цвѣтомъ огненно-краснымъ и бѣлымъ
Солнце съ неба на землю зовутъ...

Вотъ навстрѣчу ко мнѣ изъ калитки
Чьи-то быстрыя ножки спѣшатъ, —
Чьи—не знаю... Надежды лучами
Загорается хмурый мой взглядъ...

Боже мой! Сколько жизни въ природѣ!
Сколько счастья вблизи и вдали!..—
Въ истомленномъ невзгодами сердцѣ,
Даже въ сердцѣ, цвѣты расцвѣли...

На мотивы Эд. Елинека.

(Съ чешскаго.)

I.

Симфонія.

Стоны не молкнутъ, бряцаютъ оковы,
Гулкіе слышны удары бича...
Этой симфоніи звуки не новы:
Врагъ безпощаденъ, законы суровы
Законоборца-меча!

Стонамъ страдальцевъ ущелья внимаютъ,
Вторитъ имъ эхо въ родимыхъ горахъ;
Ангелы Божьи надъ ними витаютъ.
„Радуйтесь, братья“, они возглашаютъ,—
„Ждетъ васъ награда за все въ небесахъ!..“

II.

Чешскому народу.

Когда подъ Бѣлою Горой
Намъ измѣнило счастье наше,—
Весь пріобщился горькой чашѣ
Народъ—страдалецъ вѣковой;

И вмигъ все чешское-родное
Въ опалѣ сдѣлалось у насъ, —
Какъ-будто пробилъ грозный часъ,
Изрекшій слово роковое...

Легла католика рука
На каждый слабый вздохъ свободы,—
Сжигались царскіе клейноды
Лишь за народность языка;

Служилъ посмѣшищемъ позорнымъ
Языкъ отцовъ для не-раба;
Судьба, всесильная судьба,
Скорбь предрекала непокорнымъ...

Гробъ для народа былъ готовъ,
Какъ «всеславянское единство».
Побѣду праздновать латинство
Сбиралось въ сонмищѣ враговъ...

До Праги вплоть отъ Ватикана
Всѣхъ призывалъ тщеславный Римъ
Къ безстыднымъ оргіямъ своимъ —
На праздникъ вражескаго стана...

И въ этихъ оргіяхъ (Позоръ!..)
Нашлись участники-славяне,—
Такой постыдной, страшной дани
Не позабыть и до сихъ поръ!..

Немного было ихъ... Но все-же
Измѣна черная внесла
Такъ много бѣдъ, такъ много зла
Въ страну родную... Боже, Боже!..

Хвала и честь всѣмъ, кто страдалъ
Съ народомъ вмѣстѣ въ эти годы,
Кто ни святынь, кто ни свободы,
Ни языка не продавалъ:

Честь и хвала борцамъ за вѣру,
За память дѣдовъ и отцовъ,
Не устрашавшимся оковъ,
Не поддававшимся примѣру!..

Богъ-помочь всей родной странѣ,
Идущей смѣло къ возрожденью
Всего, что свято, что къ спасенью
Откроетъ дверь по старинѣ!..

Проснись, возстань изъ гроба, слава!
Даль неба вспыхнула зарей
Зарей надежды — надъ землей,
Землей святого Вячеслава!..

III.

Грядущій день.

О, братья! Вѣрьте: часъ пробьетъ,
И—день, великій день, настанетъ!
Ярмо цѣпей съ рабовъ падетъ,
И—всеславянскій небосводъ
Заря свободы зарумянитъ...

О, братья, вѣрьте! Въ день чудесъ
Въ лѣсахъ Богеміи печальной
Раздастся трубный гласъ небесъ:
„Воспрянь, народъ многострадальный.
И для тебя Христосъ воскресъ!..“

Изъ Антонія Совы.

(Съ чешскаго.)

I.

Моимъ красавицамъ.

О, гдѣ вы, красавицы, гдѣ вы?
О, гдѣ ты, чарующій сонъ?!.
Вашъ голосъ еще мнѣ такъ внятенъ
И смѣха серебряный звонъ...

Отъ пламени вашихъ лобзаній
Уста не остыли мои, —
Хоть шепчетъ разсудокъ холодный:
„Забудь сновидѣнья свои!“

Затихли волшебныя рѣчи,
Въ душѣ непогода шумитъ, —
Но память въ безумное сердце
Такъ страстно, такъ властно глядитъ...

О, гдѣ вы, красавицы, гдѣ вы?!.
Ахъ, еслибъ нашлась хоть одна,
Которая мнѣ бы осталась
И въ счастьѣ, и въ горѣ вѣрна!..

Я ей подарилъ-бы свой замокъ,
Все царство я отдалъ-бы ей, —
Тотъ замокъ, то царство, что скрылъ я
Въ душѣ безпокойной моей...

Я розами путь бы усыпалъ,
Душистыми розами грезъ,
И пѣсни мои въ честь прекрасной
Цвѣли-бы гирляндами розъ...

Безпечно мы съ ней бы гуляли
У моря печалей моихъ,
Внимая смолкающей бурѣ
Тревогъ и волненій былыхъ...

Надъ нами сіяло-бы солнце,—
Алѣлъ-бы восходъ и закатъ,
Всѣхъ въ мірѣ мы были-бъ счастливѣй,
Блаженнѣй блаженныхъ въ сто кратъ...

Любви нѣтъ—нѣтъ жизни, нѣтъ солнца,
Туманенъ и хмуръ небосклонъ...
О, гдѣ ты, прекрасная, гдѣ ты?
О, гдѣ-жъ ты, чарующій сонъ?!.

II.

Увитый орелъ.

Охотничій замокъ мой спалъ,
И не было видно дозора;
Лишь вѣтеръ безсонный качалъ
Вершины дремучаго бора.

Ночь таяла; зорька всплыла,
Туманъ всколыхнулся волнами:
Завидѣлъ я въ небѣ орла
Вблизи, надъ сѣдыми скалами...

Прицѣлился, выстрѣлилъ я,—
Царь-птица на землю упала.
Глазами впилася въ меня,
Разбитымъ крыломъ трепетала.

Струилася кровь, какъ ручей,
Изъ раны глубокой смертельной:
Отъ взгляда орлиныхъ очей
Охватывалъ страхъ безпредѣльный...

Но меркнетъ и царственный взоръ,
Погасли живые алмазы.—
И въ сердцѣ я слышу укоръ,
Всю кровь леденящія фразы:

„Ты думалъ,—убьешь ты орла...
Безумецъ, рабъ жизни безплодной!
Вѣдь эта царь-птица была
Прообразомъ мысли свободной;

„Парила она надъ тобой,
Звала тебя въ ширь безъ предѣла,
На бой вызывала съ судьбой —
Во имя великаго дѣла...

„И что-же?—убита она
Твоею рукой безъ пощады!
Такъ пей-же страданье до дна,
Оковъ жди, какъ лучшей награды!..“

Орелъ предо мною лежалъ
Трофеемъ живого укора;
А вѣтеръ качалъ и качалъ
Вершины угрюмаго бора...

Пѣсня шута.

(Изъ Карола Машека, съ чешскаго.)

На память мнѣ такая пѣсня,
Такая чудо-пѣснь пришла,
Что съ нею въ мигъ развеселю я
Весь міръ унынія и зла...

Ну, скрипка, старая подруга!
Ты отдохнула,—маршъ въ походъ!..
Споемъ, сыграемъ мы съ тобою,—
И небо намъ пошлетъ доходъ...

Пойдемъ сперва къ дверямъ Фортуны.
Пускай красавица бѣдна,
Для насъ наградой лучшей будетъ
Улыбка милая одна...

Вѣдь дологъ день, еще не поздно,
Успѣемъ мы набрать грошей
Хоть на кусокъ насущный хлѣба,
Не слыть-же намъ за торгашей!..

И раздалася пѣсня-чудо
Тамъ—у Фортуны подъ окномъ,—
Душа въ ней плакала живая,
Пылало сердце въ ней костромъ...

Допѣлъ бѣдняга, смолкла скрипка,—
И лишь тогда мой шутъ узналъ,
Что дома не было Фортуны,
Что самъ-себя онъ услаждалъ...

Первый день.

(Изъ Эманuила Ченкова, съ чешскаго.)

То не были блаженныя мгновенья,
Когда букетъ изъ пышныхъ бѣлыхъ розъ
Въ толпѣ гостей—исполненный волненья—
Тебѣ рукой дрожавшей я поднесъ...

То не былъ часъ безоблачнаго счастья,
То не была надеждъ любви заря,—
Когда, забывъ о мукахъ сладострастья,
Стояли мы съ тобой у алтаря...

То не былъ мигъ таинственной отрады,
Когда за нашимъ свадебнымъ столомъ
Сидѣли мы, и рѣчи всѣ и взгляды
Стремились къ намъ и жгли сердца огнёмъ...

Нѣтъ, лишь тогда я счастливъ былъ, какъ боги,—
Когда вдали отъ тостовъ и рѣчей—
Забылъ я всѣ волненья и тревоги
Наединѣ съ избранницей моей!..

О, лишь тогда—создàнная мечтами—
Насъ обняла святой отрады сѣнь,
Мои уста слились съ ея устами
И встрѣтили счастливыми слезами
Мы нашей жизни первый общій день!..

Осенній мотивъ.

(Изъ Фр. Шальда, съ чешскаго.)

Сѣрое, сѣрое поле;
Тускло и хмуро кругомъ;
Вѣтеръ гудитъ-завываетъ,
Падаетъ листъ за листомъ...

На небѣ—туча за тучей;
На сердцѣ—такъ тяжело...
Боже мой, Боже! Ужели
Солнце навѣки зашло?!.

«О, что за счастье!..»

(Изъ Фр. Печинки, съ чешскаго.)

О, что за счастье—уйти отъ свѣта,
Уединиться въ тотъ свѣтлый храмъ,
Гдѣ все внимаетъ душѣ поэта,
Гдѣ такъ ничтоженъ смыслъ нашихъ драмъ!..

О, храмъ великій! О, храмъ природы!..
Что предъ тобою всѣ алтари!..
Вѣнчаетъ небо въ тебѣ всѣ своды,
Святой алтарь твой - очагъ зари..

Въ тебя вступаю,—впередъ все манитъ,
Все дальше, дальше скорбь бытія;
Надеждамъ, грезамъ, мечтамъ—конца нѣтъ...
О, что за счастье! Какъ счастливъ я!..

Невольникъ.

(Чешское преданіе.)

I.

Окончилась грозная битва,
Все стономъ стонало кругомъ...
Заснулъ Святополкъ въ отчемъ домѣ,
Проснулся плѣнённымъ рабомъ.

Огонь истребилъ всѣ посёлки,
Подъ грохотъ губительныхъ сѣчъ;
Сразилъ всѣхъ бойцовъ за отчизну
Отточенный вражескій мечъ.

Потоптаны тучныя нивы
Копытами вражьихъ копей,
Запружены рѣки тѣлами
Возставшихъ отцовъ и дѣтей;

И дѣды, и жены, и внуки
Попались въ жестокій полонъ;
По всѣмъ прямоѣзжимъ дорогамъ —
Цѣпей переливчатый звонъ...

Наполнили вопли и стоны
Родную и вражью страну;
Всѣ жены, всѣ дѣвы — въ гаремахъ,
Юнаки томятся въ плѣну...

II.

Проходятъ за годами годы,
Повыросли дѣти въ мужей, —
А все Святополкъ не снимаетъ
Ярма подневольныхъ цѣпей...

Но вотъ взоръ царя-властелина
Однажды упалъ на раба,
И—мигомъ навѣкъ измѣнилась
Его роковая судьба:

На память о силахъ, погибшихъ
Во мракѣ суровыхъ годинъ,
Тяжелыя ржавыя цѣпи
Ему подарилъ властелинъ;

Опять онъ—на вольномъ просторѣ,
И каждаго утра заря
Его застаетъ приближеннымъ
Любимцемъ тирана-царя...

Онъ выросъ въ неволѣ угрюмой,
Онъ всѣмъ ненавистникомъ сталъ,
Кто гнета темницы вовѣки,
Оковъ кто вовѣкъ не знавалъ...

Старѣйшимъ надъ всѣми рабами,
Съ кѣмъ росъ на свободѣ онъ встарь,
Поставилъ его побѣдитель,
Увѣнчанный войнами царь.

И раньше жестокія муки
Терпѣли въ темницахъ своихъ
Юнаки, возросшіе въ рабствѣ,—
Да не было стоновъ такихъ,

Что стали съ тѣхъ поръ раздаваться
Среди полоненныхъ рабовъ:
Казалось, жестокій правитель
Замучить весь свѣтъ былъ готовъ...

III.

Вотъ снова зардѣлась пожаромъ
Въ странѣ побѣжденной заря,
И подняли знамя возстанья
Рабы властелина-царя...

Но было возставшее племя
Все снова разбито врагомъ,
И вновь запылали селенья,
Все стономъ-стонало кругомъ:

Съ добычей несмѣтной, съ полономъ
Вернулася грозная рать...
И—мѣстъ не хватило въ темницахъ,
Цѣпей не успѣли сковать...

„Оковъ не хватаетъ, властитель!“ —
Доносятъ владыкѣ владыкъ:
„Всѣ тюрьмы полны... Что намъ дѣлать?!“
Челомъ повелитель поникъ:

„Что дѣлать, какъ быть?!“ Но владыку
Изъ всѣхъ затрудненій лихихъ
Тутъ вызволилъ вѣрный любимецъ —
Мучитель собратьевъ своихъ:

Принесъ онъ дареныя цѣпи
И молвилъ: „Могучій! Прими!..
Нѣтъ тюремъ?!. А домъ Святополка?—
Его на темницу возьми!..

„Хоть будетъ невольникамъ тѣсно, —
Просторъ развѣ нуженъ рабамъ?
Они позабудутъ про волю,—
Порукою въ этомъ я самъ!“

Безумный старикъ!.. Онъ не вѣдалъ,
Что въ сонмѣ бездольныхъ рабовъ
Онъ—былъ всѣхъ несчастнѣи, что цѣпи
Носилъ на душѣ, безъ оковъ...

Невольникъ свободный—онъ продалъ
За рабство во вражьемъ краю
На вѣчный позоръ у потомства
Свободную душу свою!..

Изъ чешскихъ пѣсенъ.

I.

Отростаютъ у сокола крылья,
Бьется сердце въ народной груди:
Перержавѣли цѣпи насилья,
Лучъ свободы блеснулъ впереди...

Расшумись, разбушуйся, Влетава,
Выходи изъ своихъ береговъ!
Ой ты, гой еси, древняя слава,—
Сбрось позорное бремя оковъ!..

Стародавняя удаль-отвага,
Живъ тобою могучій народъ!
Богатырская чешская Прага,
Начинай соколиный полетъ!..

II.

Подъ славныя знамёна
Стекайтесь, старъ и младъ!
За далью небосклона
Костры надеждъ горятъ...

Пусть тучи въ небѣ ходятъ,
Пусть ночь темнымъ-темна,
Пусть страхъ въ сердца наводитъ
Кровавая луна, —

Родному внемля вѣчу,
Святой князь Вячеславъ
Идетъ врагамъ навстрѣчу
Вождемъ народныхъ правъ,—

Ведетъ на помощь рати
Безплотныхъ грозныхъ силъ:
Духъ Божьей благодати
Дружины окрылилъ...

Господня оборона
Надежнѣй крѣпкихъ латъ...
Подъ славныя знамена
Стекайтесь, старъ и младъ...

Изъ Франа Мажуранича.

(Съ хорватскаго.)

I.

Божья воля.

„Пароходъ!“—кричатъ въ восторгѣ дѣти;
Пристань, полная толпой народа,
Утопая въ яркомъ вешнемъ свѣтѣ,
Ожидаетъ встрѣчи парохода...

Выплылъ онъ, плыветъ изъ-за утеса
Лебедемъ надъ гладью серебристой;
Пѣнятъ воду мощныя колеса,
Стелется клубами дымъ змѣистый...

Вся толпа пришла въ одно волненье,
Вся—одной тревогою объята:
Что-то шлетъ ей это возвращенье?..
Ждутъ съ войны — кто сына ждетъ, кто брата...

Ближе, ближе... Съ берега платками
Замахали, машутъ надъ водою —
Киверами, шапками, руками;
Шумъ растетъ и ширится волною...

Подошелъ... Нѣтъ счета поцѣлуямъ,
Возгласамъ привѣтливымъ нѣтъ счета...
У однихъ восторгъ неописуемъ,
А другіе— ждутъ еще кого-то,—

Не дождаться!.. Плачетъ мать по сынѣ,
Молодуха всплакалась по мужѣ:
Оба—спятъ сномъ вѣчнымъ на чужбинѣ,
Вѣсть домой прославъ одну и ту-же!..

Крѣпокъ сонъ на полѣ, орошенномъ
Кровью павшихъ, защищая знамя, - -
Ни отцамъ, ни матерямъ, ни женамъ
Сновъ такихъ не пробудить слезами!

Спите, братья, кончивъ подвигъ трудный!..
Вотъ идетъ и вашъ соратникъ Иво...
Что-жъ никто изъ всей громады людной
Къ храбрецу не вышелъ торопливо?..

Бравый Иво храбрымъ былъ юнакомъ:
Шелъ подъ пули, какъ на праздникъ славы, - -
Двѣ медали блещутъ яркимъ знакомъ
Надъ турецкой раною кровавой...

Слава Богу! Рана зажила та,
И—домой пришло вернуться время...
Что-жъ никто не встрѣтитъ здѣсь солдата?
Или онъ забытъ и дома всѣми?!.

Гдѣ сестра—веселая рѣзвушка,
Что-жъ она не вышла брата встрѣтить?
Гдѣ-же мать. гдѣ добрая старушка?!
Нѣтъ ихъ здѣсь... И некому отвѣтить!..

Вотъ—сосѣдъ: узналъ служивый дѣда:
„Здравствуй, Янъ! Здоровы-ли мои-то?
Что ихъ нѣтъ? Скажи, утѣшь сосѣда!..“
- - „На погостѣ мать въ землѣ зарыта;

„Умерла, про сына вспоминая,—
Все къ себѣ звала тебя старуха“...
Пошатнулся, вѣсточкѣ внимая,
Храбрый воинъ и промолвилъ глухо:

„А сестра?.. Не спитъ-же вѣдь въ могилѣ?..
Что-жъ она-то брата не встрѣчаетъ?!.“
—„Жить - жива“... - „Да гдѣ-жъ она?“—„Сгубили“. .—
Молвилъ дѣдъ и головой качаетъ...

Блѣденъ Иво: „Правды нѣтъ на небѣ!..
А не знаешь Марьицы-красотки?..“
—„Какъ не знать! Торгуетъ мужъ въ Загребѣ,
Нѣтъ богаче въ цѣломъ околоткѣ“...

—„Такъ зачѣмъ вернулся-жъ я—бездольный?
Лучше-бъ лечь и мнѣ на Божье жниво!..“
Утѣшаетъ старецъ сердобольный:
— „Божья воля... Божья воля, Иво!..“

II.

Змѣя.

Годы дѣтства золотого
Вспоминаются съ отрадой:
Помню—домикъ нашъ старинный
За высокою оградой...

Садъ кругомъ него разросся
Цѣлой рощею вѣтвистыхъ
Кленовъ, липъ, березъ кудрявыхъ,
Стройныхъ тополей душистыхъ...

Помню—разъ вдвоемъ съ сестренкой
На оградѣ, въ темной щели
Мы гнѣздо какихъ-то птичекъ
Подъ карнизомъ разглядѣли;

Любопытенъ дѣтскій возрастъ!—
Чуть не цѣлыми часами
Мы простаивали съ нею,
Впившись въ гнѣздышко глазами.

Жизнь щебечущей семейки
Вся предъ нами проходила:
Мать заботливая, пташка,
Дѣтокъ зернами кормила;

Съ каждымъ грохотомъ колеснымъ
Шумной улицы, бывало,
Всѣхъ птенцовъ она тревожно
Подъ крылами укрывала...

Оперились крошки-птички,
Вылетать пора-бъ имъ скоро;
Вдругъ сестренка со слезами
Прибѣжала отъ забора:

„Тамъ, въ гнѣздѣ, змѣя!“ —лепечетъ...
—А птенцы?!—„Всѣхъ проглотила!“
Слезъ-то, горькихъ слезъ-то, сколько
У обоихъ дѣтокъ было!..

Зналъ одну вдову я послѣ...
Домикъ гнѣздышкомъ уютнымъ
Надъ рѣкой у ней лѣпился,
Кровъ давая безпріютнымъ;

Трое дѣтокъ, милыхъ дѣтокъ,
Въ немъ, какъ птенчики, сидѣли,
На меня изъ трехъ оконцевъ
Помню—каждый день глядѣли...

Но пришла бѣда нежданно:
Домикъ тотъ съ аукціона,
Проданъ былъ однимъ австрійцемъ
Сыну древняго Сіона...

Гдѣ вдова, сиротки-дѣтки
Горе мыкаютъ?—не знаю,
Но —при видѣ австріяка—
Про змѣю я вспоминаю...

III.

Словацкій „богатырь“.

Вчера, позавтракавъ, нашъ старый генералъ
Разсказывалъ друзьямъ, токайскимъ разбавляя
Свою живую рѣчь:—„Мой полкъ тогда стоялъ
Въ словацкомъ городкѣ... По улицамъ гуляя,
Почти-что каждый день я видѣлъ, какъ на торгъ
Нехитрый свой товаръ свозили поселяне,
И приводилъ меня всегда въ одинъ восторгъ
Стоявшій на мосту плюгавый сборщикъ дани
Съ окрестныхъ бѣдняковъ... Какъ онъ кричалъ на нихъ,
Какою страшною грозою разражался,
Коль пошлину платить за скудный даръ своихъ
Сизифовыхъ трудовъ проѣзжій затруднялся!..
Порой онъ рвалъ съ возовъ корзинки и мѣшки
И связки овощей, сбирая дань натурой,
А со строптивыми пускалъ въ ходъ кулаки,—
Хоть самъ-то былъ весьма невзрачною фигурой...
Однажды я иду, гляжу—еврейчикъ мой
Колотитъ рослаго словака молодого,
Кричитъ—„Давай, давай!“, грозитъ ему тюрьмой;
То—въ бокъ ему, то—въ грудь... А тотъ—ну, хоть бы слово!.
Взорвало тутъ меня:—„Послушай, милый другъ“,—
Дѣтинѣ крикнулъ я: „Ты хоть-бы постыдился!
Что смотришь на него? Для этихъ-ли заслугъ
На свѣтъ богатыремъ-словакомъ ты родился?!..
Да развѣ смѣетъ жидъ распоряжаться такъ?
Отвѣть-ка, братъ, ему по свойски за расправу!“
Совсѣмъ остолбенѣлъ тогда мужикъ-вахлакъ...
Ну, думаю, тебѣ, должно быть, боксъ по нраву..

Нѣтъ. вижу, богатырь лукаво подмигнулъ.
Расправилъ кулаки и—сборщика за воротъ,
Приподнялъ на аршинъ, попридержалъ, встряхнулъ
И—ну хлестать кнутомъ... Когда былъ всласть отпороть
Нашъ мытарь мостовой, я крикнулъ невзначай:
—„Эй, брось, пріятель, брось! Съ него и такъ довольно!"
—„Довольно? Ну, такъ что-жъ, и брошу... Получай
Свой крейцеръ за проѣздъ!"... И отдалъ добровольно
Онъ дань откупщику, и тронулся впередъ...
А храбрый іудей сбиралъ ужъ снова дани, —
Опять срывалъ съ возовъ товаръ... Ну, и народъ,
Забавный-же народъ, мадьярскіе славяне!"...
...И—прихлебнувъ вина, разсказчикъ замолчалъ...
Я на него смотрѣлъ и думалъ:—Да, забавный,—
Когда сознанье онъ навѣки потерялъ,
Что былъ когда-то самъ не жалкій рабъ безправный!..

IV.

Женскія слезы.

Она такъ плакала, съ супругомъ разставаясь,—
Какъ-будто онъ ее на долгіе года
Вдовою покидалъ... А, между тѣмъ, тогда,
Всего на мѣсяцъ лишь съ красавицей прощаясь,
Онъ въ Босну уѣзжалъ... Онъ былъ—рабомъ труда;
Она-же знала жизнь, лишь ею наслаждаясь...

„Мой милый, подожди, помедли хоть денёкъ!..
Противныя дѣла!.. Ты вѣчно, вѣчно съ ними,—
Какъ-будто до меня—съ желаньями моими—
Тебѣ и дѣла нѣтъ, любезный муженекъ!..
Не любишь ты меня"... Рыданьями глухими
Прервались жалобы...—„Ну, полно, мой дружокъ!

„Ну, полно, милая! Не мучь меня слезами!..
Ты знаешь, что люблю... Ты знаешь, что съ тобой.
Вдвоемъ съ тобою, жизнь—не жизнь, а рай земной...
Счастливѣй насъ съ тобой и нѣтъ подъ небесами!.."
И—обнялъ онъ ее дрожащею рукой,
Въ прощальный поцѣлуй сливаясь съ ней устами...

Звонокъ, еще звонокъ, и—поѣздъ зашипѣлъ
И съ мѣста тронулся какъ-будто съ неохотой,
Какъ будто-бы и онъ былъ удрученъ заботой
О любящихъ сердцахъ, страдающихъ отъ дѣлъ,
Отъ жизни мелкихъ дрязгъ—съ ихъ тусклой позолотой...
Она—все плакала; мужъ—на нее глядѣлъ

И ей махалъ платкомъ, покуда видно было, —
Покуда поѣздъ весь не скрылся вдалекѣ,
Оставивъ юную страдалицу въ тоскѣ...

И—чувство злобное во мнѣ заговорило:
Я зналъ, что „бѣдная“ въ укромномъ уголкѣ
Сегодня проведетъ весь день довольно мило...

Мнѣ утромъ показалъ одинъ пріятель мой
Записку нѣжную отъ дамочки слезливой:
Писала дамочка, что въ этотъ день счастливой
Была, какъ никогда,—что мужъ („колпакъ пустой!“)
Надолго уѣзжалъ... Съ мольбой нетерпѣливой
Она любовника звала къ себѣ домой...

Свиданье—черезъ часъ... А слезы что-жъ тогда?
Зачѣмъ онѣ лились такъ искренно, казалось?!
Ахъ, мало-ль женскихъ слезъ на свѣтѣ проливалось,—
Вѣдь плакать женщины—охотницы всегда!..
Она-же—съ „муженькомъ любезнымъ“ разставалась...
Поплакала... Ну, что-жъ—утѣшатъ, не бѣда!..

V.

Возрожденіе.

Былъ ясный, теплый вечеръ мая,
Сады струили ароматъ;
Полъ-неба разомъ обнимая,
День угасавшій провожая,
Алѣлъ надъ городомъ закатъ...

Больной, измученный, голодный,
Не зная самъ—куда, зачѣмъ,—
Терзаясь думою безплодной,
Я шелъ въ толпѣ рабовъ свободной
И слалъ свои проклятья всѣмъ...

„О, будьте прокляты!“—шептали
Мои холодныя уста,—
„И вы, что въ счастьѣ утопали
И вы—не знавшіе печали,
И ты, слѣпая нищета!..

„Проклятье вамъ, о люди-звѣри!
Тебѣ проклятье, гордый вѣкъ!
Вамъ, призывавшіе къ химерѣ,
Вамъ, состязавшіеся въ вѣрѣ,
Что царь природы—человѣкъ!..

„Проклятье—всѣмъ, всему на свѣтѣ,
Всему и всѣмъ, кто счастливъ былъ!..“
Вдругъ—дѣтскій плачъ... О, слезы эти!
О, Боже!.. Есть же въ мірѣ дѣти...
Безумецъ—я о нихъ забылъ!..

И, чувству новому внимая,
Нежданной радостью объятъ,
Я шелъ, весь міръ благословляя...
Былъ чудный вечеръ, вечеръ мая;
Сады струили ароматъ...

VII.

ПѢСНИ АРМЕНІИ.

Изъ Рафаэла Патканьяна.

I.

Зачѣмъ?

Не думайте, что ради громкой славы
Поэта пѣснь въ родной странѣ звучитъ:
Моя душа тщеславію не внемлетъ,
Свободный духъ на всѣ хвалы молчитъ.

Печальные напѣвы скорбной лиры, —
Для васъ готовъ пріютъ въ живыхъ сердцахъ...
Не угасай, Божественное пламя;
Буди отвагу въ доблестныхъ борцахъ!

Зачѣмъ пою? Не знаю... Вы скажите:
Зачѣмъ весной льютъ розы ароматъ,
Зачѣмъ ручьи, сбѣгая съ горъ къ долинамъ,
Средь зелени безъ умолку журчатъ?

Зачѣмъ зефиръ, съ куста на кустъ порхая,
Шлетъ свой привѣтъ родной природѣ всей?
Зачѣмъ въ сѣни вѣтвей благоуханной
Поетъ веснѣ гимнъ счастья соловей?!.

II.

Завтра.

Не мучь, не терзай, дорогая,—
Слова на лобзанья смѣни;
Вѣдь взоры твои обѣщали
Мнѣ вѣчно-блаженные дни!

При видѣ тебя я теряюсь,
Въ грудь сердце, какъ молотъ, стучитъ;
Я самъ, что со мною, не знаю,—
Вся кровь, холодѣя, горитъ...

Все „завтра“ да „завтра“ я слышу,
Украдкой встрѣчаясь съ тобой;
Надежда моя улетаетъ...
О, ангелъ! О, демонъ ты мой!...

Желанная! Въ жизни мгновенной
Такъ много вѣдь завтрашнихъ дней,—
Что́, если вдругъ завтра увидишь
Меня ты въ могилѣ моей?!.

III.

Двѣ картины.

1.

Большой, широкій дворъ; кругомъ деревьевъ своды,
Фруктовый старый садъ... Храня отцовъ завѣтъ,
Благословенная землей и небесами —
Живетъ семья крестьянъ здѣсь восемьдесятъ лѣтъ.
Съ семью женатыми своими сыновьями
Сѣдой старикъ Тумасъ съ старухою Шушанъ,
Безъ устали трудясь, другъ другу помогая,
Здѣсь молятся Творцу народовъ всѣхъ и странъ.
Читать, писать они еще не научились,
На модныхъ языкахъ бесѣды не ведутъ;
Не блещутъ роскошью и женъ ихъ туалеты,
Но зорко бережетъ красу ихъ бодрый трудъ.
Угрюмая нужда съ протянутой рукою,
Съ котомкой на спинѣ не кралась къ ихъ двору;
Долгъ не стучался въ дверь ихъ скромнаго жилища,
Открытаго всегда и правдѣ, и добру.
Старикъ Тумасъ встрѣчалъ свой каждый день молитвой,
День каждый провожалъ молитвою святой;
Съ семью невѣстками Шушанъ весь день трудилась
На умъ ей отдыхъ шелъ съ ночной лишь темнотой.
Чуланы, погреба, амбары и сараи
Всегда у нихъ полны, весь круглый Божій годъ;
Ихъ мирныя поля, ихъ нивы трудовыя
По милости Творца тучнѣли въ свой чередъ...
Говаривалъ порой Тумасъ своей старухѣ:
„Вѣдь скоро-скоро мнѣ исполнится сто лѣтъ!
Не зналъ я въ жизни слезъ, безъ нихъ сойти въ могилу
Хотѣлося-бы мнѣ, покинувъ бѣлый свѣтъ!..“

2.

Въ кандалы закованъ, въ мрачномъ казематѣ
На сырыя плиты брошенъ дѣдъ Тумасъ,—
Въ чемъ вина—не знаетъ; какъ о благодати,
Онъ о смерти молитъ Бога каждый часъ...

Треплетъ буйный вѣтеръ голову сѣдую,
Жалкіе лохмотья—въ холодъ и туманъ;
Мучитъ лютый голодъ нищую больную,—
Безъ угла, безъ крова дряхлая Шушанъ...

Продаютъ семь женщинъ на Есиръ-базарѣ;
Похотливы турки къ красотѣ такой,
Наживется евнухъ на живомъ товарѣ,—
Каждую невѣстку ждетъ гаремъ иной...

Семь орловъ голодныхъ надъ семью тѣлами,
Залитыми кровью, въ облакахъ парятъ,
Разглядѣвъ добычу жадными глазами,—
Семь сыновъ Тумаса непробудно спятъ...

IV.

Жаворонокъ.

Скажи мнѣ, жаворонокъ звонкій,
Зачѣмъ ты гнѣздъ въ садахъ не вьешь?
Зачѣмъ своихъ мелодій волны
Съ такихъ высотъ далекихъ льешь?!.

„Я—другъ народа-земледѣльца;
Его печаль—печаль моя...
Поля родимыя пустѣютъ,
Рѣдѣетъ пахарей семья!

„Земля не дастъ пѣвцу покоя,
Отраду небо мнѣ пошлетъ...
Я знаю—пѣснь моя молитвой
До слуха Божія дойдетъ!

„Молюсь я въ пѣснѣ вдохновенной,
Чтобъ Вседержитель вѣчныхъ силъ
Въ поляхъ Арменіи прекрасной
Свободный трудъ благословилъ!..“

Изъ Аветика Исаакьяна.

I.

„О, неужель?!.“

О, неужель должны завянуть розы
И лиліи утратятъ бѣлизну,
Замолкнутъ хоры птицъ и ручеекъ веселый
Льдомъ закуетъ пѣвучую волну?..

О, неужели, юный другъ прелестный,
Должны угаснуть и въ твоей груди
Огни святыхъ желаній беззавѣтныхъ,
И ждетъ тебя могила впереди?

О, неужель и ты закроешь очи,
Навѣкъ сомкнешь лучистые глаза,
И въ нихъ блеснетъ въ предсмертный мигъ прощальный
Холодная, послѣдняя слеза?

О, неужель твоей улыбкѣ свѣтлой
Не засіять въ моей житейской мглѣ,
И всѣ твои кипучіе восторги
Осуждены заснуть въ сырой землѣ?

О, неужель и ты меня покинешь?!.
Ты—сердцу больше жизни дорога!..
О, неужели и къ твоей могилѣ
Слѣдъ заметутъ сыпучіе снѣга?!.

II.

Ночь ясна... На землю съ неба
Смотритъ звѣздъ безмолвный взглядъ;
Лунный лучъ скользитъ по снѣгу,
Горы искрятся-горятъ.

Крылья быстрыя расправивъ,
Мчится вѣтеръ съ высей горъ,
Словно хочетъ разбудить онъ
Цѣпенѣющій просторъ.

Хлопья снѣжные кружатся
Въ буйной пляскѣ надо мной,
Застилая путь широкій
Безконечной пеленой.

Я иду... Куда?—Не знаю:
Въ сердцѣ—ледъ, въ душѣ зима,
Нѣтъ надежды, нѣтъ исхода,
Всюду—холодъ, всюду—тьма...

Гдѣ ты, другъ мой, другъ завѣтный?
Отзовись тоскѣ моей:
Отъ одной твоей улыбки
Станетъ жизнь моя свѣтлѣй!..

III.

Одѣта мракомъ сонная рѣка,
Затихъ камышъ, ночную тишь встрѣчая;
Какъ эта ночь—даль неба глубока.
Спокойно дремлютъ волны Арпа-чая.

И въ сердцѣ—ночь... Туманятся мечты...
Какъ ясный день—угасло солнце счастья...
Увяли вы, любви моей цвѣты,
По прихоти угрюмаго ненастья!..

Ни яркихъ звѣздъ въ холодной тьмѣ небесъ,
Ни пышныхъ розъ въ садахъ, объятыхъ мглою:
Мечтаній рой, какъ сладкій сонъ, исчезъ:
Разбита жизнь нежданною грозою...

Повѣялъ вѣтеръ... Вспѣнилась рѣка...
И струны сердца сноза зазвучали,
И въ пѣснь мою вплетаетъ вновь тоска
Завѣтную мелодію печали...

Изъ Ованнеса Туманьяна.

I.

Когда мой взоръ слезою непокорной
Блеснетъ, и вздохъ слегка взволнуетъ грудь,
И вглубь души, одѣтой мглою черной,
Откроется невольно тайный путь,—

Не думай ты, что я прошу участья,
Что раздѣлить хочу съ тобой печаль!
О, не буди напрасно жажду счастья,
Не спрашивай—чего мнѣ въ прошломъ жаль!..

Твои слова не будутъ утѣшеньемъ,
Не принесутъ покоя ни на мигъ,—
Передъ тобой навѣкъ закрытъ забвеньемъ
Моей тоски, моей любви тайникъ!..

II.

Палъ онъ рабски-малодушно,—
Не подняться вновь ему...
Но узнайте раньше, братья:
Что вело его къ тому!

Вотъ другой идетъ предъ вами—
Оклеветанный молвой,—
И его вы не казните
Казнью слова роковой!

Третій падшій... Заклейменъ онъ
Властью судей—какъ злодѣй...
Не спѣшите осужденьемъ
Погибающихъ людей!

Можетъ быть—не все погибло
И теперь еще для нихъ,—
Божій судъ вѣрнѣй разсудитъ
Обвиняемыхъ своихъ...

Можетъ быть—другая правда,
Солнцемъ истины горя,
Жизнь ихъ темную освѣтитъ,
И—для нихъ взойдетъ заря...

Міръ души—нѣмая тайна:
Гдѣ паденья въ немъ печаль,
Гдѣ въ немъ подвигъ,—все скрываетъ
Неразгаданная даль...

Не узнать, не разгадать вамъ—
Что таитъ въ душѣ пѣвецъ,
Гдѣ его скорбей начало,
Гдѣ въ нихъ радости конецъ!..

III.

Пѣвцу.

Спой мнѣ пѣсню родную, пѣвецъ,
Пѣсню страсти, любви и огня,
Пѣсню, полную жгучей тоской,—
Пусть терзаетъ и мучитъ меня!

Жизнь во мнѣ, замирая, молчитъ,
Сердце дремлетъ безмолвно въ груди...
Спой печальную пѣсню, пѣвецъ.
Пѣсней сердце мое разбуди!

Пусть отъ звуковъ напѣвовъ твоихъ,
Окрыленныхъ мелодіей грезъ,
Вся пустыня безрадостныхъ думъ
Оросится потоками слезъ.

Долго я отъ людей хоронилъ
И мечты, и любовь, и печаль,—
Предъ тобою открыты онѣ,
Для пѣвца ничего мнѣ не жаль!

Запѣвай-же скорѣе, скорѣй,—
Слезы брызнуть готовы изъ глазъ:
Дорогая награда пѣвцу,—
Въ каждой этой слезинкѣ—алмазъ!..

Изъ Александра Цатуріана.

I.

Волны и думы.

Волнуется море. Взбѣгаютъ горами
Мятежныя волны—гиганты сѣдые
И стонутъ, и бьются о берегъ валами,
И рвутся впередъ боевыми рядами,
И падаютъ снова въ объятья стихіи!
Безумны вы, съ вѣчной судьбиною споря:
Нѣтъ жизни у васъ за предѣлами моря!

Волнуется сердце. За думою дума
Вздымаются въ немъ,—рвутся къ свѣту свободы.
Кипятъ, словно волны, и снова угрюмо—
Подъ говоръ зловѣщій житейскаго шума —
Въ груди замираютъ, не видя исхода...
Безумны вы, думы о вольной отчизнѣ:
За гранями сердца нигдѣ нѣтъ вамъ жизни!

II.

На чужбинѣ.

Чуждо мнѣ солнце, и небо мнѣ чуждо, —
Пусть ихъ горятъ надъ моей головой!
Сколько бы ни было въ нихъ обаянья,
Ночь безъ просвѣта стоитъ предо мной:
Сердце изныло на вольной чужбинѣ,
Грудь истомилась тоской.

Дня не проходитъ безъ тягостной думы,
Часа не минетъ безъ жгучей тоски,—
Въ жертву я жизнь бы принесъ молодую
Тѣмъ небесамъ, что теперь далеки,
Родины милой лучистому солнцу,
Волнамъ родной мнѣ рѣки.

Въ памяти живо счастливое дѣтство, —
Въ мирныхъ объятьяхъ природы я росъ,
Свѣтомъ любимой отчизны взлелѣянъ —
Какъ въ колыбели изъ лилій и розъ...
Дѣтскіе годы во мракѣ мнѣ свѣтятъ
Свѣтомъ несбыточныхъ грезъ.

Какъ позабыть мнѣ картины степныя,
Горы и долы родной стороны,
Звонъ мелодичный потоковъ нагорныхъ,
Мнѣ навѣвавшій счастливые сны,—
Шелестъ привѣтный лѣсовъ темнокудрыхъ,
Нѣгу и ласки весны!..

Нѣтъ вамъ забвенья, зеленыя нивы,
Благоуханныя купы садовъ,
Гдѣ я порхалъ беззаботною пташкой
Въ пестрой крылатой семьѣ мотыльковъ,
Гдѣ я впервые извѣдалъ отраду
Жизни, не знавшей оковъ!

Не позабыть мнѣ родимыхъ селеній,—
Рвется тревожное сердце туда—
Къ стонамъ страданья, къ счастливому смѣху,
Къ пѣснямъ веселья и къ пѣснямъ труда...
Родина-мать, я тебѣ и въ разлукѣ
Не измѣню никогда!

Чуждо мнѣ солнце, и небо мнѣ чуждо, —
Пусть ихъ горятъ надъ моей головой!
Сколько бы ни было въ нихъ обаянья,
Ночь безъ просвѣта стоитъ предо мной...
Сердце изныло на вольной чужбинѣ,
Грудь истомилась тоской.

III.

Пѣсня воина.

Лети, мой конь, лети скорѣй
Въ разгаръ давно желанной битвы,—
Падемъ въ бою—такъ помянутъ
Насъ бѣдной родины молитвы!

Неси меня въ тотъ славный край,
Гдѣ бились прадѣды и дѣды,
Гдѣ мой народъ—и день, и ночь—
Свои оплакиваетъ бѣды!

Прошли года, вѣка прошли,—
Онъ жилъ лишь свѣтлыми мечтами,
Не видя проблеска надеждъ
И подъ родными небесами.

Клонясь покорно предъ судьбой,
Онъ долго ждалъ расцвѣта силы,
А лютый врагъ его сынамъ
Копалъ кровавыя могилы.

Цѣною смерти я готовъ
Купить хоть день свободной жизни
Странѣ, томящейся въ плѣну,
Въ цѣпяхъ страдающей отчизнѣ!

Лети-жъ стрѣлой, лети, мой конь,
Въ послѣдній бой, на поле брани —
Туда, гдѣ смерть въ рядахъ бойцовъ
Сбираетъ дерзостныя дани!..

На волѣ.

(Изъ Леопа Мапуэльяна)

Боже мой, какъ хороши
Ясные вешніе дни
Въ тихомъ привольѣ долинъ,
Въ благоуханной тѣни!

Тамъ, словно бархатъ, трава
Стелется пышнымъ ковромъ;
Ива, вершину склонивъ,
Дремлетъ надъ звонкимъ ручьемъ.

Что за блаженство—внимать
Мѣрному плеску волны,
Припоминать на-яву
Жизни счастливые сны;

Съ горныхъ высотъ въ глубь низинъ
Въ чуткомъ безмолвьи смотрѣть
И отъ волненій земныхъ
Мыслями къ небу летѣть,—

Муки и скорби забывъ,
Пѣсней будить тишину,
Вторя могучимъ пѣвцамъ,
Славить родную страну...

Боже мой, какъ хорошо!
Что за раздолье кругомъ!
Что за отрада—себя
Чувствовать вольнымъ орломъ!..

Р. Латканьяну.

(Изъ Ованнеса Ованнисьяна.)

. . . . .

Могучимъ взмахомъ кисти слова
Онъ душу родины открылъ
И пѣсенъ сладостнымъ напѣвомъ
Всѣ чувства сердца окрылилъ.

О, пусть-же голосъ пѣснопѣвца
Звенитъ свободною струной,
Гремя разливомъ перекатнымъ
По всей Арменіи родной!

Пусть эта проповѣдь живая
Любви, не знающей веригъ,
Журчитъ и плещетъ—какъ вовѣки
Неизсякающій родникъ!

Пусть волны этихъ чудныхъ пѣсенъ
Собой надежды свѣтъ несутъ:
Борцовъ къ побѣдамъ вдохновляютъ
И ободряютъ честный трудъ!..

VIII.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ.

Ѳульскій король.

(Изъ Вольфганга Гёте.)

Царствовалъ въ старые годы
Въ Ѳулѣ король молодой:
Дѣва одна завѣщала
Кубокъ ему золотой.

Пилъ изъ него на пирахъ онъ
И вспоминалъ каждый разъ
Милую сердцу, и слезы
Падали въ кубокъ изъ глазъ.

Жизнь пролетѣла... Предъ смертью
Ѳульскій сѣдой властелинъ
Передалъ сыну все царство,—
Кубокъ не отдалъ одинъ.

Пышенъ былъ пиръ королевскій...
Рыцари яркой толпой
Залъ наполняли старинный
Въ замкѣ надъ бездной морской.

Вдругъ поднялся съ полнымъ кубкомъ
Съ трона король своего,—
Выпилъ весь кубокъ до капли,
Въ море забросилъ его...

Кубокъ сверкнулъ надъ волнами,
Кубокъ покрыла волна...
Больше король въ этомъ мірѣ
Не пилъ ни капли вина!

Дѣтоубійца.

(Изъ Фридриха Шиллера.)

Чу, ударилъ колоколъ печальный!
Вотъ онъ, вотъ—и часъ послѣдній мой...
Міръ живыхъ, тебѣ—привѣтъ прощальный!
Съ Богомъ, въ путь! На площадь! Всѣ—за мной!..
Жизнь, прими послѣдній даръ завѣтный —
Эти слезы жгучія прими!
Сладокъ былъ ядъ страсти беззавѣтной,
Слезъ отраву за него возьми!..

Вы сокройтесь, тѣни дней блаженныхъ:
Мракъ могилы мнѣ замѣнитъ васъ!
Скройся, солнце радостей священныхъ,
Озарявшее любовью каждый часъ...
Вы простите, юныхъ грезъ видѣнья,
Дѣти рая—свѣтлыя мечты!
Вы завяли въ утро упоенья;
Не расцвѣсть вамъ, мертвые цвѣты!

Шли гирлянды розъ благоуханныхъ
Въ лебединой бѣлизнѣ одеждъ моихъ!
Помню—въ годы первыхъ думъ нежданныхъ
Въ кудри я всегда вплетала ихъ...
И въ одеждѣ бѣлой, какъ бывало,
Я стою на роковомъ пути...
Вмѣсто розъ—чернѣетъ покрывало,—
Знакъ, что время мнѣ на казнь идти...

Плачьте вы о жертвѣ увлеченья—
Чья невинность лиліей цвѣтетъ,
Въ чьихъ сердцахъ отъ самаго рожденья
Сила воли, что ни день, растетъ...

Горе мнѣ—забывшей вашъ обычай!
Я себѣ вонзила въ сердце ножъ:
Усыпила весь мой стыдъ дѣвичій
Страстныхъ клятвъ плѣнительная ложь...

Можетъ быть, невинность обольщая,
Онъ змѣинымъ сердцемъ льнетъ къ другой
Въ часъ, когда—отъ горя изнывая —
Я стою у плахи роковой!
Можетъ быть, отъ прежней лжи далекъ, онъ
Въ поцѣлуяхъ пьетъ блаженство вновь,
И лобзать онъ станетъ новой жертвы локонъ
Въ мигъ, когда моя прольется кровь...

Нѣтъ, Іосифъ!.. За тобою—тѣнью
Плачъ Луизы всюду полетитъ;
Этотъ звонъ, взывая къ отомщенью,
Слухъ твой страхомъ смерти поразитъ...
Въ мигъ, когда ты, съ милой сливъ дыханье,
Станешь слушать и ласкать ее, —
До нея дойдетъ мое страданье
И отравитъ счастіе твое!..

Злой измѣнникъ!.. Мой позоръ нежданный,
Муки сердца, пылкихъ клятвъ слова,
Сынъ—твой сынъ безродный, безымянный
(О, смягчить могло-бы это тигра, льва!..)—
Все забылъ ты, рабъ своей измѣны!..
Парусъ поднятъ и—пропалъ изъ глазъ...
Юнымъ дѣвамъ на прибрежьи Сены
Ты сплетаешь лживый свой разсказъ!..

Сынъ, мой сынъ... Въ моихъ объятьяхъ нѣжныхъ
Онъ лежалъ—въ волшебномъ царствѣ сна,
Улыбался въ грезахъ безмятежныхъ;
Расцвѣтала жизнь въ немъ—какъ весна...

Мой малютка! Что съ тобою сталось?
Мой любимый, вѣчно дорогой!..
Я смотрѣла,—сердце разрывалось
Отъ любви и муки неземной...

„Гдѣ отецъ мой?“—слышался безмолвный
Роковой, мучительный вопросъ...
„Гдѣ твой мужъ?“—звучалъ страданья полный
Голосъ сердца - голосъ жгучихъ слезъ.
Ахъ, напрасно ждать его, напрасно!..
Онъ теперь—среди дѣтей другихъ...
Проклянёшь, малютка мой несчастный,
Счастья нашего ты каждый часъ и мигъ!..

Цѣлый адъ въ душѣ моей безумной;
Міръ лежитъ пустыней предо мной...
Жажду радостей, волненій жизни шумной
И всего, что память шлетъ съ тобой!..
Дѣтскій лепетъ мнѣ напоминаетъ
Тѣнь погибшихъ, невозвратныхъ дней:
Въ сердце мнѣ стрѣлою проникаетъ
Каждый взглядъ младенческихъ очей...

Адъ мнѣ, адъ—тебя не видѣть, милый!
Муки ада—видѣть мнѣ тебя!..
Сколько счастья далъ отецъ постылый,
Столько горя ты дашь, любя...
Слышу клятвы съ ихъ лукавой лестью,—
Вѣчно слышать суждено мнѣ ихъ!
Вѣчно! Тутъ забилось сердце местью,
И—убійство совершилось вмигъ!..

О, злодѣй!.. Неслышными шагами
Призракъ сына всюду за тобой
Пусть идетъ, пусть—мертвыми руками
Въ сладкомъ снѣ тебя онъ обовьетъ!

Пусть, при звѣздномъ ласковомъ мерцаньѣ,
Онъ развѣетъ міръ твоей любви—
Этотъ призракъ бѣднаго созданья,
Блѣдный призракъ въ ранахъ и въ крови!..

Онъ, у ногъ убійцы холодѣя,
Трепеталъ, и кровь его лилась;
Жизнь моя струилась вмѣстѣ съ нею,
Обрывалась въ сердцѣ съ міромъ связь...
Чу, стучится въ двери вѣстникъ казни
Я на смерть съ отрадою спѣшу;
Холодъ смерти встрѣтивъ безъ боязни,
Я имъ пламя страсти погашу!..

Пусть Творецъ проститъ тебя, Іосифъ!
Я—тебѣ... прощаю на землѣ,
Все—и гнѣвъ, и злую месть—отбросивъ
Въ этихъ писемъ тлѣющей золѣ...
Тлѣйте, клятвы! Тлѣйте, поцѣлуи!..
Васъ съ собой въ могилу не возьмешь!.
Все и всѣхъ забывъ, на казнь иду я...
Догорай, погибшей жизни ложь!..

Дѣвы, розамъ юности не вѣрьте!
О, не вѣрьте, сестры, никому!..
Здѣсь, идя къ своей позорной смерти,
Шлю проклятья счастью моему!..
Слезы? Слезы палача?!. На плаху!..
Дай скорѣй повязку!.. О, не плачь!
Рви смѣлѣй цвѣтокъ! Руби съ-размаху!..
Не блѣднѣй; кончай скорѣй, палачъ!..

Изъ Детлефа фонъ-Лиліенкрона*).

I.

Птичка.

Пой спокойно, крошка-птичка,
Въ зеленѣющей аллеѣ!
Посмотри—я безоруженъ...
Пой, пѣвунья, веселѣе!

Не смущайся!.. Только слухомъ
Я ловлю твой милый щебетъ...
Здѣсь дождемъ тебя не мочитъ,
Вѣтромъ перьевъ не теребитъ!..

Нѣтъ—вспорхнула щебетунья,
Улетѣла изъ аллеи:
Человѣкъ для вольной пташки
Всѣхъ дождей, всѣхъ бурь страшнѣе!

*) Баронъ Детлефъ фонъ-Лиліенкронъ—современный нѣмецкій поэтъ-лауреатъ, родился въ Шлезвигѣ въ 1844-мъ году.

II.

Своводная любовь.

(Отрывокъ.)

О, милое дитя, любимое судьбою!
Тебѣ еще всего восьмнадцать лѣтъ:
Я такъ недавно встрѣтился съ тобою...
Но нашихъ яркихъ грезъ успѣлъ завянуть цвѣтъ!..

Навстрѣчу скукѣ—ложь идетъ невольно...
О, Боже мой! Довольно лжи, довольно!..
Холодный пепелъ развѣ вспыхнетъ самъ?
Зачѣмъ-же въ море плыть измученнымъ пловцамъ?!.

Иди—своимъ путемъ, не будешь одинока...
О, не жалѣй меня! Не станемъ тосковать!..
И если гдѣ-нибудь мы встрѣтимся опять,—
Ни лжи не вызоветъ та встрѣча, ни упрека!..

III.

Въ поляхъ.

Чуть дыша, весенній вѣтеръ
Пробѣгалъ по раннимъ всходамъ;
Тихимъ вечеромъ полями,
Шагъ за шагомъ, шли мы—помнишь?—
Объ-руку съ тобой...

Кто-то встрѣтилъ насъ дорогой
Любопытнымъ взглядомъ праздным,—
Разомкнулись наши руки,
И пошли мы дальше рядомъ
Равнодушно и спокойно—
Чинною четой...

Но едва успѣлъ прохожій,
Научившій насъ притворству,
Убѣжать отъ нашихъ взоровъ,—
Какъ не только наши руки,
И уста—слились съ устами,
Съ жаркой грудью—грудь...

А теперь—хлѣба созрѣли;
Есть гдѣ скрыться нѣжнымъ ласкамъ
Отъ чужихъ докучныхъ взглядовъ...
Но—усталый путникъ—грустно
Я плетусь своей дорогой...
Одинокъ мой путь!

На мотивъ Эрнста Штауса.

(Съ нѣмецкаго.)

Погасъ послѣдній солнца лучъ,
Земля усталая заснула;
Въ объятьяхъ кроткой тишины
Вся жизнь природы потонула.

Замолкъ тѣнистый старый садъ,
Не шелохнетъ листкомъ единымъ;
Не смѣетъ даже вѣтерокъ
Пройтись по дремлющимъ куртинамъ...

О, эта ночь! О, эта тишь!
О, эта чуткая дремота!..
Не раскрывайте зоркихъ глазъ,
Тоска, тревога и забота!..

Здѣсь—счастье къ счастью сердцемъ льнетъ,
Зарю любви своей встрѣчая,
На поцѣлуй горящихъ устъ
Огнемъ лобзаній отвѣчая...

Изъ Леона Дирксa *).

I.

Молитва Адама.

Я видѣлъ сонъ—ужасный, какъ забвенье:
Я былъ въ толпѣ тѣней неисчислимыхъ,
А впереди—колѣно-преклоненный —
Какъ Богъ прекрасный, но безмолвный и печальный,
Виднѣлся предокъ праотцевъ земли...

И слушали мы всѣ, прислушиваясь жадно
Къ тому, какъ изъ бездонныхъ безднъ вселенной—
Отъ береговъ земли, охваченныхъ туманомъ,
Къ намъ возносился вопль людей немолчный,
Безумный смѣхъ, проклятій тяжкій стонъ...

И все печальнѣй становился одинокій
Склонявшійся въ молитвѣ изступленной,
Простершійся во прахѣ созданный изъ праха,—
Когда сквозь хаосъ раздавался голосъ:
„Адамъ! На свѣтъ явился новый человѣкъ!..“

—„О, Господи!—къ Іеговѣ взывалъ онъ:—
Доколѣ будетъ длиться эта мука?!.
О, неужели никогда изъ мрака ночи
Я не услышу клика:—Совершилось!
Мертвъ на землѣ послѣдній сынъ земли!..“

*) Леонъ Дирксъ—новоизбранный „король французскихъ поэтовъ“, преемникъ Поля Верлена и Стефана Маларме.

II.

Октябрьскій вечеръ.

Вотъ и осень—другъ тоски желанный...
Ты прости-прощай, кудрявый садъ!
Ты—луговъ цвѣтущихъ ароматъ,
Лѣтнихъ сновъ покровъ золототканный!..

Годы дѣтства; смѣхъ—какъ небо, ясный;
Думы свѣтлыхъ, думы юныхъ лѣтъ;
Грезъ любви таинственный расцвѣтъ —
Міръ видѣній женственно-прекрасный...

Все прошло, умчалось безъ возврата:
Страстный шепотъ устъ любви живой,
И сердецъ смущенныхъ перебой,
И объятья въ томный часъ заката...

Все прошло, заглохло въ чащѣ терній...
Но—какъ голосъ невозвратныхъ дней —
Всю тоску больной души моей
Пробуждаетъ благовѣстъ вечерній.

Волны звуковъ падаютъ на волны...
Мѣдный хоръ плыветъ, поетъ въ тиши...
Льется онъ изъ глубины души
Въ этотъ вечеръ, тихой грусти полный!..

III.

Похоронный маршъ.

Ужасные дни—дни угрюмой борьбы,
Безумные, злые...
О, кто-жъ вамъ отвѣтитъ устами судьбы,
Вопросы души роковые?!.

Никто!.. Мы отвергли героевъ своихъ
Въ безсильной тревогѣ. .
И голосъ послѣдней молитвы затихъ,
Послѣдніе умерли боги!

Ни грезъ и ни тѣни надеждъ впереди...
И—жалкой толпою
Бредемъ мы безъ воли, безъ жизни въ груди.
Духовной томясь нищетою...

Не вѣрили предки въ „святую любовь“,
Ее воспѣвая...
О, можемъ-ли къ вѣрѣ вернуться мы вновь,
Не видя любви и не зная?!..

Умри, старый призракъ! Исчезни, какъ дымъ,
Тѣнь лживыхъ страданій!
Пусть наша душа станетъ гробомъ твоимъ—
Душа безъ надеждъ и желаній.

Все умерло въ мірѣ: любовь и вражда,
И счастье, и мука:
На свѣтѣ жива, не умретъ никогда,
Лишь скука, всевластная скука!..

Земля! Пользы нѣтъ въ безконечной борьбѣ—
Безумно-мятежной!
Пади на грудь солнцу, ты этимъ себѣ
Ускоришь конецъ неизбѣжный!..

О, солнце! Погасни! Ты—мертвый скелетъ,
Изсякъ весь твой геній!..
Низвергнись съ лазури въ пространство, гдѣ нѣтъ
Ни древнихъ, безумствомъ объятыхъ, планетъ,
Ни новыхъ безумныхъ мученій!..

Изъ Мориса Метерлинка.

(Съ французскаго.)

I.

Смотрю сквозь призму сожалѣній
На обманувшія мечты,—
На пепелищѣ вожделѣній
Взростаютъ дивные цвѣты.

Огни несбыточныхъ желаній
Зажгли весь міръ души моей,
Весь мертвый міръ воспоминаній
Далекихъ дней, угасшихъ дней.

И вотъ — надъ выжженною степью,
Въ лучахъ пурпурно-огневыхъ,
Взбѣгаютъ плавно, цѣпь за цѣпью,
Холмы печалей роковыхъ.

Я вновь живу, обвѣянъ маемъ
Былыхъ завѣтныхъ вечеровъ,
Какими въ жизни мы вѣнчаемъ
Зарю своихъ земныхъ пировъ...

II.

Мой духъ желанье не влечетъ
На берега любви,
Хоть каждый новый день поетъ,
Поетъ ему: „Живи!“

Онъ замираетъ въ глубинѣ
Глубинъ души моей, —
Тамъ, гдѣ цвѣтетъ на темномъ днѣ
Садъ ледяныхъ лилей.

Страданья, словно гнетъ оковъ,
Въ меня вселили страхъ;
Но сердце слышитъ пѣснь цвѣтовъ
На голубыхъ стебляхъ.

И проясненный пѣснью взоръ
Объемлетъ тайный свѣтъ
Лилей, забывшихъ съ давнихъ поръ
Весенній свой расцвѣтъ.

Одинъ лишь мигъ, а тамъ—замретъ
Живыхъ страстей порывъ,
Въ нѣмой безбрежности заботъ
Мечты похоронивъ...

Изъ Поля Бурже.

(Съ французскаго.)

I.

Мотылекъ и роза.

Мотылекъ огнецвѣтный
Сѣлъ на пышную розу душистую,
Изъ нея незамѣтно
Выпилъ душу прекрасную, чистую;

И—вспорхнувъ, затерялся
Вдалекѣ надъ цвѣтущей долиною...
А цвѣтокъ—все склонялся,
Умирая подъ трель соловьиную...

II.

„Зачѣмъ?!.“

О, сколько я писалъ сонетовъ —
Сонетовъ, никогда не читанныхъ тобой!
Какъ много сорвано цвѣтовъ моей рукой—
Цвѣтовъ тобой не виданныхъ букетовъ!..

Какъ много тайныхъ грезъ незримы для тебя,
Какъ много пролилъ слезъ я въ думахъ одинокихъ!
А ты... О, знала-ль ты о безднѣ мукъ глубокихъ,
Той безднѣ, гдѣ тонулъ я, пламенно любя?!.

О, для чего я былъ такъ холоденъ и нѣмъ, —
Когда любовь къ тебѣ всю душу мнѣ сжигала!
Хотѣлъ я все открыть... Но каждый разъ шептало
Мнѣ сердце, полное тревогою: „Зачѣмъ?!.“
И вторили ему зловѣщія сомнѣнья,
Что мнѣ не пробудить въ тебѣ и сожалѣнья...

Моей молодости.

(Изъ Анри де-Ренье, съ французскаго.)

Нѣтъ, молодость, тебя я не зову,
Ты вновь пришла-бы съ шелестомъ весеннимъ,
И мы пошли-бъ съ тобою по лѣсамъ,
Гдѣ помнитъ эхо голосъ твой веселый...

Какъ прежде—мимо счастья мы бы шли,
Мои глаза руками ты закрыла-бъ
И вѣтвь цвѣтовъ сломила-бы, не ждавъ,
Пока созрѣетъ плодъ моихъ желаній...

Оставь меня,—нѣтъ силъ былыхъ во мнѣ,
Затихъ порывъ, который влекъ когда-то
Вслѣдъ за тобой... Оставь меня, оставь,—
Я изнемогъ подъ грозами скитанья...

Уйди! Не смѣйся!.. Я иду—назадъ,
На старый путь, къ той тѣни, что бросаетъ
На мракъ тоски свѣтъ памяти былой
Подъ лаской догорающаго солнца...

Тамъ, у конца тернистаго пути,
Которымъ шла своей дорогой слава,
Я вижу—лавръ темнѣетъ вдалекѣ,
На пурпурѣ небесъ, объятыхъ тайной...

Воспоминаніе дѣтства.

Изъ Іогана Рунеберга*).

Мнѣ вспоминается даль дѣтскихъ дней порою,—
Воспоминаніе—отраднѣй всѣхъ другихъ!..
Тогда во мнѣ-самомъ вся жизнь цвѣла весною,
И розы первыхъ грезъ не знали бурь земныхъ...

Наивность дѣтская жила въ душѣ безпечной—
Свѣтла, какъ первый лучъ безоблачнаго дня...
Свѣтъ чистыхъ радостей сіялъ лазурью вѣчной,
Казалось горе мнѣ—росою близъ огня...

И думалъ я: вся жизнь полна благоуханья...
Все улыбалось мнѣ, играя и шутя;
Мнѣ пѣсни вѣтеръ пѣлъ, ручей шепталъ сказанья,
Природа-мать со мной рѣзвилась, какъ дитя...

Но вотъ—моя весна исчезла за горами,—
Ея прощальный лучъ въ груди моей погасъ...
Пусть каждый новый май даритъ луга цвѣтами,—
Я знаю: жизнь цвѣтетъ на свѣтѣ только разъ!

Когда увянетъ жизнь, осыпавъ мертвымъ цвѣтомъ
Родную грудь земли—ей не воскреснуть вновь!
Ея сухихъ корней не оживить привѣтомъ,
Могильнымъ холодомъ ей скажется любовь...

*) Іоганъ-Людвигъ Рунебергъ — національный финляндскій поэтъ, писавшій на шведскомъ языкѣ и жившій тогда, когда еще финскаго литературнаго языка не существовало. Онъ родился въ 1804-мъ году въ гор. Якобстадѣ, умеръ въ 1877-мъ въ гор. Борго.

Я въ прошлое гляжу,—какъ смотритъ, покидая
Родные берега, чужихъ морей пловецъ...
Безпечной радостью дни дѣтства поминая,
Мнѣ молодость плела терновый свой вѣнецъ...

О, что весь шумный свѣтъ! Что гордой славы храмы—
Въ сравненьи съ хижиной, гдѣ я увидѣлъ свѣтъ!..
Что лавры поздніе—въ сравненьи съ тѣмъ, когда мы
Вѣнчаемъ играми свой жизненный расцвѣтъ!..

Нѣтъ, не жалѣй о томъ!.. Пускай невозвратимы
Ни дѣтство рѣзвое, ни радости его...
Они—не умерли, хоть и промчались мимо,
Воспоминаніе о нихъ—живѣй всего.

Оно—мой кроткій другъ и спутникъ мой веселый:
Оно мнѣ говоритъ, что тамъ—въ концѣ пути—
Мнѣ кто-то встрѣтится, съ плечъ сниметъ грузъ тяжелый
И счастье дѣтскихъ дней поможетъ вновь найти...

И вотъ тогда, склонясь на старый посохъ жизни,
Я загляну въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ земныхъ тревогъ,
И шаткой поступью пойду къ иной отчизнѣ—
Къ могилѣ, какъ идти лишь къ колыбели могъ...

Изъ Іегуды Харизи *).

I.

Радуга.

Слезы, о слезы мои,
Если-бы волны свои
Лили вы въ-ладъ съ каждымъ горемъ,—
Весь бы земной кругозоръ
Всплылъ надъ вершинами горъ
Вѣчно бушующимъ моремъ.

Въ безднѣ клокочащихъ слезъ
Я бы стоялъ, какъ утесъ
На островкѣ чуть замѣтномъ...
Но—наяву, иль во снѣ?—
Грезилась радуга мнѣ
Счастья миражемъ отвѣтнымъ:

И—затихать успѣвалъ
Моря взбѣгающій валъ
Въ чудныя эти мгновенья,
Слезы (и слезы мои!)
Волны сливали свои
Всѣ—въ океанъ вдохновенья...

*) Іегуда бенъ-Соломонъ Харизи—еврейскій поэтъ, жившій въ Испаніи въ первой четверти XIII столѣтія.

II.

„Божій годъ".

Дитя, цвѣла ты мало лѣтъ
Въ сѣни родныхъ садовъ,
Но знай—для Бога въ небѣ нѣтъ
Земной длины годовъ:

Что человѣку—долгій вѣкъ,
Для Бога—краткій часъ...
Умремъ-заснемъ, а тамъ—вовѣкъ
Разлуки нѣтъ для насъ...

Что-жъ ты задумалась, грустя?
Что молча смотришь вдаль?
Скажи, прелестное дитя,
О чемъ твоя печаль?!.

„Пусть неразлученъ, милый мой,
Хоть вѣчность—кто умретъ—
Но лучше-бъ здѣсь прожить съ тобой
Мнѣ только... Божій годъ!.."

III.

Источникъ мудрости.

Здѣсь, подъ сводами тѣнистыми.
Гдѣ прохлада въ лѣтній день
Рѣетъ волнами душистыми,
Убаюкивая лѣнь,—

Распростясь съ бѣдами нашими
(Пусть ихъ много намъ дано!)
Будемъ радостными чашами
Пить веселое вино...

Мудрость жизни утомительной
Въ каждой чашѣ спитъ на днѣ
И струею сновъ цѣлительной
Разливается въ винѣ:

Станемъ пить струю прохладную
Въ этотъ полный жажды зной
И подъ сѣнью виноградною
Вкусимъ мудрости земной!..

IV.

Слезы любви.

О, схоронилъ-бы глубоко я
Въ могилѣ сердца своего
Всю страсть, не знавшую покоя, —
Не затаить мнѣ одного:

Одинъ есть вѣщій обличитель
Завѣтныхъ тайнъ души моей,
Въ любви священную обитель
Принесшей даръ тоски своей...

Друзья! Вы жили, вы любили?
Такъ знайте-жъ, братья свѣтлыхъ грезъ,
Что и сердцамъ не скрыть въ могилѣ
Счастливыхъ слезъ, блаженныхъ слезъ!..

V.

Неустанная труженица.

Ты отдыха себѣ
Не знаешь круглый годъ,
Работница-блоха,—
Какъ-будто нѣтъ субботъ:
И въ праздничную ночь,
И въ сѣрый будній день
Скакать, колоть, кусать
Тебѣ меня не лѣнь...
Какъ воду—пьешь ты кровь,
Меня—какъ хлѣбъ—грызешь;
Когда-же отъ своихъ
Трудовъ ты отдохнешь?!.
И слышу я въ отвѣтъ:
„Хорошъ-же ты, братъ, гусь!
Вѣдь я же для тебя
Безъ устали тружусь:
„Когда-бы кровь твою
Совсѣмъ я не пила,
Не могъ-бы различать
Добра ты ото зла!
„А если-бъ принялась
И я дни разбирать,—
Тогда стоялъ-бы здѣсь
Твой гробъ, а не кровать:
„Когда-бы въ праздникъ спалъ
Всю ночь ты безъ заботъ,
Тебя убить могли
Въ одну бы изъ субботъ!“

VI.

Сѣдые волосы.

Были дни—въ нѣмыя дали
Я смотрѣлъ, какъ ты, свѣтло;
И волной своей чело
Кудри черныя вѣнчали —
Словно ворона крыло...

Были дни, да улетѣли,—
Не вернуть назадъ ни дня!..
И подъ шумъ и вой мятели
Кудри снѣгомъ заблестѣли,—
Воронъ—въ сердцѣ у меня...

VII.

Современный пѣвецъ.

Прародители пѣсенъ родныхъ—
Моисей, Соломонъ, Іегуда—
На землѣ наслаждались за нихъ
Созерцаньемъ небеснаго чуда.

Опоздалъ я въ міръ Божій придти,—
Солнце славы къ закату склонилось,
На моемъ одинокомъ пути
Ночь страдальческихъ думъ опустилась:

Не видать мнѣ завѣтныхъ чудесъ,
И—стремясь къ заповѣдной святынѣ—
Подъ огнемъ раскаленныхъ небесъ
Я пою въ безотвѣтной пустынѣ...

Ибнъ-Алла.

(Аравійская легенда.)

I.

Ибнъ-Алла—ходжа, извѣстный
Всѣмъ и каждому на свѣтѣ,
Лѣтнимъ вечеромъ однажды
Отдыхалъ въ тѣни мечети.
Хоръ поклонниковъ-багдадцевъ,
Жаждой истины сгорая,
Старца мудраго толпою
Окружалъ, рѣчамъ внимая...
Добрый старецъ, вѣщій старецъ,
Умудренный жизнью рано,
Кротко въ души правовѣрныхъ
Сѣялъ сѣмя Аль-Корана.
Какъ всегда, онъ былъ спокоенъ,
Какъ всегда—въ сердца глубоко
Западало плодотворно
Слово Божьяго пророка:
Не блистала рѣчь дервиша
Краснорѣчія цвѣтами,
Но—казалось—Магометъ самъ
Говорилъ его устами...
Вдругъ предсталъ передъ ходжою
Богача-отца наслѣдникъ—
Эль-Зоридъ, насмѣшникъ юный:
—„Глупъ—ты, бѣдный проповѣдникъ,
„Старъ и глупъ!“—сказалъ онъ гордо:
„Шелъ всегда, куда шли ноги,—
Подъ заборъ пришелъ подъ старость,
Растерялъ весь умъ въ дорогѣ...
„Я вѣдь знаю: вы—дервиши—
Не глядите дальше носа...
Коль не правъ я, опровергни,
Разрѣши мнѣ три вопроса!

„Первый мой вопросъ: какъ можешь
Вѣрить, старецъ, ты въ Аллаха,—
Если самъ Его не видѣлъ,
Нищій, созданный изъ праха?
„Мой второй вопросъ: зачѣмъ ты
Всѣхъ рожденныхъ на Востокѣ
Уличаешь громогласно
Въ каждомъ мелочномъ порокѣ?
„Коль Аллахъ все въ мірѣ создалъ,
О Своей ревнуя славѣ,—
Такъ и праведникъ порочнымъ
Быть на Божьемъ свѣтѣ въ-правѣ...
„Коль премудръ ты, такъ на третій
Отвѣчай вопросъ скорѣе:
Что за муки терпитъ дьяволъ,
Въ преисподней пламенѣя?
„Ты и самъ читалъ въ Коранѣ,
Самъ твердишь о томъ предъ нами,
Что весь огненный онъ... Развѣ-жъ
Пламя можетъ мучить пламя?!“
Кончилъ юноша и гордо
На друзей глядитъ наслѣдникъ
Бокача-отца,—безмолвенъ
Аль-Корана проповѣдникъ...
—„Бѣдный старецъ, глупый старецъ!
У могилы на порогѣ
Ты стоишь, съ умомъ утративъ
И языкъ свой по дорогѣ!..“
Ибнъ-Алла, ходжа, ни слова;
Но тяжка была обида:
Молча комъ земли онъ поднялъ
И—метнулъ имъ въ Эль-Зорида;
Сбилъ чалму съ него и снова
Рѣчь повелъ онъ. что на свѣтѣ
Вѣчной правды лучъ сіяетъ
Правовѣрнымъ изъ мечети...

II.

Справедливъ багдадскій кади,
Справедливъ и неподкупенъ;
Онъ ни золоту, ни лести,
Ни пристрастью недоступенъ.
Эль-Зоридъ пришелъ поутру,—
Съ нимъ—приспѣшники и слуги.
Просятъ кади, чтобъ наказанъ
Ибнъ-Алла былъ по заслугѣ:
Оскорбленіе нанесъ онъ,
Жалкій нищій, Эль-Зориду;
Богачу-ль терпѣть такую
Безразсудную обиду?!.
Комъ земли при всѣхъ онъ бросилъ
Эль-Зориду въ темя прямо,
Причинилъ не мало боли
И нанесъ не меньше срама..
Коль не смерти онъ достоинъ
За такое поруганье,—
Пусть осудитъ кади старца
На позорное изгнанье!..
Слушалъ кади, молча слушалъ,
Вдаль смотрѣлъ передъ собою
И въ отвѣтъ послалъ немедля
За обидчикомъ-ходжою...
Ибнъ-Алла ждать не заставилъ,—
Предъ судилищемъ мгновенно
Онъ предсталъ и обвиненье
Старецъ выслушалъ смиренно;
Улыбнулся безмятежно
И, браду рукой погладя,
Поглядѣвъ на Эль-Зорида,
Рѣчь повелъ такую къ кади:

—„Въ чемъ вина моя, не знаю...
Оскорбленье развѣ это,
Что отвѣтилъ на вопросы?
Онъ вѣдь самъ просилъ отвѣта!..
„Первый мой отвѣтъ: я дѣлалъ
Все—на что мое желанье,—
Человѣкъ—дитя Аллаха
И порокъ—Его созданье!..
„Коль богачъ на свѣтѣ созданъ
Изъ того-жъ земного праха,
Что и нищій—провозвѣстникъ
Вѣчной мудрости Аллаха,—
„Такъ подумай, правый кади.
Въ чемъ виновенъ я? Ужели
Комъ земли землѣ наноситъ
Тоже боль на самомъ дѣлѣ?!“
Кончилъ старецъ, смолкъ смиренно...
Справедливъ и благороденъ,
Кади старцу поклонился
И промолвилъ:—„Ты свободенъ!
„Ну, а ты, насмѣшникъ дерзкій“,—
Произнесъ онъ Эль-Зориду,—
„Уплати пятьсотъ диргемовъ
Въ пользу нищихъ за обиду!..“
...И пошли въ Багдадѣ рѣчи
Отъ мечети до мечети:
„Человѣка нѣтъ мудрѣе
Ибнъ-Аллы на бѣломъ свѣтѣ!..“

IX.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Памяти Пушкина

Въ туманномъ мракѣ лжи угрюмой,
Въ туманѣ нашихъ хмурыхъ дней—
Мечтой печальною своей.
Своей безрадостною думой
Мы жаждемъ солнечныхъ лучей.

Но солнце свѣтлыми очами
Насъ не согрѣетъ, если мы—
Слѣпцы, рожденные слѣпцами—
Не видимъ тѣхъ, изъ нашей тьмы,
Кто свѣтитъ намъ любви лучами...

Намъ не уйти отъ слѣпоты,
Когда всѣ глухи мы и нѣмы
Къ призывамъ Вѣчной Красоты,
Когда—стремясь во храмъ мечты—
Въ житейской прозѣ тонемъ всѣ мы...

Нѣтъ ни пророковъ, ни вождей
Во дни безвременья больного,
Въ чаду мятущихся страстей...
Но есть у насъ—въ дали былого
Семья родныхъ богатырей!

Одинъ изъ нихъ—возсталъ предъ нами
Изъ роковой далекой тьмы...
Предъ нимъ и предъ его лучами
Безсильно меркнутъ всѣ умы,
Порабощенные страстями.

Не зная жизненныхъ веригъ,
Въ бронѣ стиха несокрушимой,
Съ огнемъ мечты неугасимой
Стоитъ онъ—мощенъ и великъ—
Пѣвецъ любви непобѣдимой...

И слово каждое пѣвца,
И каждой мысли дуновенье
Сіяютъ правдой вдохновенья...
Предъ нимъ—откройте всѣ сердца!
Онъ—весь огонь, весь—откровенье!..

Живой воды живой потокъ,
Онъ—ясной мысли свѣтъ вечерній,
Онъ отъ рабовъ земли далекъ—
Въ вѣнкѣ изъ лавровъ, розъ и терній
Свободы пламенный пророкъ...

29 января 1899 г.

Лермонтовъ.

Въ тѣ дни, когда едва на горныхъ высотахъ
Родная Русь къ разсвѣту пробуждалась, —
Когда туманъ и мгла дымились на лугахъ,
Но слово Пушкина росой ужъ разливалось
По всходамъ раннихъ думъ на дремлющихъ поляхъ,—
Въ тѣ дни—звѣзда пѣвца другого загоралась
На просвѣтленныхъ небесахъ...

Вослѣдъ замолкшему—онъ поднялъ свѣточъ свой
Надъ тьмой безвременья зловѣщей и холодной,
Вѣками созданной, вѣкъ отживавшей тьмой;
И властно загремѣлъ, что Божій громъ живой,
Его отважный голосъ благородный,
То титанически—свободный,
То демонически—больной..

Онъ звалъ сердца къ сердцамъ... Онъ говорилъ уму:
„Проснись! Минула ночь... День близокъ къ возрожденью...
„Заря идетъ; заря ночную гонитъ тьму...
„Проснись!.. И—упадутъ оковъ ненужныхъ звенья!“
Но мысль еще спала, не внемля ничему—
Среди рабовъ слѣпого поклоненья
Ничтожеству и рабству своему!..

Въ родной просторъ небесъ влекла его мечта
Отъ сумрачной земли—къ одной завѣтной цѣли...
И пѣсни вольныя орлами съ устъ летѣли,
Всѣ—вызовъ, всѣ—призывъ, всѣ—блескъ и красота!
Но имъ въ отвѣтъ змѣей шипѣла клевета...
И—струны порвались, и смолкли пѣсенъ трели
И палъ поэтъ подъ тяжестью креста!

Но годы шли и шли... Зарю заря звала;
Надъ Русью—солнышко свободой пламенѣло;
Въ ущелья дикихъ горъ съ полей бѣжала мгла,
И всходы мощныхъ словъ свое вершили дѣло...
А даль грядущихъ дѣлъ такъ всѣмъ ясна была,
Что даже ночь былого—просвѣтлѣла,
Огнемъ зари своей свѣтла...

И ночь была опять .. И день—на рамена
Опять приподнималъ весь грузъ борьбы кровавой;
И вновь густѣлъ туманъ, всплывая дымной лавой...
Но лили яркій свѣтъ и въ эти времена,
Изъ мрака Вѣчности, сіяя вѣчной славой,
Неугасимыя, родныя имена:
„Мятежный Лермонтовъ и Пушкинъ величавый".

О, русскій Байронъ нашъ, непонятый толпой,
Ея велѣніямъ, ея страстямъ далекій,
Избранникамъ судьбы таинственно родной!..
Ты близокъ всѣмъ своей загадочной тоской,
Всѣмъ, кто среди толпы—скиталецъ одинокій,
Чье сердце жаждетъ бурь, чью мысль томитъ покой,
Чей духъ влекутъ къ себѣ герои и пророки!..

11 марта 1899 г.

Тютчевъ, Майковъ и Фетъ.

Тютчевъ, Майковъ и Фетъ — три могучихъ пѣвца,
Три глашатая Истины вѣчной,
Три пророка любви, три великихъ жреца
Красоты — какъ любовь, безконечной!..

Тютчевъ — смѣлый мыслитель, проникшій умомъ
Въ сокровенную душу Природы,
Сердцемъ видящій солнце во мракѣ земномъ,
Провозвѣстникъ духовной свободы!..

Майковъ — пѣсенъ-молитвъ многодумный баянъ,
Мысль ведущій къ таинственнымъ кладамъ,
Осіянный — какъ свѣтомъ невѣдомыхъ странъ —
Ясной думы Божественнымъ хладомъ!..

Фетъ — плѣнительный юностью пѣсни своей,
Невозвратнымъ мгновеньямъ подвластный,
Нашъ поэтъ-чародѣй, нашъ родной соловей,
Вѣчно-юный и вѣчно-прекрасный!..

Ваши пѣсни поетъ, съ ними сердце — растетъ;
Съ ними ширится дума, какъ море, —
И мечта направляетъ свободный полетъ
Въ міръ, гдѣ съ пѣснями сходятся зори...

Тютчевъ, Майковъ и Фетъ — три могучихъ пѣвца,
Три апостола Истины вѣчной,
Три пророка любви, три великихъ жреца
Красоты — какъ любовь, безконечной.

23 ноября 1898 г.

Фридриху Фидлеру.

(31 августа 1878 г.—31 августа 1903 г.)

Огнемъ поэзіи пылая,
Съ талантомъ заключивъ союзъ,
Ты шелъ, завѣтный путь свершая,
Сердца нѣмецкія плѣняя
Могучей пѣсней русскихъ музъ.

Ужъ четверть вѣка неугасно
Горитъ и блещетъ свѣточъ твой
Надъ нашей сумрачной Невой
И тамъ—на Рейнѣ—будитъ властно
Любовь къ тому, что̀ всѣмъ прекрасно.

Великій Пушкинъ на тебя
Глядитъ изъ той далекой дали,
Гдѣ всѣ блаженствуютъ, любя,
Ни чувствъ, ни мыслей не губя,
Безъ воздыханій и печали.

Нашъ Байронъ—Лермонтовъ, Кольцовъ —
Нашъ соловей-пѣвецъ народный,
Некрасовъ—звавшій всѣхъ рабовъ
Отъ угнетенья и оковъ
Къ дорогѣ новой и свободной;

Баянъ родныхъ богатырей
И вѣча русскаго глашатай—
Графъ Алексѣй Толстой,—въ своей
Странѣ, забвеніемъ объятой,
Всѣ—внемлютъ звукъ твоихъ рѣчей...

Тебя идетъ благословить
Пѣвцовъ умолкшая дружина,—
Съумѣлъ ты пѣснь ихъ воскресить,
Съумѣлъ заставить позабыть,
Что и для нихъ была чужбина.

Ты поэтическій ферейнъ
Съумѣлъ созвать изъ странъ забвенья
И всѣхъ питомцевъ вдохновенья
Ведешь, „безъ страха и сомнѣнья",
Впередъ. туда—гдѣ льется Рейнъ...

О пусть-же крѣпнетъ годъ-отъ-года
Миролюбивый твой союзъ
Съ пѣвцами русскаго народа...
Живи и пой!.. Твой щитъ—свобода,
А слава—слава русскихъ музъ!..

31 августа 1903 г.

Памяти К. К. Случевскаго.

(† 25 сентября 1904 г.)

На грани двухъ міровъ, поднявъ съ очей забрало
И руку положивъ на мечъ завѣтный свой,
Онъ рыцаремъ стоялъ на стражѣ идеала
Съ открытою всему прекрасному душой.

Вокругъ него борьба немолчная кипѣла,
Борьба слѣпыхъ страстей, чувствъ мелочно-пустыхъ—
То пресмыкалась лесть, то клевета шипѣла,
Стараясь заслонить огонь надеждъ святыхъ.

Философъ вдумчивый, художникъ вдохновенный —
Спокойно онъ смотрѣлъ въ загадочную даль,
Провидя въ ней просвѣтъ мечтой проникновенной;
Былъ ясенъ взоръ его, свѣтла его печаль.

Онъ вѣрой сердца жилъ; онъ зналъ, что все случайно
Чѣмъ злоба дня сильна, чѣмъ слава тѣшитъ умъ;
Была ему близка основъ житейскихъ тайна
Въ порывѣ творческомъ могучихъ вѣщихъ думъ;

Постигнувъ жизни цѣль, приблизившись къ природѣ,
Въ смыслъ всепрощенія онъ всей душой проникъ:
Поэзія его—гимнъ свѣту и свободѣ,
Кристально-ясныхъ чувствъ живительный родникъ.

На склонѣ позднихъ лѣтъ, пѣснь жизни допѣвая,
Безтрепетно встрѣчалъ онъ близкій свой конецъ,
Съ загробныхъ мрачныхъ сферъ завѣсу поднимая...
И жилъ, и умеръ онъ—какъ истинный мудрецъ.

И съ нами—нѣтъ его; и пѣснь его допѣта;
Но въ пламени сердецъ живутъ его мечты,
Зовущія весь міръ изъ тьмы къ предѣламъ свѣта
Безсмертной Истины, Добра и Красоты...

О, пусть онѣ цвѣтутъ, пусть льютъ благоуханье,
Пусть не туманитъ жизнь свободный ихъ расцвѣтъ,
Пусть будятъ въ насъ онѣ отрадное сознанье,
Что духъ неугасимъ, что мысли—смерти нѣтъ...

29 сентября 1904 г.

Мой тостъ.

(Изъ „Застольныхъ пѣсенъ“.)

Нашъ тѣсенъ кругъ,
Въ немъ каждый—другъ
Враговъ кичливыхъ бредней:
Мы всѣ идемъ
Однимъ путемъ
До пристани послѣдней.

Всѣхъ навсегда
Насъ не вражда—
Любовь—объединила;
Одна впередъ
Друзей влечетъ
Живой надежды сила...

Сдавъ лѣнь подъ-спудъ.
Мы вѣримъ въ трудъ,
Работой день встрѣчаемъ,
Всѣ—день за днемъ,
Трудясь, живемъ,
Поемъ не унываемъ...

Пусть все равно
Всѣмъ суждено
Намъ лечь душой и тѣломъ
За дорогимъ,
За роковымъ.
За губящимъ насъ дѣломъ,

[redacted]

Пѣвичка.

(Изъ „Пѣсенъ о погибающихъ“.)

Снова о чемъ-то взгрустнулось тебѣ?
Полно, голубка! Опомнись, не думай!..
Къ мѣсту-ли здѣсь быть такою угрюмой?
Смѣйся въ глаза безпощадной судьбѣ!..
Дума здѣсь—на̀ диво, смѣхъ—всѣмъ привычка...
Пусть это—смѣхъ роковой,—
Смѣйся, красотка! Да смѣйся-жъ, пѣвичка!
Пой,—хоть сквозь слезы, да пой!..

„Нѣтъ!.. Нѣтъ, на свѣтѣ не все трынъ-трава!..“
Думаешь съ грустью глубокой во взорѣ
Ты, выходя въ разухабистомъ хорѣ,
Въ слоѣ румянъ—ни жива, ни мертва...
Пѣснь—все разгульнѣй, а хоръ—все смѣлѣе;
Полъ на эстрадѣ дрожитъ...
Взглядъ у тебя заблестѣлъ веселѣе,—
Сгинетъ за грустью и стыдъ!..

Рокотъ восторга по залѣ плыветъ;
Выкрики буйные, жадные взгляды...
Видишь!.. Какой еще ждешь ты награды?
Твой на мгновенье—весь этотъ народъ!..
Льется, безумною страстью сгорая,
Новая пѣсня-волна,—
Душу тоскою щемитъ, замирая,
Томной услады полна...

Занавѣсъ падаетъ... Хоръ замолчалъ..
Ты прислонилась къ кулисѣ уныло;
Сердце больное опять загрустило...
Залъ все бѣснуется, праздничный залъ...
„Хоръ, на эстраду!“—звонокъ режиссера...
Вышла, стоишь ты безъ силъ;
Сердце-же, сердце, подъ выкрики хора,
Шепчетъ: „Забылъ... Разлюбилъ!..“

Пара за парой... Не счесть этихъ паръ!
Садъ переполненный пышетъ огнями;
Бродитъ въ толпѣ, опьяненной почами,
Смѣхомъ богатый веселый угаръ...
Хмѣльныя рѣчи, голодныя лица;
Пестрыхъ нарядовъ цвѣтникъ...
Жертвы, твои это—жертвы, столица!
Ядъ твой имъ въ душу проникъ...

Ты—между ними; а дума—съ тобой,
Старая гостья, зловѣщая дума;
Съ ней не слыхать ни веселья, ни шума,—
Все заглушитъ-запечалитъ собой!
Дома остался красавецъ-малютка,
Боленъ пѣвичкинъ сынокъ...
Вдругъ ему хуже? Болѣзнь вѣдь—не шутка,
Коль не захватишь въ свой срокъ...

Прочь, прочь отсюда!.. Скорѣе—туда!
Птицы быстрѣе къ родному-бъ слетала!..
Птицей!.. Да крылья тебѣ привязала
Къ саду веселому злая судьба!..
Хочешь—не хочешь, а будь здѣсь веселой;
Хочешь—не хочешь, гуляй;
Хочешь—не хочешь,—хоть съ думой тяжелой,—
Щедрыхъ гостей забавляй!..

Слышишь? Зовутъ весь вашъ хоръ въ кабинетъ!
Пѣсней да пляскою тѣшатся гости.
Тонетъ вся грусть въ ихъ разымчивомъ тостѣ;
Рядомъ съ тобою—счастливѣй ихъ нѣтъ!
Пѣсня за пѣсней... Въ отвѣтъ имъ—стаканы
Музыкой хмѣля звенятъ...
Можетъ, не веселы гости, да пьяны:
Пьяный—веселымъ свой братъ!

Рѣчи заводятъ сосѣди твои:
„Что-жъ ты, красавица, съ нами спѣсива?
Что-же все время ты такъ молчалива?
Выпей да спой намъ! Мы—люди свои“...
Разомъ ихъ всѣхъ обожгла ты глазами:
„Выпить?!. Давайте вина!
Пѣсню же мнѣ пропоете вы сами,
Если я буду пьяна!..“

Приняли вызовъ, пришли всѣ въ экстазъ..
Пьетъ за бокаломъ бокалы красотка;
Искрится взоръ, улыбавшійся кротко...
Пьяные гости горланятъ всѣ вразъ...
„Стойте! Молчите!..“ Сама ты запѣла...
„Ночи“ и „Пара гнѣдыхъ“,
„Сердце-ли рвется“... За пѣсней летѣла
Пѣсня изъ устъ молодыхъ...

Время бѣжало; лилося вино;
Таяло сердце отъ пѣсенъ завѣтныхъ.
Блѣдныя тѣни лучей предразсвѣтныхъ
Сквозь занавѣску мерцали въ окно...
Вдругъ—оборвалася пѣсня печали;
Смолкла пѣвица... Ручьемъ
Горькія слезы изъ глазъ побѣжали
Въ чашу съ веселымъ виномъ...

„Бросилъ... покинулъ... забылъ... разлюбилъ!..“—
Какъ безъ ума, ты въ слезахъ повторяла;
Сына больного порой вспоминала...
Хоръ, заглушая тебя, голосилъ...
Ахъ, не горюй объ измѣнѣ, пѣвичка!
Вѣрь мнѣ: измѣнитъ любой!..
Боленъ твой сынъ, щебетавшій, какъ птичка?..
Что-жъ, жизнь для многихъ—дурная привычка...
Смерть—примиряетъ съ судьбой!..

С.-Петербургъ, 1899 г.

* * *

Тяжелы оковы,
Длятся дни — что годы;
Жаждетъ сердце воли,
Сердце ждетъ свободы,—

Кровью истекая,
Исходя слезами,
Проклинать готово
Всё подъ небесами...

Смолкни, ретивóе!..
Въ стонахъ—толку мало...
Вспомни, какъ недавно
Ты весну встрѣчало,—

Какъ цвѣло, горѣло,
Какъ любовью билось,
Какъ навстрѣчу счастью
Радостно стремилось...

Потерпи немного,
Воли дни вернутся:
Скоро — вмѣстѣ съ жизнью —
Цѣпи оборвутся!..

Дармоѣдъ.

(Изъ „Пѣсенъ о погибающихъ“.)

Всю жизнь въ чужихъ углахъ живалъ—
Одинъ въ огромномъ мірѣ;
Не доѣдалъ, не допивалъ;
Всю жизнь—о жизни онъ мечталъ
На собственной квартирѣ.

Какъ щепка — былъ онъ тощъ и хилъ,
Справлялъ за трехъ работу
И облегченья не просилъ;
Обноски съ плечъ чужихъ носилъ,
Не просыхалъ отъ поту.

Не зналъ желаній праздныхъ онъ,
Какъ не знавалъ печали;
Одно желанье было—сонъ,
Когда его со всѣхъ сторонъ
Толчками пробуждали.

„Сходи! Скорѣй! Что всталъ, какъ пень?!.“—
Кричали безъ умолку,
Кричали всѣ—кому не лѣнь;
На побѣгушкахъ цѣлый день
Онъ былъ, сбиваясь съ толку.

Спина сгибалась, сохла грудь,
Терялась-гибла сила...
Авось, небось да какъ-нибудь!..
Ни разу слово „отдохнуть“
И въ умъ не приходило!

Спалъ—гдѣ пришлось; вставалъ чуть-свѣтъ;
Всѣмъ нуженъ былъ повсюду...
Добро́ бы такъ... Такъ нѣтъ вѣдь, нѣтъ!
Одно прозванье—„дармоѣдъ“—
Онъ слышалъ отовсюду...

Къ труду метался отъ труда,
Пока носили ноги,—
Не видя воли никогда,
Всегда въ поту, въ грязи всегда,
Всѣмъ--поперекъ дороги...

И вдругъ—не вѣря самъ-себѣ—
Лежитъ, какъ важный баринъ,
Не внемля жизненной борьбѣ,
Другимъ не въ тягость и судьбѣ
Навѣки благодаренъ...

На ко̀мъ нѣтъ Божьяго креста?!.—
Добры и люди были:
Сживали со́ свѣту спроста,
А померъ—семь аршинъ холста
На саванъ подарили...

Одѣтъ, причесанъ и умытъ—
Залегъ онъ въ домовину,
Залегъ и спитъ, да ка̀къ вѣдь спитъ:
Что́ крикъ, что брань,—пусть громъ гремитъ,
Не разбудить дѣтину!..

Спокойный сонъ, отрадный сонъ;
И нѣтъ ему скончанья:
Спи, сколько хочешь!.. Счастливъ онъ,—
Хоть наканунѣ похоронъ
Исполнились желанья!

Всю жизнь скитался по угламъ,
Чужой родному міру,—
Сегодня здѣсь, а завтра—тамъ...
И вотъ—конецъ бездомнымъ днямъ:
Нашелъ бѣднякъ квартиру!

Тѣсненько въ ней, за-то—своя;
Хозяинъ гнать не будетъ!
А сонъ-то, сонъ небытія...
И день весь—твой, и ночь—твоя,
И утро не разбудитъ!..

На зависть всѣмъ другимъ такимъ
Несчастнымъ „дармоѣдамъ",
Лежитъ онъ кротокъ, недвижимъ;
Всѣмъ сталъ онъ близкимъ и своимъ;
Конецъ житейскимъ бѣдамъ!..

Попрековъ больше не встрѣчай,
И—ни толчковъ, ни крика,
За всѣхъ спиной не отвѣчай...
Ну, чѣмъ не счастье, чѣмъ не рай?
Счастливецъ—горемыка!..

Лѣсной, 1899 г.

Прикованный орелъ.

1.

И ночь, и мракъ, и въ сердцѣ—смута,
И меркнетъ жизни ореолъ:
Но вѣрю я—придетъ минута,
Вспорхнетъ прикованный орелъ!..

2.

Всѣ звенья распадутся сами,
И цѣпь разсыплется во прахъ,
Когда опъ, клёкотъ сливъ съ громами,
Зачуетъ мощь въ своихъ крылахъ...

3.

Какъ жалки будете тогда вы,
Орла сковавшіе рабы,
Въ лохмотьяхъ вашей ложной славы,
Передъ возмездіемъ судьбы!

4.

Васъ ослѣпитъ свѣтъ солнца новый—
Свободы возрожденной свѣтъ...
Тираны! Близокъ судъ суровый...
Рабы! Готовьте свой отвѣтъ!..

5.

Изъ края въ край летитъ грозою
Могучій кличъ, призывный кличъ,
Надъ лживой занесенъ толпою
Молніеносной правды бичъ...

6.

Во мракѣ лжи вы ликовали,
Царилъ въ ночи вашъ произволъ:
Восходитъ день, алѣютъ дали...
Народъ! Забудь свои печали!..
Воспрянь, прикованный орелъ!..

С.-Петербургъ, апрѣль 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ

Въ настоящую книгу вошли всѣ напечатанныя въ журналахъ стихотворенія А. А. Коринфскаго, написанныя въ 1898—1905 годы, кромѣ: 1) „Пѣсенъ Беранже“ (361 стих.), изданныхъ „В. Иностр. Лит.“, 2) картинъ Поволжья, изданныхъ въ 1903 г. отдѣльнымъ сборникомъ „Волга“, 3) „Пѣсенъ Баумбаха“, только-что вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ, и 4) четырехъ пѣсенныхъ сказаній („Свѣтлояръ“, „Калики-перехожіе“, „Чурила“ и „Елена-Краса“) и пяти картинъ „Сѣвернаго лѣса“, вошедшихъ въ третье изданіе (1900 г.) книги „Бывальщины“. Не включены также сюда появившіяся за это время въ печати стихотворенія для дѣтей, имѣющія выдти въ непродолжительномъ времени отдѣльнымъ сборникомъ—„Въ дѣтскомъ мірѣ“.

стран.

1. „Пусть возглашаетъ смерть завѣтамъ..." 4

I.

Въ лучахъ мечты.

2. „Гости далекой, безвѣстной страны..." 6
3. „Въ ея глазахъ заря блаженства свѣтитъ"... 7
4. „Зари я ждалъ, зари"... 8
5. „Какъ солнца лучъ, какъ блескъ разсвѣта"... 9
6. На свѣтлый берегъ 10
7. „Восторгъ безмолвія!.." 11
8. „Твоя улыбка--лучъ весенній"... 12
9. „Мое небо--въ глубокой лазури очей"... 13
10. „Ты говоришь, что пѣснь моя грустна"... 14
11. „О, если-бъ свѣтъ очей любимыхъ"... 15
12. „О, дитя! Не грусти, что порою" 16
13. „Прости, за все прости! Не вспоминай былого!.." 17
14. „Вся жизнь—мгновенье"... 18
15. „Какъ безмолвенъ этотъ вечеръ"... 19
16. Изъ жизни мгновеній 20
17. Альпійская роза 21
18. Напѣвъ любви 25

19—22. На разныхъ берегахъ:

I. „О, кто это призрачной тѣнью въ пустынной аллеѣ"... 26
II. „Какъ-будто изъ міра тѣней безпріютно блуждающихъ"... —
III. „Сгорая пламенемъ любви нераздѣленной"... 27
IV. „О, если-бъ всѣ блаженные восторги"... . . . . —

23. На раутѣ 28

24—28. Лепестки:

I. „Цвѣла весна души"... 29
II. „Жизнь улыбалася мнѣ"... . . . . —
III. „Былъ чудный вечеръ"... . . . . —
IV. „О, жизнь! О, молодость моя!.." 30
V. „Они осыпались—живые лепестки"... . . . . —

стран.

29-31. Память сердца:

I. „Я помню жгучій поцѣлуй“... 31

II. „Я помню долгое пожатіе руки“... —

III. „Я помню взглядъ, исполненный огня“... 32

32. На рубежѣ 33

33. Весенняя запѣвка 34

34. „Игра улыбокъ и лучей“... 36

35. „Аккордъ послѣдній пѣсенъ юныхъ“... 37

36. „Чья это пѣсня звенитъ за рѣкой“... 38

37. „Въ дыханьи вечерняго вѣтра“... 39

38. Огонь Прометея 40

II.

Думы жизни.

39-42. Въ мірѣ Красоты:

I. „Тёменъ этотъ міръ для всѣхъ непосвященныхъ“... 42

II. „И въ этотъ вѣкъ, безумный вѣкъ“... —

III. „Въ ней все прекрасное, все чистое, святое“... 43

IV. „Привѣтъ искателямъ, идущимъ“... —

43. „Все въ жизни случайно“... 45

44. „Припомнимъ, товарищъ, забытыя встрѣчи“... 46

45. Другу 47

46. Сердцу 48

47. Въ безвѣстныхъ пространствахъ 49

48. „Надъ мракомъ печали моей“ 50

49. „Вся наша жизнь заглохшій старый садъ“... 51

50. „Проходитъ жизнь“... 52

51-53. Развратъ (Три сонета):

I. „Въ вѣнцѣ изъ мишуры, весь въ блесткахъ и цвѣтахъ“... 53

II. „Разсудокъ, совѣсть, долгъ, свободные порывы“... —

III. „Звѣрь, ненасытный звѣрь“... 54

54. „Пусть жизнь обманетъ“... 55

55. Неродившимся 56

56. Бездорожье 57

57. Недостижимое 58

58. „Апрѣль тепломъ на сѣверъ дышетъ“... 59

59. „Чуть только на солнцѣ подснѣжникъ проглянетъ“... 60

60. „Сердца безумнаго чуткія струны“... 61

61. „Охъ, когда-же ты, мое больное сердце“... 62

62. Стансы 63

стран.

63—65. Три сердца:
I. „Это сердце для меня—страница“ 64
II. „Когда оно стремилось вдаль“... . . . . —
III. „Лживое, страдающее, злое“... 65
66. Въ толпѣ 66
67—68. Каменный городъ:
I. „Ночь хмуро плыветъ надъ столицей“... 67
II. „Камень, камень гдѣ ни взглянетъ“... . . . . —
69. Старому другу 69
70—72. Свѣтъ:
I. „Господь сказалъ: Да будетъ свѣтъ!..“ 72
II. „Я вѣрю, вѣрю“... 73
III. „Все оживляешь ты“... 74
73. „Въ путь-дорогу!..“ 76
74. Новый день 77
75. „Я весь былъ страсть, весь—вдохновенье“... 79
76. „Какъ тяжко мнѣ! О, какъ невыносимо“... 80
77. Печаль 81
78. „Весь храмъ сіялъ и пѣлъ, и заливался звономъ“... 82
79. Вдохновенье 83
80. „За нѣсколько такихъ минутъ“... 84
81. Дѣтскій міръ 85
82. „Когда безпечный смѣхъ дѣтей“... 86
83. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ 87
84. „Не говори, что чашу испытаній“... 88
85. Воронъ 89
86. Надъ могилами друзей 90
87—89. Въ безсонную ночь:
I. „Отвѣта не даетъ нѣмая эта ночь“... 91
II. „Стучитъ, опять стучитъ“... . . . . —
III. „Нѣтъ, не дождаться мнѣ утра“... 92
90. „Безкровной жертвою на алтарѣ страстей“... 93
91—92. Изъ „Книги жизни“:
I. „Жизнь вечеръетъ, и — день ото дня“... 94
II. „Плачетъ небо, льются слезы“... . . . . —
93. „Въ привѣтномъ сіяньи вечернихъ огней“... 96
94. Роковая битва 97
95. Темнѣетъ... 98
96. „Ночь спустилась съ высотъ“... 100
97. Во тьмѣ 101
98. Taedium vitae 102
99. „Нѣтъ, не уйти мнѣ отъ себя“... 103
100. „Напрасны жалобныя пени“... 104

стран.
101. Дýхи трясинъ 105
102. Изъ дневника („Ужасный сонъ, безумный сонъ"...) 107
103. „Рукой Божественной зажженныя лампады"... 108
104. На пути 109
105. Исповѣдь (Баллада) 111
106. Жизнь и смерть 113
107. „Есть свѣтлыя сердца..." 115
108. Per aspera ad astra... 116

III.

На груди природы.

109 116. Вечера и ночи:
I. „О, эти чудо-вечера"... 118
II. „Въ тиши весеннихъ вечеровъ"... 119
III. „Когда, блестя послѣдними огнями"... 120
IV. „Солнце закатилось; за опушкой лѣса"... . . 121
V. „Застыла деревьевъ куртина"... 122
VI. „Заря надъ лѣсомъ догораетъ"... 123
VII. „На призывную трель соловьиную"... 124
VIII. „Не успѣли цвѣты досказать"... 125
117–118. Голоса весны:
I. „Тѣни лазурныя"... 126
II. „Приподнялъ темныя рѣсницы"... 127
119–122. Изъ „Пѣсенъ о веснѣ":
I. „Когда въ поляхъ шумятъ ручьи"... 129
II. „Зазвенѣли весеннія пѣсни"... 130
III. „Расцвѣтаютъ перелѣски голубыя"... 131
IV. „Въ каждомъ шорохѣ весеннемъ"... 132
123–125. Сѣверный май:
I. „Еще не зеленѣли въ паркѣ"... 133
II. „Вчера весь старый садъ сверкалъ лишь наготой"... . . . 134
III. „Надо мной – навѣсъ зеленый"... 135
126–128. Въ деревнѣ:
I. „Луга вдоль берега рѣки"... 136
II. „Голосъ иволги звончѣе"... 137
III. „Всѣ яблони въ цвѣту"... 138
129–134. Бѣлыя ночи:
I. „Прозрачною окутанная дымкой"... 139
II. „Недосказанныхъ признаній"... 140
III. „Въ такую ночь слышнѣй деревьевъ лепетъ"... 141
IV. „Голубѣетъ, разгорается огнями"... 142
V. „Подъ таинственною сѣнью бѣлыхъ сѣверныхъ ночей"... 143
VI. „Въ эти ночи, ночи бѣлыя"... 144

стран.

135—137. Въ дорогѣ:
I. „Вѣтеръ въ вагонъ залеталъ"... 145
II. „Свѣтлѣетъ тихая поляна"... 146
III. „Раздолье степи неоглядной"... 147
138—141. Въ глуши:
I. „Затонула телѣжка во ржи"... 148
II. „Деревенька показалась"... 149
III. „Степной уѣздный городокъ"... 150
IV. „По рязанскимъ пустошамъ"... 151
142—149. Изъ „Пѣсенъ о сѣверномъ лѣсѣ":
I. „Распахнулась-развернулась"... 152
II. „Вдыхая вѣянье свободы"... 154
III. „Чей-то голосъ призывный мнѣ слышится"... . . . 155
IV. „Глубже, все глубже трущоба дремучая"... . . . 156
V. „Стѣна-стѣной"... 157
VI. „Таинственный, торжественный, протяжный"... . . 158
VII. „Я въ лѣсъ вошелъ,—сѣдыя сосны"... 159
VIII. „Смолкаютъ шумы"... 160
150. Облачко 161
151. „Въ моемъ саду и въ знойный день"... 163
152. „Зеленыя косы свои распустивъ"... 165
153. „Сгущались сумерки... Сходила тишина"... 166
154. Голубые глаза 167
155. Малютка 169
156 159. Въ затишьи:
I. „Въ объятьяхъ мира и свободы"... 170
II. „Есть у меня въ саду завѣтный уголокъ"... 171
III. „Я слышу жаворонка трели"... 172
IV. „Изсиня-черныя тучи нависли"... 173
160—163. Цвѣты:
I. „Всѣхъ раньше расцвѣли по цвѣтникамъ тюльпаны"... . 174
II. „Вѣнчики на ночь цвѣты закрываютъ"... 175
III. „Колокольчики, ромашка"... 176
IV. „Вся луговина пестрѣетъ цвѣтами"... 177
164. „Отъ рѣчки вѣяло прохладой"... 178
165. Въ паркѣ 179
166. Водяныя лиліи 180
167. „Лѣтній полдень... Вѣтерка дыханье"... 182
168—171. Подъ лучами солнца:
I. „Небеса расцвѣтились узоромъ"... 183
II. „Зеленый островъ предо мною"... 184
III. „Старыхъ елей зеленые своды"... 185
IV. „Опускаясь къ полю, солнце"... 186

стран.
172. Зорька-зоряница 187
173. Надъ озеромъ 189
174. Закатъ 191
175—178. Зимней ночью:
I. „Заря горитъ и медлитъ погасать“ 193
II. „Мгла кругомъ... Ночная мгла“ . . . . . —
III. „Свѣтлы, какъ днемъ, полуночныя дали“ 194
IV. „Померкли звѣзды“ . . . . . —
179—186. Въ снѣгахъ:
I. „Бѣлое поле предъ нами“ 195
II. „Обступили меня отовсюду“ 196
III. „Березки, вѣтви опустивъ“ 197
IV. „Въ бѣлыхъ, тяжелыхъ плащахъ“ 198
V. „Плыветъ мелодически-стройный“ 199
VI. „Вечеръ туманится, лѣсъ замолкаетъ“ 200
VII. „Двѣ старыхъ могучихъ сосны“ 201
VIII. „Все сравнялось — и пригорки“ 203
187—192. Весенніе напѣвы:
I. „Грачевникъ ожилъ,—воротились“ 204
II. „Что ни день—то чаще стало солнце“ 205
III. „Снѣгъ таетъ, снѣгъ бѣжитъ ручьями“ 206
IV. „Весна разбудила въ лѣсу“ 207
V. „Глубже небо и шире просторъ“ 208
VI. „Солнце весеннее, яркое солнце“ 209
193—194. Усталому сердцу:
I. „Яснаго неба шатеръ голубой“ 210
II. „Сердце мое! Иль веснѣ ты не радо“ 211
195—199. Изъ лѣтнихъ мотивовъ:
I. „Просторъ напоенъ ароматомъ“ 212
II. „Коростель не умолкаетъ“ 213
III. „Звуки толпятся—одни за другими“ 214
IV. „Зорька догораетъ“ 215
V. „На смѣну одной заалѣла другая“ 217
200. „И ночь, и тишь“ 218
201—203. Осеннее:
I. „Луговъ щетинистыхъ атаву“ 220
II. „Вѣтеръ въ вершинахъ деревьевъ шумитъ“ 221
III. „Вѣтеръ осенній полями идетъ“ 222
204. Вѣтеръ Буйный 223

IV.

Бывальщины.

205. Въ сѣни вѣковъ 226
206. Богатырь-Слово 228

стран.
207. Несторъ-лѣтописецъ 231
208. Полюдье 235
209. Гусли Баяна 244
210. Богатырскіе гонцы 249
211. Въ старой Москвѣ. 252
212. Утѣха-добрый молодецъ 257
213. Ячмень 261
214. Про Ладу, про Леля да про веселаго Яръ-Хмѣля 264
215. Весна-кудесница 268
216. Изъ „Пѣсенъ о хлѣбѣ“ 270
217. Знахарь 272
218. Разудалая головушка 275
219. Послѣдняя краюшка 284
220. Молвь облыжная 289
221. Пресвѣтлый рай 291
222. Дѣва Обида 296
223. Про царя Богомира, про царевну Прекрасу да про Свѣтозара королевича 300
224. Жрецы Чернобога 310
225. Мать-Сыра-Земля 314
226. Богатыри 319

V.

Отголоски.

227. На перепутьи 324
228. Въ добрый часъ 325
229. Родная нива 326
230. Слово 327
231. Подъ знаменемъ труда 330
232. Родному народу 332
233. Голосъ народа 336
234. Призывный кличъ 338

VI.

Славянскіе напѣвы.

235 241. Изъ Тараса Шевченки (съ малорусскаго):
I. „Проходятъ дни, минуютъ ночи“... 342
II. „Вѣтеръ гнетъ лозу и тополь“... 343
III. „Думы мои, мои думы“... 344
IV. „Дитятко милое, баюшки-баю“... 345
V. „Ой, не пьются медъ и пиво“... 346
VI. „Вечерняя моя зорька“... 347
VII. Три дороги 348

стран.
242–243. На мотивы Юлія Словацкаго (съ польскаго):
I. „Расцвѣтивъ небесъ забрала“... 350
II. „Дремлетъ вечеръ... Ясныхъ звѣздъ плеяды“... 352
244—252. Изъ Маріи Конопницкой (съ польскаго):
I. „Полетѣли мои пѣсни“... 353
II. Сѣятелямъ 354
III. Проселокъ 355
IV. „Люблю тебя!..“ 357
V. „Никто изъ насъ не жалокъ такъ“... 359
VI. „Тяжела не та дорога“... 360
VII. „Еще моя витаетъ тѣнь“... 361
VIII. „Руку на сердце себѣ положи“... 362
IX. „Гей перелетная птица пѣвецъ“... 363
253–267. Изъ Виктора Гомулицкаго (съ польскаго):
I. „Спросилъ я у сердца“... 365
II. „Порвались струны... Пѣсни отзвучали“... 366
III. „Катиться въ пропасть, каждый шагъ считать“... . . . 367
IV. Больная душа 368
V. Успокоеніе 869
VI. Майская пѣснь 370
VII. Послѣдніе цвѣты 373
VIII. Михаилъ Ракета 375
IX. Пѣснь любви 378
X. Безсиліе пѣвца 380
XI. Дождь листьевъ 381
XII. „Вся улица театръ“... 382
XIII. „Когда одинъ ты хочешь быть“... 383
XIV. Мой край чудесъ 884
268. „Насъ довольно!..“ (Изъ Святополка Чеха, съ чешскаго) 385
269. Пробужденіе весны (Изъ Ярослава Врхлицкаго, съ чешскаго) . . 386
270—272. На мотивы Эд. Елинека (съ чешскаго):
I. Симфонія 388
II. Чешскому народу 389
III. Грядущій день 391
273 274. Изъ Антонія Совы (съ чешскаго):
I. Моимъ красавицамъ 392
II. Убитый орелъ 394
275. Пѣсня шута (Изъ Карола Машека, съ чешскаго) 396
276. Первый день (Изъ Эмануила Ченкова, съ чешскаго) 397
277. Осенній мотивъ (Изъ Фр. Шальда, съ чешскаго) 398
278. „О, что за счастье!..“ (Изъ Фр. Печинки, съ чешскаго) 399
279. Невольникъ (Чешское преданіе) 400

стран.
280—281. Изъ чешскихъ пѣсенъ:
I. „Отростаютъ у сокола крылья“... 403
II. „Подъ славныя знамена“... 404
282—286. Изъ Франа Мажуранича (съ хорватскаго):
I. Божья воля 405
II. Змѣя 408
III. Словацкій „богатырь“ 410
IV. Женскія слезы 412
V. Возрожденіе 414

VII.

Пѣсни Арменіи.

287—290. Изъ Рафаэла Патканьяна:
I. Зачѣмъ? 416
II. Завтра 417
III. Двѣ картины 418
IV. Жаворонокъ 420
291—293. Изъ Аветика Исаакьяна:
I. „О, неужель?!“ 421
II. „Ночь ясна... На землю съ неба“... 422
III. „Одѣта мракомъ сонная рѣка“... 423
294—296. Изъ Ованнеса Туманьяна:
I. „Когда мой взоръ слезою непокорной“... 424
II. „Палъ онъ рабски-малодушно“... 425
III. Пѣвцу 426
297—299. Изъ Александра Цатуріана:
I. Волны и думы 427
II. На чужбинѣ 428
III. Пѣсня воина 430
300. На волѣ (Изъ Левона Мануэльяна) 431
301. Р. Патканьяну (Изъ Ованнеса Ованнисьяна) 432

VIII.

Изъ иностранныхъ поэтовъ.

302. Өульскій король (Вольфганга Гёте, съ нѣмецкаго) 434
303. Дѣтоубійца (Фридриха Шиллера, съ нѣмецкаго) 435
304—306. Изъ Детлефа фонъ-Лиліенкрона (съ нѣмецкаго):
I. Птичка 439
II. Свободная любовь 440
III. Въ поляхъ 441
307. На мотивъ Эрнста Штауса (съ нѣмецкаго) 442

стран.
308—310. Изъ Леона Диркса (съ французскаго):
I. Молитва Адама 443
II. Октябрьскій вечеръ 444
III. Похоронный маршъ 445
311—312. Изъ Мориса Метерлинка (съ французскаго):
I. „Смотрю сквозь призму сожалѣній“... 447
II. „Мой духъ желанье не влечетъ“... 448
313—314. Изъ Поля Бурже (съ французскаго):
I. Мотылекъ и роза 449
II. „Зачѣмъ?!“ 450
315. Моей молодости (Изъ Анри де-Ренье, съ французскаго) 451
316. Воспоминаніе дѣтства (Изъ Іогана Рунеберга, со шведскаго) . . 452
317—323. Изъ Іегуды Харизи (съ еврейскаго):
i. Радуга 454
II. „Божій годъ“ 455
III. Источникъ мудрости 456
IV. Слезы любви 457
V. Неустанная труженица 458
VI. Сѣдые волосы 459
VII. Современный пѣвецъ 460
324. Ибнъ-Алла (Аравійская легенда) 461

IX.

Дополненія.

325. Памяти Пушкина 466
326. Лермонтовъ. 468
327. Тютчевъ, Майковъ и Фетъ 470
328. Фридриху Фидлеру 470
329. Памяти К. К. Случевскаго 473
330. Мой тостъ (Изъ „Застольныхъ пѣсенъ“) 475
331. Пѣвичка (Изъ „Пѣсенъ о погибающихъ“.) 477
332. „Тяжелы оковы“... 481
333. Дармоѣдъ. 482
334. Прикованный орелъ 485

Только-что вышла изъ печати новая книга

Аполлона Коринфскаго:

„ПѢСНИ БАУМБАХА.“

Стихотворенія знаменитаго нѣмецкаго поэта

Рудольфа Баумбаха († 21 сентября 1905 г.).

I. „Съ проѣзжей дороги“ („Von der Landstrasse“).

II. „Пѣсни странствующаго подмастерья“ („Lieder eines fahrenden Gesellen“).

Добрый ангелъ.—Холостая компанія.—Богатая бѣдность.—Три желанія.—Бѣдный портной.—Деревенскій почтальонъ.—Предсказанія.—Пожаръ.—Инкогнито.—Попутчики.—Шахтеръ, садовникъ и ландскнехтъ.—Большая кружка.—„Но, сивка, но!..“—Кислое вино.—Кабатчикъ и чортъ.—Похвала водѣ.—Красный зонтикъ.—Уголокъ свиданій.—Коварный гость.—Мой лучшій кубокъ.—Охотничья латынь.—Совѣтъ красоткѣ.—Непонятная болѣзнь.—Какъ призывалъ я смерть.—Ночные борцы.—Блуждающая роза.—Латынь классическая.—Чернильная рыба.—Грустная пѣсня.—Майское счастье.—Пѣсни моря.—Потонувшій городъ.—Охотникъ на всѣ руки.—Кружка.—Дѣвичьи тайны.—Гимнъ жизни.—Завѣтная тропинка.—Моя лучшая пѣсня.—Передъ разлукой.—Смѣхъ русалки.—Три лебединыхъ пера.—Затерянная пѣсня.—Юный оруженосецъ.—Городокъ.—Дочь трактирщика.—Погребъ дѣвы.—Большая перемѣна.—Дорожный возокъ.—Хозяинъ и жилицы.—Потомокъ знатныхъ предковъ.—„Хоть день, да мой!..“—Каждому—свое.—Водяная лилія.—Мнѣ говорятъ.—Большая дорога.—Призывъ караульщика.—Три друга.—„И я король“.—Добрый малый.—Уважительная причина.—Свѣжее вино.—Въ родномъ углу.—„Gaudeamus igitur!“—Добрый совѣтъ.—Пѣснь о мѣлѣ.—Поворотъ солнца.—Рыцарь Генрихъ Похвала.—У моря.—Вѣдьма.—Черезъ семь лѣтъ.—Сказка про сверчка.—Тихія воды.—На перепутьи.—Моя красотка.—Лѣсной бродяга.—Голубой цвѣтокъ.—Тристанъ и Изольда.—Пѣснь буршей.—Кто первый?—Волшебный замокъ.—Госпожа Фортуна.

Изящно изданная книга въ 12 печатныхъ листовъ (192 стр.), отпечатанная на плотной глазированной бумагѣ, съ біографіей, двумя портретами и факсимиле Баумбаха. С.-Петербургъ, 1906 г.

Цѣна **одинъ рубль.**

Продается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ.

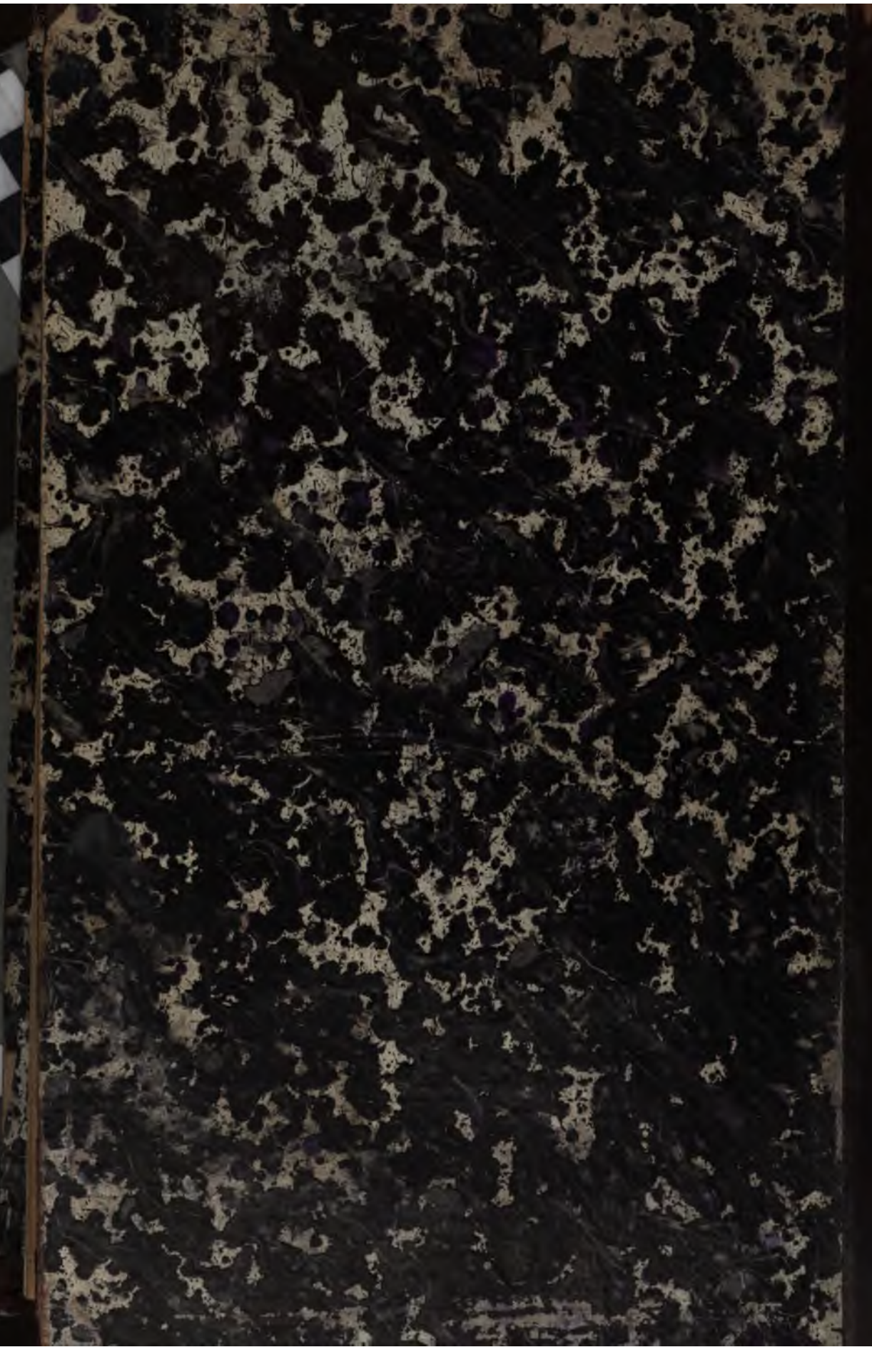
50

ми 7534/84 20
12144

писателей
Цена 20 р.

PG 3467 .K58 V4 1906 C.1
V luchakh mechty :
Stanford University Libraries
3 6105 040 814 316

25 -
019302/783

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004